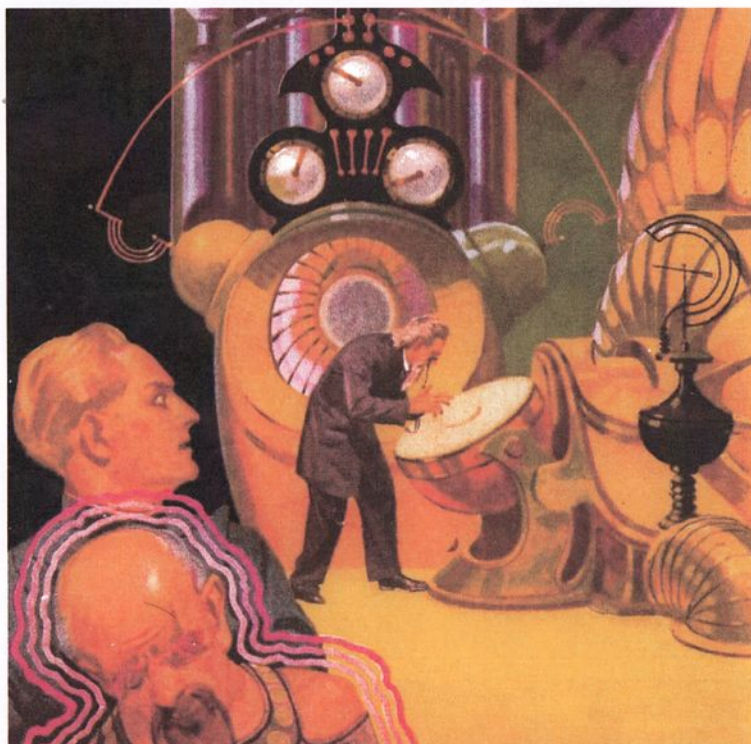

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТНЕР

ГЕНРИ КАТТНЕР

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Приложение БААКФ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Генри Каттнер
Кэтрин Мур

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2020

БААКФ-приложение 20 (2020)

Клубное издание

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ. Генри Каттнер и Кэтрин Мур
Сборник фантастики.
(а.л.: 10,23)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

CAPTAIN FUTURE

WIZARD OF SCIENCE

15¢

SPRING
ISSUE

FEATURING
**CALLING
CAPT. FUTURE**
A Complete Book-Length
Novel of Solar Doom
By EDMOND HAMILTON

A THRILLING
PUBLICATION

ЧЕСТНАЯ СДЕЛКА

(под псевд. Уилл Гарт)

РЫЖИЙ КАРСОН путем нехитрых манипуляций с пультом управления снизил скорость «Бродяги» до девяти с половиной тысяч километров в час. Смуглолицый Эмиль Дент, стоявший рядом, задумчиво смотрел в бронированный иллюминатор. Через какое-то время он отвернулся и склонился над кипой звездных карт.

— Планета на два часа впереди, — объявил он своему спутнику.

— Есть на карте? — спросил здоровяк Рыжий Карсон.

— Да, есть, но она неисследованная, — сказал Дент. — Сбавь скорость до средней*.

Карсон повернул два двигателя из четырех соплами вперед. Корабль тормозил, приближаясь к планете. Дент и Карсон смотрели в иллюминаторы, пока корабль не накрыла тьма — темная сторона планеты.

— Черт, здоровая какая! — воскликнул Дент. — Почти такая же, как Земля!

Карсон потянулся к сканеру.

— Ага. Но обитаемая ли?

Рыжеволосый космонавт подкрутил что-то на панели управления прибором. И без того большая планета мгновенно появилась на мониторе во всей своей красе, как на ладони. Дент и Карсон принялись нетерпеливо изучать увиденное — ярко освещенные горные хребты, чернеющие океаны, тенистые пустыни.

— Здесь ничего нет, — отрезал Карсон. — С этой стороны, по крайней мере. Давай посмотрим на освещенной.

«Бродяга» мчался вперед, огибая планету. Вскоре на экране возникли данные по светлой стороне — реки, леса, массивы гор.

И тут вдруг внезапно Дент и Карсон узрели город. Из золота! Оба замерли в непередаваемом изумлении.

— Да быть того не может, — хрипло прошептал Дент. — Город из золота!

— Оно не настоящее, — скептически ответил Карсон. — Наверняка латунная подделка!

* Средняя скорость — от 235 до 275 км/ч. (прим. автора)

Рыжий замедлил ход корабля, затем вернулся к внимательному изучению увиденного на экране монитора. Величественный золотой город сиял посреди долины,

MEN OF HONOR

By WILL GARTH

Author of "Rays of Bloods," "Tarnaboi," etc.

*Even a Light-Year Away Earthmen Find That
All Is Not Gold That Glitters!*

озаряемый светом двух звезд. Повсюду возвышались высокие шпили, доставая верхушками почти до высочайших пиков, которые окружали город с двух сторон, словно безмолвные белые стражи.

— А летели бы на первой космической, то проворонили бы его как пить дать! — сказал Дент.

Однако Карсон не слушал его. Дрожащими от волнения пальцами он судорожно приводил в готовность спектроскоп. Еще минута, и они узнают, из чего создан этот город!

— Порядок, это настоящее золото, — внезапно воскликнул он. — Черт, побереи, город из золота! Мы будем законченными болванами, если не набьем им трюм!

Ему тут же пришла мысль о том, что город подобного масштаба и красоты просто не может существовать без цивилизации, живущей в нем и превосходящей человечество по многим параметрам. И жители Золотого города, наверняка, будут защищать свои владения.

Есть лишь один способ, как можно заполучить драгоценный металл — незаметно выкрасть его. Дент и Карсон приземляются на темной стороне планеты, на другой стороне долины, после чего пересекают ее на своих двоих, добираются до города и уносят столько золота, сколько смогут. Таков был план.

В режиме маскировки «Бродяга» приземлился неподалеку от города. Когда двое авантюристов пробирались вдоль возделанных полей, им приходилось регулярно прятаться в траве, пока вокруг то и дело сновали местные фермеры со странными режущими инструментами, больше похожими на пилы, чем на косы.

— Гляди, а планета-то обитаемая! — восхищенно сказал Дент.

Дорожки в городе, как и почти все на улицах, были вымощены из чистого золота, расставленного вокруг так же щедро, как обычные камни на Земле!

— Жаль, что мы не можем взять с собой всю дорожку, — задумчиво произнес Карсон. — Тогда мы провели бы остаток жизни, отдыхая на Эросе.

— Ага. Или вон ту стену, — с благоговейным трепетом добавил Дент, указывая на золотой фасад великолепного дома. — Это место, должно быть, принадлежит какой-то большой шишке. Видишь бриллианты по всему периметру?

The city of gold

— Кстати, а почему вокруг так тихо? Где горожане? — спросил Карсон.

— Должно быть, спят, — тихо сказал Дент. — Слушай, надо действовать быстро. Что мы можем унести?

Вдвоем они принялись с жадностью носиться по городу. Денту приглянулась золотая статуэтка, Карсон же нацелился на стену магазина одежды. В прямом смысле нацелился, из лазерного ружья.

— Ты что творишь?! Как мы ее понесем? — возмущенно прошипел Дент, хватая напарника за руку.

— Да легко, — вырвался Карсон. — Положим все золото в какую-нибудь тачку, а там нас и след простыл. Улетим еще до того, как местные прочухаются. Ну, а дальше нас ждет Эрос!

Дент кивнул.

— Верно, приятель. Но надо поторопиться. Уже рассветает.

Карсон навел дуло на золотую стену. Лазер с хирургической точностью и остротой разрезал поверхность, словно консервный нож банку сардин. Тем временем Дент крадучись бродил по улицам, собирая золотые пепельницы, кувшины, указатели. Однако его больше соблазняли прочно посаженные в здания драгоценные камни, нежели просто предметы экстерьера.

Оба землянина были похожи на школьников, выброшенных на необитаемый остров, состоящий из мороженого и конфет. Они так суетились, что совсем не могли сконцентрироваться на чем-то одном.

Когда Дент вернулся, Карсон дорезал последние метры стены. Как раз вовремя, потому что город начал оживать. Со всех сторон слышались шумы и голоса просыпающихся горожан. Денту даже показалось, что он слышит вдалеке звон золотого колокола.

Не успели Дент и Карсон погрузить кусок стены в золотую тачку и скрыться в переулке, как мимо них прошла группа местных жителей.

Выглядели они не слишком странно. Карсону вспомнились древние ацтеки — такие же высоколобые, с оливковой кожей, одетые в свободные одежды.

— Ну же, валим отсюда! — сказал Дент. — Останемся здесь еще на минуту, и нас точно схватят!

Пыхтя от усилий и триумфа, двое авантюристов тащили груз к кораблю. На окраине города они, наконец, смогли найти нужную им тропинку.

— Ты заметил, что группа, которая проходила мимо нас, не разговаривала? Бьюсь об заклад, они телепаты, — задумчиво произнес Дент.

Через час они практически достигли точки высадки.

— Поторопись, — радостно сказал Карсон. — Через десять минут мы уже улетим отсюда ко всем чертям!

Приближаясь к «Бродяге», они вдруг застыли как вкопанные от неописуемого ужаса. Что-то было не так! Совсем не так!

В «Бродягу» кто-то залез! Грузовой отсек, рубка управления, пассажирская кабина — все было открыто нараспашку. А стальной корпус просто исчез!..

Нет, не исчез. Чуть поодаль Дент и Карсон увидели аккуратно сложенные стопкой металлические квадраты. Группа местных жителей, деловито доложив последние детали, с невозмутимым видом прошла мимо изумленных землян.

— Они разрушили наш корабль! — завопил Карсон. — Корпус разобрали! Зачем им сталь? Это же самое дешевое, что они могли найти! Теперь мы не сможем вернуться на Землю!

Оливковокожие обитатели Золотого города молча, как по команде, обернулись и уставились на Дента и Карсона.

— Люди из далекого мира, — раздался в головах авантюристов чей-то голос. — Эта самая сталь для вас, может, и бесполезна. Однако, металл, которым так стремитесь завладеть вы, бесполезен для нас в такой же степени. Собственно, сталь — это наша местная валюта, или средство обмена, если проще. Здесь она очень редка.

— Но вы же, по сути, украли наш корабль! — яростно закричал Дент.

Один из местных, самый деловитый, указал пальцем на гору сверкающих камней и блестящего золота.

— Мы ничего у вас не крали, — возразил телепатический голос. — Мы, знаете ли, порядочные люди. Взамен мы позволим вам забрать это золото. Баш на баш.

Men of honor; (Capitan Future, 1940, Spring), пер. Андрей Бурцев и Александр Штрамм

Strange

STORIES

JUNE

15¢

13
COMPLETE
STORIES
IN THIS
ISSUE!

THE PANTING BEAST

A Novelet of
Hellhound Terror
By **JOHN CLEMONS**

FEATURING

THE HUNCHBACK OF HANOVER

A Modern Miracle Novelet
By **DON ALVISO**

A THRILLING
PUBLICATION

ВРЕМЯ УБИВАТЬ

СО СТРАХОМ, с невыразимым ужасом город ждал очередной бомбардировки. Воздушные флотилии и гигантские пушки уже превратили его в пылающие руины. Улицы были завалены щебенкой и осколками стекол, хотя трупы с них быстро убрали. Отлично организованные обороняющиеся не хотели рисковать чумой. День за днем мы глядели вверх и видели самолеты, парящие в синеве. Издалека доносился гром пушек, где-то там люди бежали в штыковую атаку под разрывами снарядов, их расстреливали, их закалывали пачками, они повисали на колючей проволоке...

Для нас же, за линией обороны, в городе, ожидание было хуже смерти. Нервы дрожали, как натянутые струны, внутри все криком кричало против безумия войны. Безумие висело в напряженном воздухе, доносившем до нас рев и грохот рассыпающихся зданий.

Ночами было обязательное затемнение. А днем мы испуганно ползали по улицам, посещали свои разрушенные дома и некогда знакомые памятные места, гадая, когда же закончится эта война. Те из нас, кто помнил 1918 год, предчувствовали, что война не закончится, пока не будет уничтожено человечество.

Но сейчас я хочу поговорить не о войне – хотя она продолжается со страшной силой, а о Рудольфе Хармоне. О Хармоне и его странной телепатической силе.

Впервые я встретился с ним в полуразрушенном офисном здании, которое облюбовали для ночлегов бездомные. Первый этаж был почти не поврежден, а половина второго – разрушена. Кое-где в бывших офисах жили целые семьи, спали на полу на постельном белье, а отдельные счастливики – даже на армейских раскладушках. Кругом были заметны жалкие попытки сделать эти крысиные норы неким подобием дома – то тут, то там были зеркала, ковры или даже парочка картин на стенах. Однако большинство из нас использовало это здание лишь как место для ночлега и укрытие. А что еще нужно, когда с неба в любой момент могут посыпаться несущие смерть снаряды и бомбы.

Я был одинок, жена и ребенок погибли еще во время первого воздушного налета. А кабинет, куда я притащил одеяла, уже занимал Хармон – худой, костлявый, нервный парень лет тридцати с глазами навывкат и захудалыми усиками. Мы представляли собой странную парочку, поскольку я был коротко стрижен, коренаст, чисто выбрит и телосложением больше похож на борца, чем на врача,

TIME TO KILL

By HENRY KUTTNER

Author of "The Citadel of Darkness," "The Hunt," etc.

которым являлся на самом деле до того, как миг погряз в необъявленной войне.

Однако кризисы устраняют всяческие формальности. Я пришел с одеялами и был встречен парочкой вопросов, невнятным ворчанием и кивком, после чего мы вдвоем жили достаточно дружно, хотя и без особого взаимного интереса. Ране наш офис принадлежал, я думаю, какому-то импортеру, но понятия не имею, что с ним стало. Наверное, он просто умер. В кабинете все еще стоял его стол

*Harmon's Mind Received
the Thundering Torrent
of Wave-Impulses that
Flowed from the Brain
of a Killer!*

*My hands tightened
on the old man's
throat*

и стол стенографистки, оба с бесполезными теперь настольными лампами, а также валявшейся в углу на полу разбитой пишущей машинкой.

Там же в углу были диктофон и транскрибер*, и Хармон, который увлекался механикой, принялся с ними возиться, пытаясь починить. К счастью, в подвале здания была собственная электростанция, так что мы могли готовить себе еду и пользоваться электроосвещением, когда находили неразбитые лампочки, что случалось нечасто. Конечно же, было нельзя, чтобы по ночам в окнах горел свет. Солдаты строго следили за этим, по крайней мере, поначалу, пока их всех не угнали на фронт. Но к тому времени мы уже на своих шкурах прочувствовали, для чего нужно затемнение.

Какое-то время мы с Хармоном мало общались. Трудно вести светские беседы при таком сильном, неослабевающем нервном напряжении. Мы много курили, на удивление мало пили и слишком много размышляли. Тем временем, война продолжалась без передышки.

Мы постоянно слышали далекий, слабый орудийный гул, а после наступления ночи видели похожие на зарницы вспышки, то и дело сверкающие над горизонтом.

Трудно описать атмосферу в городе в те дни, когда все это продолжалось. У человека становится нестерпимо чувствительной кожа, словно обнажаются все нервные окончания. Мозги все время вздрагивают от внезапных диссонирующих звуков, а еще это вечное ощущение ожидания, мучительного ожидания пронзительного визга вытесняемого воздуха, который предшествует взрыву. Хотя мы, разумеется, с радостью приветствовали бы снаряд, который положил бы конец невыносимо вечному ожиданию, беспомощности, отсутствию всяческого решения и надежды. Разум, которому нечего делать, начинает пожирать сам себя. Воспаление селезенки, излияние желчи, тоска и депрессия – словом, никто из нас не был тогда психически нормальным.

И в самом деле, подобная атмосфера могла быть рассчитана на то, чтобы нарушать и останавливать действие законов природы – не только привычек и мыслей, но и законов самой неизменной стабильности Вселенной. Даже земля под ногами казалась нам непривычной, она намекала на какое-то отчуждение и, казалось, в любой момент могла измениться, содрогнуться, провалиться и обратиться в хаос. Лица окружающих казались иными, а также их глаза. У че-

* Устройство для воспроизведения диктофонных записей (прим. перев.)

ловека было время проанализировать их, осознать тайну, кроющуюся в самых простых вещах, в артикуляции мышц, в способности зрительных нервов и всех прочих чувств. Я вынужден подчеркнуть этот момент, так как он весьма значителен с точки зрения того, что последовало далее.

Хармон, наконец, отремонтировал диктофон и развлекался, надиктовывая дневник о проползающих мимо днях. Событий было слишком мало для описания. Днями остатки армии очищали улицы от трупов и патрулировали город. А по ночам прятались даже они, поскольку даже лучик электрофонарика в темноте был опасен. Самолеты и стратосферные шары были оснащены мощными телескопами, при помощи которых искали скопления наших наземных, а особенно воздушных сил, готовящихся к отправке на фронт.

Поэтому мы сидели, ждали, занимаясь банальностями и всякими глупостями, так как был необходим выход эмоциям, мыслям и энергии. Нервное напряжение непрерывно копилось в сознании, и мужчины, а также женщины, находили разные способы снять его.

Выпивка, сладострастие, внезапные вспышки насилия — все это входило в перечень таких способов.

ТАК ПРОХОДИЛА неделя за неделей, а мы с Хармоном все еще занимали одну комнату. Между нами не возникла ненависть, но мы так и не стали по-настоящему дружить, так что наши отношения правильнее было бы назвать попросту безразличными. Начались перебои с продуктами, так что мы делились всем, что могли отыскать. Это тоже было не дружбой, а вопросом спокойного совместного проживания. Однажды я принес несколько банок супа с мясом и банку тунца — особенно хорошо запомнил последнюю, так как она оказалась протухшей, — и нашел Хармона, сидящим перед диктофоном с наушниками на голове и вперившим в аппарат неподвижный взгляд. При моем появлении он вздрогнул и поспешно выключил диктофон.

— Ну, вот, — сказал я, бросая на стол свою добычу. — На несколько ужинов нам хватит. Но меня беспокоит вода. Охранник сказал, что водохранилище разбомбили.

Эти новости никак не повлияли на Хармона. Он нервно подергал усами, бесстрастно глядя на меня выпуклыми глазами. Я подошел к окну и выглянул наружу.

— Летят два самолета, — сказал я. — На фронте таких сбивают толпами — появился новый вид зажигательных намагниченных пуль...

— Стэнли, — внезапно перебил меня Хармон, — я бы хотел, чтобы ты послушал эту запись.

— А? Что...

— Сам я немного боюсь, — продолжал он. — Это какой-то сон, галлюцинация или безумие. Не знаю, что именно. Видишь ли, прошлой ночью, пока я был в трансе, то кое-что надиктовал. По крайней мере, я не был в сознании, хотя и не спал. Ты слышал об автоматическом письме? Так вот, это похоже на автоматическую речь. Хотя временами мне казалось, что я попросту вижу сон. Так вот, я... — он закашлял и отвернулся, — ...я совершил убийство, — с трудом выдавил он сквозь кашель. — Но это был не я. Мой разум, мое восприятие находились, казалось, в чьем-то теле. В чужом теле. И мой голос произносил мысли, когда они пролетали у меня в мозгу. Это было, ну... в общем, ужасно.

— Возможно, это просто нервы, — успокоил я его. — Но давай, послушаем.

Хармон протянул мне наушники. Я надел их и поставил иголку на начало. Восковой цилиндр начал вращаться. Я уменьшил скорость и прислушался.

Сначала я услышал лишь неразборчивое бормотание. Постепенно оно переросло в отдельные слова, а потом слова сложились в слитный монолог. Хармон внимательно наблюдал за мной. Лицо его было бледно, и через некоторое время я понял, почему.

Потому что зазвучали мысли убийцы, вначале спутанные, хаотичные:

— Тени... кругом тени... зазубренные... отброшенные луной. Оставайся в тенях. Тени защитят. Могут спрятать от неба... небо жмет, душит, грозит раздавить. С него готова выпрыгнуть смерть. Но смерть не выпрыгивает. Господи, если бы она выпрыгнула, если бы она... Нет, просто ждет. Это невыносимо. Бомбы, разрывы снарядов, кровавый дождь. Все, что угодно, только бы снять с моего мозга одеяло... горячее, гнетущее. Внешне я спокоен. Внутри кипит, бурлит, бушует суматоха. Мысли бьются неровными приливами... как... Они вот-вот нарушат тишину. Я не смею кричать. Не надо! Не надо!.. Эти приливы сорвут одеяло и оставят мой мозг открытым всем взорам... Нет, нужно оставаться в тени. Ползти по лицам, обходя пятна лунного света.

Молчание, тишина, только царапает игла. Затем голос продолжал:

— Мозг словно шевелится, больно проворачиваясь в черепе. Голова полна мыслей и страха. Ненависти. Печали. И других подобных эмоций. Что я могу сделать? Фронт — это верная смерть. Но почему я цепляюсь за жизнь? Война может закончиться хоть завтра, но мы никогда не покинем этот город. Его больше нет на земле. Даже сам воздух тут изменился, пульсирует от вибраций

лишенных гуманности эмоций. Словно электроразряды в голове. Суперзаряженные мозги. Нужен какой-то выход, бежать нужно! Боже, что-то движется рядом со мной, и всплеск здешнего мира, где обычные законы уже не действуют, материализует... собаку. Маленькую собачку. Со сломанной лапкой. Мягкий мех. Особенно мягкий вокруг горла... Мои руки кажутся совсем белыми в лунном свете на фоне черной шелковистой шерсти. Мои руки... тянутся... вкрадчиво, осторожно... пальцы мои сильны, я вижу, как на них выдаются сухожилия. А у меня в голове – приливы мыслей, прорывающихся сквозь душасщее их одеяло. В голове дует холодный ветер. На меня напрыгивают тени. Прыгают, отключают ужасное небо. Я в пещере. Тени охраняют меня. Мозги ледяные, а пальцы свело болью экстаза. Из моих рук истекает энергия, накопленная в мозгу. Собачка умирает.

Снова игла мягко ритмично царапает мозг.

Я взглянул на Хармона, но он сделал повелительный жест, вынуждающий молчать, а голос после паузы продолжал:

– Мало, мало! Недостаточно выплеснутой энергии. Удар мыслей, раскачивание – все правильно. Но нужна не собака. Слишком мало выделенной энергии. Недостаточно... Блеск медных пуговиц. Форма хаки. Солдат прислонился к стене, винтовка чуть в стороне. Он не слышит меня. Воротничок расстегнут, ночь теплая. Под кожей, в синих венах, биение пульса. Сумею я подойти тихо? Да, он не слышит. Я отодвигаю его винтовку на пару шагов дальше. Теперь я стою прямо перед ним. Поднимаю руки. И энергия из мозга вытекает по ним. Пульсация под черепом уже не такая тошнотворная, может, этого хватит... Нет! Энергия устремится обратно, если я... Прыгают тени. Мои руки мягко, нежно сжимают горло солдата. А теперь прыжок – тени, охраняйте меня, и вулканический грозовой поток выливается из моего мозга в руки до самых пальцев, высвобождая энергию... Солдат мертв. Позвоночник его хрустнул почти беззвучно. Пусть себе лежит. Мирно, спокойно... Небо больше не давит. Дует прохладный ветерок, овеявая мои обнаженные мозги...

Валик кончился. Я выключил диктофон, снял наушники и повернулся к Хармону. Он тянул себя за усики, губы дрожали.

– Ну? – спросил он.

– Все это не реально, – ответил я. – Ты ведь не сумасшедший. Нервная истерика может вызвать подобный сомнамбулизм. Ты спал, только и всего.

– Да, – кивнул он. – Вот только нынче утром на улице у реки был найден задушенный солдат.

Я почесал щетину на подбородке.

– И что? Простое совпадение.

– Я спустился к реке, чтобы увидеть тело, – продолжал Хармон, – но его уже увезли. Затем я немного прошелся и увидел мертвую собаку. Черного спаниеля со сломанной лапой. Я... – Глаза его выкатились больше обычного, он облизнул пересохшие губы. – Мог ли я...

Я улыбнулся и коснулся тонкой руки Хармона.

– Мог ли ты задушить здорового солдата? Сломать ему шею? А как ты сам думаешь?

НА МИГ по его лицу скользнуло облегчение, но брови тут же нахмурились.

– Безумие может придавать аномальную силу.

– Возможно. Но я очень сомневаюсь, что ты сумеешь так запросто задушить человека. Правда, я терапевт, а не психиатр, но все же кое-что знаю. Кроме того, как ты мог пойти и убить солдата, когда сидел тут, надиктовывая полный цилиндрик?

– Я уже думал об этом, – пробормотал Хармон. – Но, может, я диктовал по памяти?

– А ты выходил на улицу вчера вечером?

– Не помню, чтобы выходил. Я уснул около половины десятого, а потом внезапно оказался у диктофона в каком-то трансе. Когда я закончил говорить, тот перед глазами все почернело. Проснувшись, я поглядел на часы. Было уже больше двух. Ты спал, и я чуть было не разбудил тебя... мне так хотелось с кем-нибудь поговорить.

– Жаль, что ты не разбудил, – сказал я.

Я снова подошел к окну, невольно уставившись на выпотрошенный небоскреб на другой стороне улицы, и услышал доносящийся откуда-то с вышины гул самолета.

– А ты не можешь придумать какое-нибудь объяснение? – спросил Хармон.

– Не знаю. Не из области медицины. Просто идея, весьма фантастичная. Если то, что ты тут надиктовал, является правдой...

– Да?

– Значит, ты читаешь чужие мысли. Никто еще не доказал существование телепатии, хотя эксперименты весьма убедительно указывают на возможность ее. Мозг – таинственный орган, Хармон. О нем мало что известно. Например, шишковидная железа – одна сплошная загадка. А сама природа мысли!.. – Я закурил погасшую сигарету. – Материя и мысль – это вибрации. А вибрации – волновые импульсы, которые могут передаваться при благоприятных условиях. А условия у нас сейчас чрезвычайные. С точки зрения

психиатрии, мы все здесь ненормальны. Безумие носится в воздухе. Твой разум не может быть в норме при таких-то нагрузках, и поэтому может обрести такую чувствительность, что вошел в телепатический контакт с каким-то другим разумом.

Хармон задумался.

— Но тогда почему я не чувствую постоянного контакта? Почему он возник лишь на десять минут прошлой ночью?

— Мысли, которые ты получил, возникли под огромным эмоциональным напряжением. Если моя теория верна, то этот убийца — просто псих ненормальный. Обстановка, желание выжить, а также жесткий самоконтроль лишили его обычного выхода эмоций. Он пытался сдержать лавину мыслей и чувств, громоздящуюся в его мозгу. Если бы он, например, напился, то ничего бы не случилось. Но контроль держал его в темнице до тех пор, пока поток не прорвался через обычно заблокированный канал. Я видел, как проводили психоанализ убийцам, Хармон. Как правило, они не хотели убивать. Но им отказывали в других источниках эмоционального освобождения, или, по крайней мере, они не видели таковых. Таким был Джек Потрошитель. Комплекс страхов заставил его убивать женщин вместо того, чтобы, например, жениться. Если нормальные каналы заблокированы, поток эмоций устремляется через ненормальные.

Хармон схватил восковой цилиндр и внезапно с силой швырнул его на пол. Цилиндр треснул и разбился.

— Может, ты и прав, — пробормотал он, — но что-то не так с моим сознанием, да?

— Я бы не сказал, что что-то не так. Но ничто извне не может излечить такое напряжение.

— Зато его так легко заполучить, — с жесткой иронией сказал Хармон.

Мы замолчали, прислушиваясь к далекому гулу орудий на фронте.

МЕДЛЕННО ТЯНУЛИСЬ скучные дни. Кто-то покинул город, но немногие, поскольку в сельской местности всех ждал голод. А в мегаполисе можно было надеяться найти воду и продовольствие, если усердно искать. Так что мы оказались здесь в ловушке, скованные невидимыми оковами. Как проклятые. А может, мы и были проклятыми. Хармон страдал и становился все изможденнее на вид. Глаза у него неестественно ярко блестели, щеки были лихорадочно-красными, губы потрескались. И через неделю произошло повторение телепатического сеанса.

Однажды ночью я вернулся со скудным уловом пищи и нашел Хармона сидящим у диктофона и ждущим меня. Костлявое его тело тряслось, лицо выглядело белой бородатой маской.

— Это случилось опять, — пролепетал он. — Час назад.

Я молча положил свою добычу и схватил наушники. Смутный лунный свет сочился сквозь треснувшее окно, грязное и давным-давно не мытое. Хармон выглядел неясной тенью, прислонившись к стене, полускрытой мраком.

А я снова стал слушать жуткий голос.

— Иди, иди, иди же!.. Быстрее! Расходуй свою мозговую энергию. Только ступай осторожно. Не показывайся в лунном свете. Не выходи под открытое небо. Слышишь пушки? Каждый залп добавляет еще один заряд к моему и без того перегруженному токами мозгу. Убийства собаки и солдата оказалось недостаточно. Потенциал продолжает накапливаться. Нужно еще одно освобождение. Тени меня не защитят, они скользят, уплывают, ускользают от меня, оставляя уязвимым под небесными молотами. Мне нужно снова убить... Я захожу в здание. Здесь спят люди, беженцы. Двери теперь никто не запирает. В холле очень темно. А в углу... Что там, в углу?! Черный, бесформенный комок. Кто-то спит, завернувшись в одеяло. Старик. Мои глаза теперь привыкли к мраку. Кажется, я все вижу отчетливо. В моей голове энергия, а свет — этот ведь тоже энергия... Пушки продолжают грохотать. Я слышу, как наверху пролетает самолет. А тени следуют за мной. Они велят мне убивать. Они защитят, охранят меня... Старик хрипит и стонет во сне. Шея его сухая и тощая. Покрытая старческими морщинами кожа похожа на чешую... Целая паутина морщин. Я опускаюсь на одно колено возле него. Тишина, смутный лунный свет из раскрытой двери и ритмичное дыхание, от которого шевелится пергаментно-желтая кожа. Энергия вытекает из моего мозга, и стук в висках становится все слабее. Тени наклонились надо мной, готовые прыгнуть. Очень мягко, нежно мои руки смыкаются вокруг горла старика. Буря экстаза! Облегчение, бурный поток, распаивающиеся под его натиском ворота, и мой мозг становится холодным и спокойным... только слабая боль в пальцах, зарывшихся в чужую плоть... И все кончено. Старик мертв. Мой мозг свободен, успокоен. Небо мне больше не страшно. Гул орудий не сотрясает цитадель моего разума. Я расслаблен, радостен, счастлив...

Конец записи.

— Я знаю, что ты скажешь, — нервно произнес Хармон. — Телепатия. Но это меня не успокаивает. Где-то по городу бродит безумный убийца, и Бог знает, чем это может закончиться!

— Хармон, — сказал я, — почему бы тебе не уехать в деревню? Куда угодно. Неважно. Смена обстановки — вот что тебе нужно.

— Да куда я могу уехать? — спросил он в ответ. — Мы здесь в аду. И не можем из него выбраться. Вся Земля... Весь мир, если уж на то пошло... — Хармон замолчал, погрузившись в размышления. — Это конец. Человечество совершает самоубийство. Нам некуда бежать. Все мои отношения. Все мои связи с жизнью были разорваны во время первого же рейда. Ничего не осталось. Так что я не знаю...

Он уронил голову на руки и принялся массировать виски. Я молча стоял, созерцая эту картину.

— Тогда почему бы тебе не разбить диктофон? — наконец произнес я.

Возможно, Хармон решил, что я насмехаюсь над ним.

— Легко тебе говорить! — гневно выкрикнул он. — Ты чертовски хладнокровен, у тебя в венах ледяная вода вместо крови. Тебе не понять, что я чувствую.

Я хмыкнул и отвернулся, чувствуя горячую обиду на Хармона. Я ведь понес такие же потери, как и он. Как он посмел предположить, что если я не проявляю внешне эмоций, то ничего и не чувствую в душе? Была сцена, которую я не позволял себе вспоминать — руины моего дома, зрелище, говорящее мне, что я лишился жены и ребенка.

Я заставлял себя думать о более безопасных предметах. Есть вещи слишком ужасные, чтобы их вспоминать.

Уже после полуночи я вернулся домой с пустыми руками. Желудок сосало от голода. Да, над городом повис призрак голода, занявший место исчезнувших за несколько дней до этого бомбардировщиков. Мы остались одни в мире мертвых. Только гул орудий, теперь прерывистый, но все равно безумно смертоносный, подсказывал нам, что где-то еще остались живые, кроме нас, горожан. Возможно, поэтому я знал, что еще жив.

Подходя к комнате, где сидел Хармон, я услышал его голос. Точнее, голос, записанный диктофоном. Когда я вошел, запись как раз закончилась.

— Привет, — глухо сказал Хармон. — Это случилось опять. Только на сей раз убийства не было. Вот послушай.

Он встал и протянул мне наушники. Я надел их и включил запись по новой.

Резко зазвучал голос:

— Убей, убей, пока энергия не разорвала мне мозг на куски. Две недели без освобождения. Нынче вечером я должен найти освобождение или умереть. Бесполезно и опасно бороться с убийствен-

ным импульсом. В конце концов, он становится слишком силен для меня. Вот и сегодня вечером он сильный, ужасно сильный. Темно, очень темно. Сегодня нет луны. И нет теней. Пустое небо давит сверху на нас. Орудия звучат теперь не так часто, но каждый залп словно разносит мой мозг на куски. Я должен высвободить страшную энергию, скопившуюся у меня в голове. Но как, где?.. Кажется, в этом коттедже живут люди. Дверь заперта, но окно... оно легонько скользнуло вверх. Люди теперь не боятся воров. Так, зажжем спичку. Пустая комната, но я слышу звук тихого дыхания.

Голос замолчал, но после паузы продолжал:

— Спальня. Еще одна спичка. В ее свете видна кровать, в ней спят двое детишек. Лет восьми-десяти. Их горлышки словно ждут моих рук, белые, мягкие. Я должен убить их быстро. Не могу больше ждать. В голове гремит водоворот. Стучит и бьется о внутренние части моего черепа. И никаких теней, чтобы помочь мне. Но энергия уже перетекает в мои руки. Нужно наклониться над кроватью, над ребенком... Мягко, нежно мои руки смыкаются вокруг его горла... Заткнись! Замолкни! Будь ты проклят... Второй мальчишка кричит, выскакивает из постели и кричит во всю силу своих юных легких. И я слышу, как где-то кричат в ответ мужчины. Топот ног. Нет времени, совсем нет времени убить ребенка. Окно по-прежнему открыто. И я уже на улице. Они бегут за мной, выкрикивая угрозы. Еще минута, и я бы задушил мальчишку и высвободил энергию. Но нет, не дали. Не хватило времени. Вот переулок. Там темно. Еще переулок. Голоса преследователей замирают. Я оторвался от них... Теперь я в безопасности. В безопасности? Боже, мой мозг готов взорваться!

Запись закончилась.

Я снял наушники и повернулся к Хармону. Наплевав на воздушную тревогу, он зажег лампу, обернув ее носовым платком, и сел перед диктофоном, игнорируя меня. Я начал было что-то говорить, но тут же замолчал, и лишь глядел на него.

ДРОЖЬ СОТРЯСАЛА костлявое тело Хармона. Глаза были расширены. Медленно, каким-то автоматическим движением он поднес трубку диктофона к губам и нажал кнопку записи. Игла заскользила по восковому цилиндрику.

— Не могу этого выносить, — мертвым, без всякого выражения голосом произнес Хармон. — Я больше не могу держать давление энергии под контролем. Мозг пульсирует, стучит, трясется внутри черепа. Меня не поймали, но риск только возрастает, если быстро

не охладить мне мозг. Энергия копится и копится в голове. Я должен убить, быстро, быстро!

Вдалеке послышалась канонада.

Но Хармон не слышал ее.

— Энергия течет, — продолжал он. — Давление вытесняет ее из мозга, она движется вниз по рукам, в самые кончики пальцев. И накапливается там, ждет, готовая выплеснуться и ударить...

Снова вдали забормотали пушки.

— Тени присели, готовые прыгнуть! Прыгнуть, чтобы охранять меня! Охранять, пока я убиваю! Сейчас! Немедленно!

Внезапно Хармон издал дикий высокий вопль. Трубка со стуком выпала из его пальцев. Он повернулся лицом ко мне — глаза широко распахнуты, лицо пожелтело и блестит от пота. Ужасная судорога скрутила губы.

Новый далекий залп.

Тень упала на Хармона, когда я быстро и бесшумно двинулся к нему.

Мягко, нежно мои руки потянулись и сомкнулись у него на горле...

Time to kill, (Strange Stories, 1940 № 6), пер. Андрей Буцев

CAPTAIN FUTURE

MAN OF TOMORROW

SPRING
ISSUE

15¢

FEATURING

STAR TRAIL TO GLORY

A Complete
Book-Length
Scientifiction
Novel

By
**EDMOND
HAMILTON**

A THRILLING
PUBLICATION

БЛОК ПАМЯТИ

(под псевд. Уилл Гарт)

В МЕЖПЛАНЕТАРНОЙ ТЮРЬМЕ «Цербер» смягчится даже самый жестокий преступник, которому «повезло» попасть сюда на длительный срок — полная изоляция, как считали светила психиатрии, рано или поздно раздавит даже самого стойкого. Однако Тому Герису не повезло по-настоящему — его приговорили к двойному сроку. Единственный случай за всю историю!

— Научный комитет определенно согласился с моим доводом, — пробормотал Герис.

Он насмешливо усмехнулся, глядя на верх стены, где располагался экран, из-за совпадающего зеленого цвета со стеной почти невидимый даже для самого острого глаза. Однако Герис знал наверняка, что эта штукавина там. Он сам ее изобрел, будучи в бытность свою величайшим ученым Солнечной системы. И вот теперь он, Том Герис по прозвищу Скорпион, «бич девяти планет», за которыми годами охотилась Галактическая полиция, лишь насмешливо ухмылялся, глядя на собственное изобретение. *Ирония судьбы*, усмехаясь, думал он.

Вскоре он снова склонился над металлическим столом и продолжил писать. Этим он занимался, казалось, бессчетное количество лет. Не имея ничего, кроме карандаша и бумаги, а также разума, который только обострялся от одиночества и отсутствия отвлечений, он разработал такие грандиозные научные принципы, что любой законопослушный коллега поразился бы до глубины души. Однако Том Герис более не мыслил категориями чистой науки. Все его мысли, проходящие сквозь живой разум, были посвящены дню, когда он вернется на Землю.

Сперва он чувствовал нехватку хорошего лабораторного оборудования. Даже сейчас чувствительные руки ученого все еще ныли от желания взяться за приборы, с помощью которых можно было доказать все теории. Но в его распоряжении были лишь бумага и карандаш, и он отработывал каждый этап, а затем математически пытался доказать результат.

— Увеличение скорости молекул до определенной точки заставит материю испускать вибрацию со скоростью, невидимой глазу, — бормотал он, склонившись над бумагой на шатком столе и что-то

Memory Blocks

By WILL GARTH

Author of "Hands Across the Void," "Fulfillment," etc.

яростно записывая. — Рассеивание и колебание молекул делает их невидимыми, и, более того, способными проходить через материю! Это выведет на новый уровень процесс угона космического корабля: невидимые угонщики смогут пройти сквозь корпус корабля прямо в грузовой отсек и улететь в космос без каких-либо проблем и опасности обнаружения!

Он осторожно записал все, кроме формулы для обратного соединения молекул. Именно это он держал только в голове.

— Однако дознаватели нынче эффективно работают, даже слишком, — размышлял он, лежа на жесткой койке, уставившись в побеленный каменный потолок. — У них есть все виды зондирующих устройств для выкапывания самых сокровенных секретов из мозгов. Нужно найти место получше, чем моя голова.

Острые глаза обшаривали маленькую камеру. Стены не имели ни единого шва или трещины, будучи выдолбленными в скале на атомном уровне.

— Здесь нигде не спрятать, — решил он. — В голове держать — тоже не вариант. Остается только одно...

Том Герис колебался, потому что предпочитал никогда не рисковать. Причиной его падения стал тот самый тайник — разум другого человека. Он обучал человека по имени Кромвель научным преступлениям.

Том забывал о том, что разум тоже имеет значение!

Опасаясь, что молодого космического пирата могли схватить, он поспешно стер из памяти Кромвеля все воспоминания о своем имени. Но созданный им блок памяти оказался слишком эффективным. Кромвель проучился три года в космическом колледже, специализируясь на изобретениях Гериса, который, в свою очередь, сделал для астронавигации больше, чем кто-либо другой. Однако Кромвель все же не помнил, как управлять воздушным шлюзом Гериса, потому что блок памяти стер все воспоминания, связанные с ним. Когда полиция вывела Кромвеля из шлюза, они поняли, что тот был первоклассным космонавтом, который, тем не менее, никогда не слышал о величайшем ученом Солнечной системы. И все же Гериса поймали в связи с пиратским кораблем.

— Но это совсем другое, — процедил сквозь зубы Герис. — Отныне я буду полагаться только на себя. Я сам могу управлять своими блоками памяти.

С помощью самогипноза он намеренно спрятал тайну глубоко в подсознании, чтобы ни в коем случае не выдать формулу обратного соединения молекул, без которой раскрыть невидимку было невозможно.

В конце концов, даже двойной срок имеет конец. Освобождение стало для Тома Гериса неожиданностью. Он заставил охранников ждать два часа, пока не закончит сложнейшие расчеты, и только после этого позволил отвести себя к дознавателям, которые безуспешно пытались выведать у него хоть какие-то тайны. Вскоре его доставили прамиком на Землю.

В небольшом складе для ракетоносцев, который был арендован Герисом и использован в качестве лаборатории, ученый усовершенствовал свое изобретение. С помощью своих записей и остатков группы ученых-преступников, созданной им давным-давно, он вскоре вышел в космос с готовностью совершить первое ограбление.

— А вот и он, — сказал он, взглядываясь в визор. — «Орион», направляется к Марсу, на борту груз радия. Готовность номер один.

Всем к шлюзу, и никаких заминок не допускать. Груз бесследно исчезнет прямо из-под носа экипажа. Они даже не поймут, кто и каким образом их ограбил.

— Позвольте мне проверить ваше устройство, шеф, — предложил Кромвель. — Вы слишком ценны.

— Нет! Это мое изобретение! — раздраженно бросил Герис. — Я хочу лично испытать его. В конце концов, я должен быть первым!

Корабль с преступниками на борту шел параллельно «Ориону», скрытый космической тьмой. Герис шелкнул тумблером на аппарате невидимости и без особых усилий протис-

нулся сквозь корпус своего корабля. Казалось, он продирается через густой туман. Медленно, но верно он подбирался к цели, словно торпеда. Достигнув корпуса, он направился вдоль него, пока не нашел грузовой отсек. Прежде чем протиснуться внутрь, Том с беспокойством оглянулся на свой корабль. Какая-то смутная мыслишка шевельнулась у него в голове, но он не мог ее вспомнить.

Резким движением он нажал на кнопку запуска двигателей реактивного ранца. Его с силой швырнуло сквозь блестящий корпус «Ориона», будто он состоял из воздуха. Однако совершенно неожиданно для Тома, он прошел через корабль и вылетел с другой стороны, лишь на секунду успев заметить груз радия.

— Что-то не так... — пробормотал он.

Он залетел обратно в корабль, но опять пролетел мимо искомого груза, не имея возможности даже схватиться за что-нибудь. Тома охватил неописуемый ужас. Он стремглав полетел обратно к своему кораблю. Оказавшись в кабине пилотов, он смог затормозить с помощью ранца, но его руки по-прежнему отказывались нащупать хоть что-то твердое.

— Боже, помоги мне! — беззвучно взвизгнул он. — Я кое-что забыл!

Однако он не мог вспомнить, что именно. Блок памяти, который он создал, чтобы сохранить свою тайну от тюремных дознавателей, снова оказался слишком совершенным. Том Герис забыл формулу обратного соединения. Без нее ему не под силу было вернуться в прежнее состояние.

Спустя несколько дней молекулы его тела разлетелись так далеко друг от друга, что взаимное притяжение уже не могло удержать их на местах. Том парил в кабине облачком невидимых пылинок, пока система циркуляции кислорода не унесла его в очистительный узел, где он окончательно развоплотился и вылетел через выхлопные трубы в открытый космос.

Том Герис совершил в жизни две большие ошибки. И обе по своей вине...

Memory blocks, (Capitan Future, 1941, Spring), пер. Андрей Бурцев и Александр Штрамм

10¢

ASTONISHING

STORIES

SEPT.

10
COMPLETE
STORIES

MARS-TUBE
by
S.D. GOTTESMAN
—
HARRY WALTON
PAUL EDMONDS

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

(Под псевд. П. Эдмондс)

ПОСЛЕ нескольких месяцев изучения старинных легенд, нам наконец удалось отыскать его в расположенных на границе с Бирмой Аннамских горах. Я понятия не имею, что это было. Когда-то давно в Индокитае жил великий и таинственный народ, и, как мне кажется, его наука намного превосходила нашу. Не приходилось сомневаться в том, что Красное дерево не могло появиться без человеческого участия.

Часть легенд была посвящена именно Красному дереву. Мы занимались раскопками в Эдемском саду, или, иными словами, в колыбели человеческой цивилизации. Согласно преданиям, человечество зародилось в долинах рек Тигр и Евфрат. Кроме того, важные для науки окаменелости были найдены в пустыне Гоби, но нам удалось отыскать кое-что совершенно иное. На месте раскопок мы обнаружили черепа четвертичного периода*, оказавшиеся куда древнее черепов кроманьонцев, присланных нам из Аннамских гор. Тут как нельзя кстати подвернулись копии древних рукописей, которые Бэбкок — наш этнолог, переписал из источников куда древнее Книги Бытия.

Больше всего Бэбкок напоминал карикатурного марсианина: маленькое сморщенное тело венчала лысая голова, похожая на луковичу. По ночам, сидя на корточках у костра, он мог часами рассуждать о предстоящих открытиях.

— Фольклор, так или иначе, основан на научных фактах. — Его покрытое морщинами лицо светилось искренним энтузиазмом. — Местные легенды тесно переплетены с Книгой Бытия. Почти у каждого народа есть предания о стертой с лица Земли свержасе. Ну да, а почему бы и нет?

— Как и мифы об Атлантиде, — проворчал наш босс Кирни, рыжеволосый здоровяк с пронизывающим взглядом.

Хоть Кирни и был рабовладельцем, за работу он платил хорошие деньги, так что мы предпочитали не интересоваться их происхождением.

* Четвертичный период, или антропоген — геологический период, современный этап истории Земли, третий период кайнозойской эры. Начался 2,588 миллиона лет назад, продолжается по сей день. (прим. перев.)

The Tree of Life

The Red Tree, not knowing what it did, had given humanity to the world. Now it was planning to take back its gift. . . .

By Paul Edmonds

— Мифы об Атлантиде, — повторил он. — Да это же просто смешно. То есть ты хочешь сказать, что кроманьонцы внезапно превратились в сверхрасу, а потом бесследно испарились? Какая чушь!

— Я не имел в виду ничего подобного! — раздраженно ответил Бэбкок и бросил на него серил

дитый взгляд. — И в наше время существуют первобытные племена. Давайте представим, что человеческая цивилизация столкнется с

катастрофой такого масштаба, что уцелеют только ее сильнейшие представители? Вполне возможно, что через несколько сотен лет на Земле в живых останутся только дикари... вроде австралийских бушменов*!

— Ну, хорошо, — натянуто улыбнулся Кирни. — Предположим, на Земле уже происходило нечто подобное. Тогда почему мы не нашли никаких артефактов?

— Если сообщество вело обособленную жизнь, мы и не могли ничего обнаружить. А в населенном лишь дикарями мире иначе быть не могло. А если скрещивались только самые умные из них? Это привело бы к вырождению, что, собственно говоря, и произошло в древнем Египте.

— Тем не менее, мы не нашли никаких следов, хотя должно было остаться хоть что-то! — пророкотал археолог Гюнтер.

Этого приземистого смуглого бородача вполне можно было принять за неандертальца. За стеклами очков в роговой оправе поблескивали внимательные глаза.

— Только если им не пришлось искать убежище в каком-нибудь безопасном месте, например, на острове Пасхи, как можно дальше от враждебного мира.

— Да ну тебя к черту, — сказал Гюнтер. — Ты сошел с ума.

— Если бы ты был таким умным, то смог бы прочитать найденные пергаментные свитки, — вспыхнул Бэбкок.

Я ЗАМЕТИЛ, что за нами пристально наблюдают носильщики-туземцы, и поспешил перевести разговор в более мирное русло. Я всегда так делал, потому что не являлся ученым в полном смысле этого слова. Моя работа заключалась, в основном, в том, чтобы делать заметки и при каждом удобном случае снимать происходящее на камеру. Позже мы привезем заметки обратно в Штаты и составим из них книгу. А отснятый материал вполне мог бы заинтересовать продюсеров в Голливуде, поэтому мне приходилось смотреть в оба.

— А где Уэстерли? — поспешил я ввязаться в разговор, потому что готовая вот-вот завязаться потасовка уж точно не входила в мои планы. — Я не видел его уже несколько часов. Может, он?..

* Австралийские аборигены (коренные австралийцы) — коренное население Австралии, также иногда называемые «австралийскими бушменами», в языковом и расовом отношении обособлены от других народов мира. (прим. перев.)

— Он, наверно, опять присосался к трубке с опиумом. Да и черт с ним. — Кирни передернул широкими плечами. — Но он в курсе, что завтра предстоит тяжелый день, поэтому обещал скоро завязать.

Однако в глубине души я понимал, что заверения Уэстерли, к сожалению, могут расходиться с действительностью. Мы подобрали его в Сайгоне*, узнав, что он считается лучшим проводником в округе. Может, так оно и было, только я в некотором смысле был еще и психологом, поэтому сразу распознал в Уэстерли шизофреника, жуткого невротика и, как мне показалось, просто психически неуравновешенного человека. Кроме того, он довольно часто курил опиум. Этому полукровке нельзя было доверять оружие, потому что он по неосторожности мог застрелить самого себя.

— Гюнтер, ты когда-нибудь слышал о мутациях? — спросил Бэбкок, не обращая на меня ни малейшего внимания.

— А что? — переспросил коренастый Кирни, поглаживая бороду.

— Эта вымершая раса как раз могла мутировать из-за близкородственного скрещивания. Ради Бога, включи-ка уже логику, наконец! Благодаря лучшим методам ведения сельского хозяйства, богатствам, более здоровой пище и теплой одежде, такое племя быстро обогнало бы в развитии своих соседей, что, в свою очередь, привело бы к частым набегам, и поэтому мутанты должны были найти безопасное место для жизни...

— Здесь, в Индокитае, — усмехнулся Гюнтер.

— Эти горные хребты никто не исследовал, и туземцы стараются держаться подальше от этих мест. Я порасспрашивал некоторых из них, и узнал, что они сумели приручить диких животных, а это — нечто — живет совсем в глуши. Они понятия не имеют, что это за существо. Оказываясь в тех областях, туземцы стараются убраться. И как можно скорее, черт побери!

— Я все равно надеюсь найти несколько окаменелостей, — заметил Бэбкок. — Или пару резных фигурок.

ТУТ к нам присоединился Уэстерли — очень худой изможденный человек с ввалившимися глазами и впалыми щеками. Он молча встал у костра и принялся наблюдать за нами поблескивающими глазами.

— Что случилось? — спросил Кирни.

— Носильщики. Они явно не собираются тут задерживаться. У меня предчувствие, что они скоро сбегут.

— Да? А если платить им больше?

— Дело не в этом, — покачал головой Уэстерли. — Они напуганы до смерти. Сегодня или завтра они точно покинут нас.

— Тогда будем дежурить по очереди, — грубо сказал Гюнтер.

* Хошимин (Сайгон) — город на юге Вьетнама. (прим. перев.)

— Не думаю, что это сильно поможет делу. — Кирни закусил губу.
— Если дело дойдет до драки... они, скорее, перережут нам глотки, чем пойдут дальше в горы. Что ты на это скажешь, Уэстерли?

— О, да, они вполне способны на такое, — кивнул проводник.

— Так, хорошо. А что, если они разобьют здесь лагерь и просто будут ждать нас? Как ты на это смотришь?

— Да, так будет правильно, — ответил Уэстерли. — Это самое мудрое и безопасное решение. Весь наш путь вряд ли займет больше четырех дней, если, конечно, карты не устарели.

Но, к сожалению, так оно и вышло. Несколько недель мы с трудом пробирались по дикой местности, стараясь питаться тем, что могла дать природа, и надеясь, что, вернувшись, обнаружим туземцев на базе. Если, конечно, мы все-таки вернемся. Мы стали кивались с враждебно настроенными племенами, но у нас с собой были винтовки, так что до открытого противостояния дело так и не дошло.

Запасы провизии подходили к концу. Нас спасала только меткая стрельба Кирни: не проходило и дня, чтобы мы не ели свежего мяса. Но так продолжалось недолго, и, по мере того, как мы все выше и выше забирались на высокие, таинственные горы, дичи становилось все меньше. Окружающие нас места не были отмечены на карте. Я справлялся по реке Ориноко и бывал в тех частях Африки, где никогда прежде не ступала нога белого человека, но могу с уверенностью сказать, что горы на границе с Бирмой были самым одиноким местом в мире.

Суть в том, что, как мне кажется, мы нашли Эдем совершенно случайно. Он оказался извилистым ущельем посреди неприступных скал шириной приблизительно километр и длиной примерно пять. Представьте себе этаким Большой каньон указанных размеров. Вот и все, что я могу поведать об Эдеме. Нам удалось разглядеть густую растительность и манящую серебристую реку, берущую начало в пещере и исчезающую где-то в долине.

— Эти каналы... — начал было говорить бледный как мел Бэбкок, бросив взгляд вниз.

— А? Что ты имеешь в виду? — я с удивлением посмотрел на него.

— Видишь? Сейчас русла сухие, но когда-то здесь было аж четыре реки.

Гюнтер что-то пробормотал себе в бороду.

— Ну, и что с того? — продолжал я.

— Эдем! — радостно воскликнул Бэбкок. — Четыре реки Эдема! И ведь мы с вами находимся уже не в долине Евфрата, а в самой настоящей библейской долине Четырех рек!

— Ты делаешь поспешные выводы. Пока что у нас нет никаких доказательств. — Гюнтер многозначительно кашлянул, но я увидел сомнение у него в глазах.

– Впереди обязательно еще будут руины, – уверенно сказал Бэбкок. – Нужно просто подождать.

– Но сначала надо спуститься. – Кирни, прищурившись, всматривался в глубину ущелья.

Это было не так уж трудно. Возможно, когда-то давно здесь были крутые скалы, и туземцам приходилось взбираться и спускаться с помощью колышков, вбиваемых в камень. Но, как бы там ни было, сейчас спуск вниз не представлялся такой уж непосильной задачей, так как эрозия и обвалы сделали свое дело, и сдвинувшиеся пласты образовали уступы и трещины, облегчающие задачу. Мы впятером медленно спустились, передавая друг другу рюкзаки. Я несколько раз останавливался, чтобы запечатлеть пейзаж на пленку.

Открывшиеся виды походили на сказочный парк. Стояла полнейшая тишина, от реки поднимался туман, а в километре от склона на противоположной стороне высокая скала упиралась в голубое бирманское небо.

– **ТУТ ЧТО-ТО ЕСТЬ**, – прошептал Кирни и поднял винтовку.

Мы замерли, глядя на кустарник в сотне метров от нас, и на такой высоте над уровнем моря меньше всего на свете ожидали увидеть выпрыгнувшего из-за него тигра.

Кирни прицелился. Тигр уставился на нас, а потом отвел взгляд. Казалось, он чего-то ждал.

На скале за нами что-то зашуршало. Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как прямо над нашими головами пролетел спрыгнувший с уступа горный козел. Затем он спустился к берегу реки, зашел в воду и поплыл.

Мы просто растерянно наблюдали за действиями диких зверей.

Козел выбрался из воды и направился прямо к тигру. Было очевидно, что он видит хищника.

Тигр не шевелился. Он просто смотрел, как козел спешит окатиться в зубы. Ничего страннее я еще не видел. Полосатый гигант протянул лапу, подтащил козла к себе и укусил его за шею. Вот и все, никакой борьбы.

Тигр выпрямился и потащил козла обратно в кусты.

Развернувшаяся сцена не представляла из себя ничего особенного, но от нее у меня по спине поползли мурашки.

– Земля, населенная прирученными созданиями... – прошептал Уэстерли.

– Какая-то чертовщина, – взъерошив рыжие волосы, с горящими глазами прокомментировал Кирни.

– Это уж точно, – поддакнул Гюнтер.

– Так не может быть. Вот уж настоящая загадка природы! Где же инстинкт самосохранения? Этот тигр поджидал козла, прекрасно

понимая, что его жертва не намерена убегать. Да где это видано, чтобы жвачные добровольно шли на съедение!

– Мы что, собираемся разбить здесь лагерь? – нервно спросил Уэстерли.

Он был очень напуган, и мне почему-то показалось, что его запасы опиума закончились несколько дней назад.

– Полагаю, что так. Это... это все просто невероятно. Но, к счастью, мы вооружены. Пойдемте-ка дальше. – Кирни нетерпеливо повел мощными плечами.

Неподалеку мы нашли неглубокий брод и без труда пересекли реку. Затем пошли вниз по течению, стараясь держаться открытой местности. Я чувствовал, что за нами кто-то следит. Внезапно обернувшись, я заметил какое-то движение.

И понял, что... за нами следят птицы.

Я поделился наблюдениями с Кирни, но тот только хмыкнул.

– Скорее всего, им просто любопытно, – кивнул Гюнтер. – Да, наверное, так и есть.

И все же среди повисшей над долиной тишины и высоких скал действия птиц наталкивали на неприятные мысли. *Не миновать нам беды*, подумал я.

Вдруг из кустов вышел тигр и направился к нам. Кирни тут же поднял винтовку. Хищник повернул голову, уставился на нас янтарными глазами, а затем неторопливо удалился, оставив нас в полном недоумении.

– Проверь и уравновесь, – сказал Кирни.

– А? Что? – я удивленно посмотрел на него.

– Знакомая тебе природная система контроля и равновесия. Но в здешних ненормальных условиях она могла развиваться иначе. Судя по всему, естественная пища тигров тут в прямом смысле слова ведет себя как... пища.

Гюнтер грубо засмеялся.

– То есть козы сами прыгают в рот тигру? Чушь!

– Может, у тебя есть какое-то другое объяснение? – пристально посмотрел на него Кирни.

Но Гюнтер промолчал. Мы двинулись дальше, держа винтовки наготове.

МЫ НАШЛИ руины, преодолев половину пути до ущелья. Гюнтер опустился на колени, чтобы осмотреть разрушенные временем и природой остатки стен.

– Гранит. Боже правый! Вот это *древность*! – Его борода, казалось, встала дыбом от изумления.

– Ты нашел какие-нибудь надписи? – Бэбкок присел на корточки рядом с ним.

– Может быть, одну. Не сейчас.

– Тут еще надписи. Все сюда! – позвал Кирни.

Мы добрались до небольшой лесной опушки. Сквозь деревья пробивался тусклый солнечный свет. Я с удивлением отметил, что одно из них больше всего напоминает саговник – древовидный папоротник. Но, возможно, я был не прав, ведь биологическая эволюция здесь шла совершенно другим путем.

Чем дальше мы продвигались вглубь, тем чаще попадались нетронутые временем руины, и, в конце концов, нам удалось найти несколько выгравированных на камнях надписей. Гюнтер и Бэбкок были в полном восторге.

– Иероглифы!

– Да. Слова-картинки.

– Египетские? – спросил я.

– Даже не шумерские, – бросив на меня сердитый взгляд, ответил Гюнтер. – Говорю вам, это настоящая *древность*! Может быть, Бэбкок, ты все-таки оказался прав на их счет.

– Конечно, я был прав! Родина человеческой расы...

Мы стояли на краю небольшой каменной ямы, глядя вниз на осматривающих ее Бэбкока и Гюнтера. Эти развалины сохранились куда лучше остальных. Мне пришла в голову странная мысль, что на это имелась веская причина. Вполне возможно, данная древняя постройка служила чем-то вроде памятника или храма.

– Есть какие-нибудь еще подсказки? – крикнул вниз Кирни. – Вам удалось расшифровать надписи?

– Возможно, – покачал головой Бэбкок, – но пока не могу сказать наверняка. Они очень древние, что может сыграть нам на руку. Послания исчезнувших с лица земли рас гораздо труднее расшифровать. – Он перекинулся парой слов с Гюнтером. – Идите дальше, если хотите. Мы останемся здесь и будем делать зарисовки.

Мы недолго поколебались и сбросили в яму две винтовки, затем двинулись вглубь рощи. Лицо Кирни загорелось интересом, а Уэстерли все также нервничал, глядя на следующих за нами птиц. Да, мне было беспокойно, но, тем не менее, я занимался своим обычным делом и снимал на камеру происходящее.

– Как думаешь, мы действительно в райском саду? – тихо спросил меня Уэстерли.

– Не скажу наверняка, но он очень древний, – я пожал плечами. – Эти развалины... Даже не знаю. – Я внезапно представил расу разумных культурных людей, живущих среди примитивных неандертальцев или кроманьонцев, небольшую группу мутантов, обогнавших сородичей в развитии...

Какой тогда была земля? Конечно же, не такой, как сейчас!

Тем временем мы вышли на небольшую поляну, где виднелись развалины какого-то здания. Круглое расчищенное пространство,

по которому когда-то был проложен тротуар, было окружено неровными холмами и рядами обвалившихся стен и колонн.

В середине круга росло Красное дерево.

Я СРАЗУ ПОЧУВСТВОВАЛ, что оно живое и разумное. Внезапно мне стало ясно, что мы находимся в самом центре долины.

Двухметровое растение было похоже на темно-красное ананасовое дерево со светящимся наверху клубком из длинных листьев более светлого оттенка.

– Нет! – взглянув на Дерево, биолог Кирни ахнул от изумления. – Совершенно невозможно! Оно...

– Это и есть то самое Дерево. Мы, и правда, в Эдеме! – Уэстерли дрожал от волнения.

– Не глупи. Это просто неизвестное науке дерево-мутант. – Кирни бросил на него полный злобы взгляд.

Послышались щелчки моего фотоаппарата. Как хорошо, что я захватил с собой много цветной пленки! Такое удивительное дерево обязательно нужно было запечатлеть в цвете.

– Я вообще не уверен, что это растение, – Кирни подошел к дереву и принялся его осматривать. – Есть такое... – задумчиво произнес он.

Тут шар на вершине ананаса зашевелился, расправил длинные листья, похожие на щупальца, и они потянулись прямо к Кирни!

По чистой случайности щупальца сначала схватили винтовку. Кирни вскрикнул и бросился было бежать, но упал и попытался откатиться в сторону. Одно из этих проклятых щупалец схватило его за ногу и потащило назад, и я увидел, как Кирни беспомощно цепляется за землю.

Я выпустил камеру, оставив ее болтаться на ремешке, и в два прыжка очутился рядом с ним. Потом схватил Кирни за плечи и что было мочи дернул вперед, но попытка не увенчалась успехом. Дерево оказалось невероятно сильным.

К нам уже тянулись другие щупальца.

– Уэстерли! – позвал я на помощь, но перепуганный проводник продолжал отступать, облизывая пересохшие губы.

– Вэйл, тyani, не останавливайся! – приказал бледный как смерть Кирни.

Я повиновался, но Дерево все еще побеждало и неумолимо тянуло нас к лесу колышущихся щупалец.

Тут я услышал тяжелые шаги. В поле зрения появился Гюнтер с топорщащейся черной бородой. Он увидел, что происходит, поднял винтовку и выстрелил, но пуля не причинила никакого вреда толстокожему дереву.

Гюнтер пронесся мимо нас с топориком в руке и принялся рубить удерживающее Кирни щупальце. Я продолжал отчаянно сопротив-

ляться, упершись пятками в землю. Кирни достал нож и принялся резать шнурки на ботинке.

Тот внезапно слетел с ноги, и щупальце сорвалось, но тут же дотянулось до Гюнтера, обвилось его тело и подняло высоко над землей!

Он оказался в плотном алом коконе из опутавших его щупалец. Они перевернули его вниз головой, а потом... опустили ...

Внутри Дерево, очевидно, было полым, поэтому Гюнтер полностью исчез в нем, а затем щупальца как ни в чем не бывало свернулись в клубок. От нашего археолога не осталось и следа.

Кирни монотонно сыпал проклятиями. Он схватил винтовку и принялся стрелять в эту непонятную тварь. Я подобрал топорик и осторожно подошел к багровому стволу. Мои удары не оставили на стеблях даже крошечных зазубрин, словно я бил по железу, а не по живому организму.

Вдруг щупальца снова пришли в движение. Кирни вскрикнул и на всякий случай оттащил меня назад.

Дергающийся Гюнтер упал прямо к нашим ногам. Затем красные листья снова свернулись в клубок и больше не двигались.

МЫ СХВАТИЛИ Гюнтера и оттащили на безопасное расстояние. Он отряхнулся, вытащил из кармана бутылку виски, откупорил ее и сделал жадный глоток.

— С тобой все в порядке? — спросил Кирни.

— Да... Со мной все хорошо. Фу-ух!

— Я такого отродясь не видел, — продолжал Кирни. — Какое привередливое дерево-каннибал.

— Гюнтер, ты помнишь, что произошло? — поинтересовался я.

— Даже и не знаю, — усмехнулся он. — Вдруг стало темно, но я все равно продолжал сопротивляться, а потом меня просто выкинуло обратно.

— Значит, в дереве нет никакой пищеварительной жидкости, — нахмурившись, пришел к выводу Кирни, выглядящий крайне растерянным.

— По всей видимости, так оно и есть. — Гюнтер покачал головой.

— Давайте уже выбираться отсюда.

Мы взяли за руки практически находящегося в истерике Уэстерли и направились обратно к яме, где оставили Бэбкока. Мы встретились с ним на полпути и успокоили его.

— По-моему, на сегодня исследований хватит, — сказал Кирни. — Давайте разобьем лагерь.

— Тогда вот здесь. — Бэбкок кивком указал на иероглифы. — Я думаю, что смогу расшифровать их... Они оказались на удивление простыми. Я заметил в надписях странное сходство со священными индийскими писаниями.

В каком-то смысле окружающая местность, действительно, была Эдемом. Тигров мы больше не видели, но на всякий случай держали винтовки заряженными. Мы расслабились и вскоре уже так свободно бродили по лесу, как будто прожили здесь всю жизнь.

Но только не Бэбкок, потому что он постоянно занимался расшифровкой иероглифов. Через некоторое время Кири и Гюнтер снова собрались взглянуть на Красное дерево, правда, на этот раз решив держаться на безопасном расстоянии. Через несколько минут я присоединился к ним и сделал еще пару снимков.

Вскоре долину посеребрил лунный свет. Мы сидели у костра и разговаривали, пока Бэбкок продолжал работать над расшифровкой. Гюнтер не предложил ему свою помощь.

Маленький этнолог Бэбкок выглядел обеспокоенным. Время от времени я поглядывал на него, и, встретившись с ним взглядом, заметил промелькнувшее в его глазах любопытство, а затем он вернулся к работе. Мы все с нетерпением ждали, когда он закончит.

— Все здесь? — спросил он, вздохнул и отложил блокнот с записями в сторону.

— Да, — кивнул Кири. — Ну, что ты нам скажешь?

— Послушайте, — наконец вымолвил Бэбкок, явно собираясь с мыслями. — Все это просто невероятно. И... я чертовски напуган.

— Какого черта? — спросил Гюнтер, и мы дружно уставились на Бэбкока.

— Ты ведь в курсе, не так ли? — спросил тот. — Красное дерево... поймало тебя... — Он огляделся по сторонам. — Интересно, хватало ли оно еще кого-нибудь?

В воздухе повисла неловкая тишина. Наконец, Бэбкок вздохом прервал затянувшееся молчание.

— **ВЫ**, конечно, не признаетесь... Ну, кто-то из нас, может быть, и в порядке, и я надеюсь, что таких большинство. Но я точно в порядке.

— О чем ты, вообще, говоришь? — рявкнул Кири.

— О дереве, — просто ответил Бэбкок. — Оно живое и разумное. Все существа в этой долине, птицы и звери... принадлежат ему. Являются его частью.

— Все эти надписи — предупреждение.

Гюнтер пробормотал что-то невнятное. Бэбкок не сводил с него глаз.

— Они гораздо древнее людской расы, и поэтому их создателей можно назвать преадамитами*, и вот что еще: когда-то давно эта долина была обитаема. Преадамиты обладали развитой наукой.

* Раса, существовавшая на Земле задолго до Адама и Евы. (прим. перев.)

– Какой такой наукой? – недоверчиво переспросил я. – Ведь в то время жили кроманьонцы!

– Преадамиты были мутантами, да и тогда наша планета была другой. Жизнь на ней еще только-только зарождалась, но уже тогда начали появляться первые мутации. Та раса создала это дерево, потому что у нее была такая возможность.

Я вытаращил глаза.

– Или это была естественная мутация, я не совсем точно понял значение надписей. – Бэбкок закусил губу. – Красное дерево уничтожило всю жизнь, или, скорее, всех разумных существ в этой долине, и лишь немногим удалось выжить. Давайте вспомним об Адаме, Еве и древе познания добра и зла.

– Ты сейчас говоришь о мифе, да? – спросил Кирни.

– Нет, я не про него, – Бэбкок облизал губы. – Вы сами видели, что здешние животные как-то странно себя ведут. Но почему так происходит? Как раз из-за дерева, – ответил он сам себе.

– Ты сошел с ума, – сказал Гюнтер.

Внезапно Бэбкок достал пистолет и навел его на Гюнтера.

– Опусти пистолет! – прикрикнул на Бэбкока Кирни.

– О, нет, дай мне закончить. Говорю тебе, мне страшно! – В глазах Бэбкока промелькнул неприкрытый ужас, но он сумел собраться и спокойно продолжил задавать вопросы: – Кирни, напomini мне, что такое симбиоз?

– Это так называемое взаимовыгодное сотрудничество двух живых организмов, какое, например, бывает у рыбы-прилипалы и акулы.

– А возможен ли ментальный симбиоз?

– Ментальный? – переспросил Кирни. – Ты уже затрагиваешь метафизику.

– Да, черт возьми, – резко ответил Бэбкок. – Потому что мы имеем дело с живым, разумным деревом! У него есть мозги!

– Это просто растение.

– Ты млекопитающее, но твои предки не были разумными. Ты – результат многовековой эволюции, а Дерево – просто мутировавшее растение. В течение многих веков Мать Природа ставила эксперименты над разумом. Млекопитающие обладают развитым интеллектом, и вполне возможно, то дерево в долине не является исключением. Все знают, что только мутант может стать сверхчеловеком, вот и с Деревом произошло то же самое. Когда-то давно мутация породила такое вот супер-дерево. Мои расшифровки отлично ложатся на научные факты. – В глазах Бэбкока заблестело отчаяние, а Кирни фыркнул. – Я же говорю, это дерево разумное и вполне может быть потомком того древа из Библии. Оно с незапамятных времен живет в симбиозе с этой долиной.

– Это за гранью моего понимания, – ответил я.

— Благодаря пресловутому ментальному симбиозу оно берет что-то у своих жертв, получает контроль над их разумом и усваивает все их знания. Гюнтер, а что Дерево дает взамен?

Мы посмотрели на археолога. Его бородатое лицо стало походить на маску, а глаза были... мягко говоря, странными.

— Ты сошел с ума, — ответил Гюнтер. — Подойди еще раз к дереву, и я докажу, что это всего лишь растение.

— Смахивает на ловушку, — заметил Бэбкок. — Чтобы со мной случилось то же, что и с тобой? Нет уж, спасибо. Это уже не ты, Гюнтер. Тобой управляет Дерево.

— Ты прав, — засмеялся Гюнтер, а его последующие слова повергли нас в настоящий шок. — Скоро я получу контроль над всеми вами, а потом вы выведете меня в мир, о существовании которого я и не подозревал. Я жил здесь несколько веков, и питался только примитивными умишками животных...

— **ГОСПОДИ БОЖЕ!** — прошептал Кирни, а Бэбкок достал пистолет.

Я подскочил к Гюнтеру и попытался схватить его, но Гюнтер вырвался и скрылся в темной чаще леса.

Уэстерли смеялся, как безумный, и никак не мог прекратить.

— Гюнтер ускользнул, — пожал плечами Бэбкок и отдал мне пистолет. — Нет смысла искать его сегодня.

Я вернулся в палатку, Кирни выглядел совершенно сбитым с толку, а безумный смех Уэстерли эхом отдавался в ночи.

Я смешал воду с бренди и насильно влил этот коктейль в глотку нашему проводнику. Тот затих и посмотрел на меня осоловевшими глазами. Затем умолк и просто беззвучно зашевелил губами. Как уже упоминалось, я кое-что понимал в психологии.

Потребовалось не так много времени, чтобы понять, что Уэстерли сошел с ума. Без спасительного опиума, расслабляющего разум, происшедшие события превратили его в настоящего шизофреника. Уэстерли никому не мог причинить вред, но... О, мой Бог!

Уже через полчаса он свернулся калачиком под одеялом, что-то тихо бормоча себе под нос. Мы собрались у костра, чтобы обсудить произошедшее.

— Надо выбираться отсюда, — сказал Бэбкок.

— Это... невозможно, — протянул Кирни.

— Ты биолог. Что скажешь?

— Нет... нет. Все сходится. Дерево хорошо защищено, точно также как наши хрупкие мозги защищены прочной черепной коробкой. Пули не причиняют Дереву никакого вреда. Мне кажется, у него должно быть... что-то наподобие мозга.

— В конце концов, говорил не Гюнтер, а Дерево, пользуясь его телом, — добавил Бэбкок. — Вспомнили? Оно сказала, что скоро до-

берется до всех нас, и через нас он увидит внешний мир. Это дерево-вампир. Оно поглотит наши разумы...

— Дерево можно попробовать уничтожить кислотой, которую я прихватил с собой. — Кирни поднялся на ноги. — Она должна сработать.

— Ничто не может навредить Дереву. Оно в каком-то смысле... идеально. Ничто не может пробить его броню. Его защита развивалась параллельно разуму. Слабое место Дерева — мозги, и поэтому они так надежно защищены.

— Бэбкок, ты убедил меня, попытка не пытка. — Кирни достал из рюкзака несколько канистр. — Возьмите винтовки. Уэйл, ты останешься здесь и присмотришь за Уэстерли на случай, если Гюнтер вернется.

— Хорошо, — ответил я и крепче сжал рукоятку пистолета.

Бэбкок нашел две винтовки и с перекошенным лицом пошел за Кирни в залитую лунным светом лесную чащу.

Вскоре Уэстерли опять принялся за свое, и мне пришлось пересмотреть диагноз, потому что он, скорее, страдал не шизофренией, а маниакально-депрессивным психозом. Превратившись в буйно-помешанного, он кричал и даже царапал меня, пока я, наконец, не вырубил его.

Потом мне стало дурно. Это дерево-вампир такое умное... Симбиоз... Как же эволюционировали растения, если они питались мыслями!

Мы никогда не подумали бы, что Гюнтер одержим, если бы Бэбкок не перевел ту злосчастную надпись, оставленную вымершей расой. Я вздрогнул от одной только мысли, что Гюнтер мог пригласить нас к дереву одного за другим, пока мы все не оказались бы в его власти. Тогда мы подчинились бы всем приказам этого жуткого разума, вывели бы его во внешний мир и выпустили бы на Землю прежде невиданный кошмар, от которого нет спасения, ибо эту тварь невозможно уничтожить.

Но правда ли она была такой уж неуязвимой?

КОГДА я вспомнил слова Бэбкока о том, что любой из нас может стать ее жертвой, внутри у меня все сжалось. Я знал, что это не так. Если только... Если только я не забыл...

Да ведь и самим Кирни, возможно, уже управляет Дерево... Он пошел вместе с Гюнтером к дереву, так что оно могло успеть поработить и его. Вероятно, это уже не тот Кирни, который разговаривал с нами несколько минут назад.

В таком случае Кирни прямо сейчас заманивает ничего не подозревающего Бэбкока в ловушку!

Я в панике вскочил на ноги и уже было направился в лес, но тут вдруг вспомнил о Уэстерли, вернулся обратно и закинул его обмя-

кшее тело себе на плечи. Таща проводника на себе, я направился к поляне, где росло Дерево. Я бежал, спотыкаясь и задыхаясь...

Недалеко от Дерева стоял Бэбкок с винтовкой наготове. Кирни находился позади него и явно собирался подтолкнуть маленького этнолога к тянущимся к нему алым щупальцам. Я оказался прав: перед нами был уже не Кирни. Он был одержим.

Услышав мой крик, Бэбкок развернулся и упал на колени. Кирни прыгнул на него и угодил в клубок щупалец. Но они не стали его трогать, что подтвердило мою догадку: – Дерево поработило Кирни и сейчас требовало свежую добычу.

Бэбкок раскрыл рот от изумления, вскочил и стал отступать назад, а я побежал к нему, сгибаясь под тяжестью Уэстерли. Тут наш проводник очнулся и попытался вырваться на свободу. Мы свалились на землю, и я начал подталкивать Уэстерли к извивающимся щупальцам.

– Уэйл! Ты... Оно добралось и до тебя! – закричал Бэбкок.

Я знал, о чем он думает, – что я действую по указке дерева. Но мне не оставалось ничего другого, кроме как продолжать бороться с Уэстерли.

Мы снова упали и вместе покатились к красным щупальцам-змеям.

Цепкие листья схватили нас. Пока они поднимали меня, я видел только кружащийся лес. Щупальца сжали меня, опустили меня в полный ствол Красного дерева, и затем все вокруг померкло.

Мы с Уэстерли перестали сопротивляться. Что-то покидало наш мозг, а что-то вливалось в него. Это был запредельный экстаз, недоступный человеческому телу, но такой знакомый богохульному дереву, которое росло в долине, когда-то называвшейся Эдемом...

Темный поток поглотил мое сознание, затем я оказался в бушующем океане. Я не чувствовал своего тела и плыл в невесомости... как вдруг, меня затянуло в стремительный водоворот.

Внезапно я почувствовал мучительную агонию, затем темноту рассеял беззвучный взрыв света. Я почувствовал, как меня подбросило в воздух, а потом я с глухим стуком рухнул на землю и потерял сознание.

Но уже довольно скоро очнулся от вкуса обжигающего бренди, который заливал мне в глотку Бэбкок. Я поперхнулся и через какое-то время сел.

ПОЛЯНА... значительно изменилась, но там все еще можно было разглядеть остатки Красного дерева.

Оно уже гораздо меньше походило на порождение зла: поникшие и тусклые щупальца лежали без движения, а темно-красный цвет сменился оранжевым.

Я посмотрел по сторонам. Бэбкок, Кирни... Уэстерли... Гюнтер. Археолог сидел рядом на корточках и с тревогой глядел на меня.

– Что случилось? – спросил Бэбкок. – Что бы это ни было, оно сработало. С Гюнтером и Кирни все в порядке. Но...

– Дерево мертво. – Кирни дрожал. – Ты каким-то образом убил его. Когда оно вышвырнуло тебя из ствола, я почувствовал... как давление, которое я до этого не ощущал, просто испарилось. – В его голосе по-прежнему слышалось беспокойство, и я подумал о том, что мной все еще могло управлять Дерево.

– Дерево мертво, – повторил Бэбкок. – Оно уже начинает гнить. Как, черт возьми, ты это сделал, Уэйл?

– Просто догадка. – Я глотнул еще бренди и посмотрел на Уэстерли, все еще лежащего без сознания. – Бедняга... Он сошел с ума. Может, будет лучше, если...

– Так что убило Дерево? – еще раз спросил Гюнтер. – К нему же было не подступиться!

– Не совсем так, – возразил я. – Кирни, ты дал мне ключ к загадке. Ты сказал, что оно – высокоразвитый организм с тонкой нервной системой, питающийся мыслями своих жертв, и это сыграло мне на руку. Я заставил растение испытать страшный психический шок. Оно ведь привыкло питаться разумом животных, и поэтому без труда смогло поглотить твоё сознание и сознание Гюнтера, но... Уэстерли лишился рассудка. Растения не могут сойти с ума, – не получив ни одного ответа, – продолжал я. – В чем нет ничего удивительного. В общем, тонкую душевную организацию дерева мог разрушить любой сильный толчок. Это основы психологии. Я сделал ставку на то, что разум дерева не выдержит потока безумных мыслей Уэстерли, и не прогадал. Это все равно, что швырнуть гаечный ключ в хрустальную машину или засыпать наждачный порошок в движущиеся шестерни.

– Ты пошел на огромный риск, – подытожил Бэбкок.

– Да, но это был единственный шанс, ведь мы находились в совершенно безвыходной ситуации. И мой план сработал. – Никто не нашел, что ответить.

– Во всяком случае, сейчас Дерево мертво. – Я сделал еще один глоток и поежился. – Но теперь, когда оно не представляет собой никакой опасности, можно взять его с собой. Представьте себе Древо познания за стеклом в Нью-Йоркском музее! И надпись: «Доставлено прямиком из Эдема!»

The tree of life, (Astonishing, 1941 № 9), пер. Игорь Фудим, при участии Александры Заушиниковой

10¢

ASTONISHING

STORIES

OCT.

"UNITED WE STAND"

ОПУСТОШЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В КОНЦЕ двадцатого века человечество, наконец, вырвалось за пределы Земли в космос. Безграничные просторы открылись перед ним, словно океан, глубины и тайны которого еще только предстояло исследовать. Так считали и космические первооткрыватели, размышляя о том, как Магеллан, Колумб и Лейф Эрикссон с трепетом в сердце ждали неизведанных чудес по ту сторону горизонта. И эти мысли оказались ошибочными: безвоздушное пространство скрывало в себе куда больше неизвестного, чем любой земной океан.

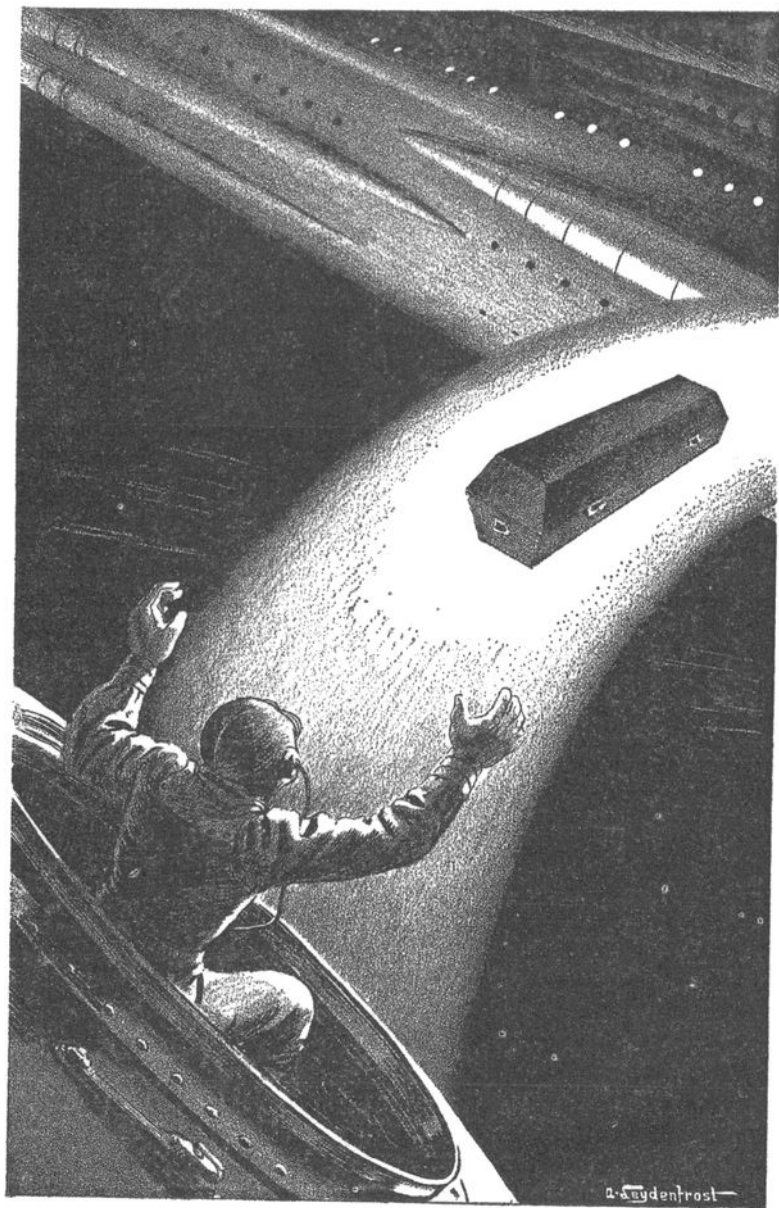
Знания о предмете порой не всегда совпадают с его истинной природой. Человечество, сделав огромный шаг, не смогло предугадать свою судьбу. Оно не предвидело тех ужасов, что напали из внешней тьмы, убивая первопроходцев одного за другим со слепой и ненасытной яростью. Без сожаления. Корабли терялись в пространстве, экипажи были уничтожены.

Космос хранил какое-то время свои страшные тайны. Но однажды с нами заговорили Варра, которые представляли собой разумную жизнь, заключенную в шары света, — электромагнитные вспышки. На протяжении многих поколений эти разумные и дружелюбные существа, состоящие из чистой энергии, пытались связаться с нами, но не могли выйти за пределы вакуума, в котором существовали также обыденно, как человечество на Земле. Они рассказали нам о том, почему в космосе так опасно.

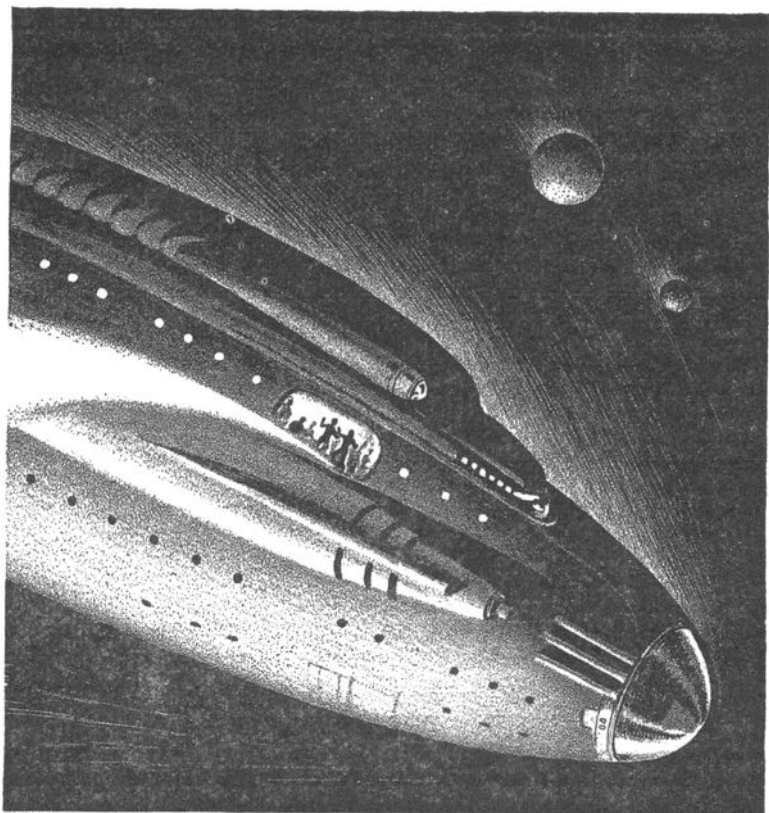
На Плутоне, по словам Варра, обитала раса, казалось, непостижимых уму и представлению существ. Эта раса никогда не осваивала космические путешествия: ей и не нужно было покидать свой темный мир. Вот только огромная и необузданная сила их разума простиралась сквозь пустоту, высасывая жизненную энергию, подобно невидимому вампиру, из любых живых организмов на расстоянии, казавшемся невообразимым. Опустошители прочно закрепились на своей планете, но влияние их силы, подобное влиянию земных средневековых тиранов, опустошало все на своем пути. Вампирская энергия.

Опустошение.

Но для Варра Опустошители оказались безвредными благодаря особой физической структуре первых. Земные армады отправились

2. Eydenrost

A NOVEL
by
Henry
Kuttner

THUNDER IN THE VOID

покорять Плутон вопреки предостережениям разумных энергетических существ. Никто не выжил.

В конце концов человечество заключило с Варра договор. Они переносили нас через пространство, защищая от опустошения, пусть и с переменным успехом. Каждый, кто отважился на путешествие в космос, был под наблюдением и охраной Варра, благодаря чему удалось сохранить множество человеческих жизней. Эта процедура получила название Надзор. Однако ни один корабль не

ходил дальше орбиты Нептуна, не говоря уже о том, чтобы кто-то осмелился посадить свой аппарат на Плутон.

Только те, кто был под Надзором, могли покинуть Землю. Для остальных же космос оставался под запретом.

ГЛАВА I. Между раем и адом

СОЛ ДУНКАН упрямо шел вперед, опустив голову и сгорбив тяжелые плечи в попытке защититься от яростной арктической метели, что швыряла ему в лицо осколки жгучего льда. В какой-то момент он услышал, как сквозь бурю пробивается шум винтокрыла, после чего Сол тут же распластался на земле, зарываясь в снег. На мгновение уставшее тело отказалось повиноваться командам мозга. Обманчивое тепло обволакивало Сола Дункана, приглашая заснуть вечным сном в его неумолимых объятиях.

Сол понимал, что если продолжит свой путь, то у него будет хоть какой-то шанс, пусть даже маловероятный – мало кому удавалось выбраться живым из Трансполярной Тюрьмы. Расположенная за Полярным кругом, мрачная крепость из камня и металла являлась сверхзащищенным местом со времен Алькатраса. И все же Дункан сумел оттуда сбежать...

Заиндевшие губы скривились в ухмылке. Бежать! Скрыться в буре. Единственная возможность для заключенного ускользнуть от зорких винтокрылов, патрулирующих ледяную пустыню. Без посторонней помощи сделать это было бы невозможно.

Ледяными пальцами Сол нащупал прибор, похожий на компас, который ему тайком пронесли в камеру. Игла по-прежнему указывала прямо в зубастую пасть бури. Если идти в этом направлении, то рано или поздно покажется крейсер Олкотта. Но сколько времени займет дорога, Сол не знал.

Однако даже смерть в ледяной пустыне была лучше, чем еще пять лет срока в Трансполяре. Пять лет, за которые Сол Дункан окончательно превратился бы в опустошенного озлобленного зверя с вечно холодным сердцем и безучастными глазами на немолодом лице. Обычно хватало всего года для того, чтобы заключенный закалился физически и стал опасным и жестоким.

Дункан поплелся дальше, дрожа от холода и собственных мыслей. Десять лет за убийство второй степени. Что ж, справедливое наказание. Он хотел убить Мориарти. И убил. Слепая ярость заставила его совершить тот страшный удар, сравнимый по силе с ударом молота о наковальню. Потому что мерзавец посмел тронуть своими грязными лапами Андреа...

Будь он трижды проклят!

Дункан напрягся, несмотря на пронизывающий холод. В голове пронеслись воспоминания о том, как они с Андреа пробирались через тернии к звездам из трущоб, в которых не было ничего, кроме несправедливости и криминала. Тяжелый и долгий путь, годы тренировок – работа пилотом корабля требовала высококлассной подготовки. Но он смог, а Андреа была готова ждать, зарабатывая гроши, когда же, наконец, Сол Дункан получит свое первое жалование.

Мориарти был старшим офицером. Никаких свидетелей, кроме Андреа. Убийство со смягчающими обстоятельствами, рекомендация о снисхождении. Приговор – десять лет в Трансполяре, из которых Сол отсидел уже половину! Вот тебе и снисхождение! Пять лет осознания того, что Андреа, будучи женой заключенного, вряд ли сможет себя обеспечивать. Пять лет, чтобы виски навсегда окрасились сединой.

К горлу подступил комок горечи. Дункан ненавидел общество, которое отправило его в этот ад. И был готов заплатить любую цену, лишь бы выбраться отсюда. Благо, предложил свои услуги Олкотт.

Серые глаза залеплял острый снег. Дункан едва мог разглядеть, что происходит впереди. Он чуть не врезался носом в белый корпус хорошо замаскированного крейсера, прежде чем понял, что его невыносимый марш-бросок окончен.

Охваченный внезапной слабостью, Дункан с трудом дошел до двери кабины и заколотил по металлической панели бесчувственными от холода кулаками. Послышался щелчок, после чего дверь с шумом скользнула в сторону, выпуская поток приятного теплого воздуха прямо в лицо.

В проеме показался Брент Олкотт, крупный высокий мужчина с темными волосами и надменно чарующим лицом. Точные скупые движения выдавали в нем человека кошачьей грации и ловкости. Олкотт протянул руку Дункану, сверкая зубами из-под ухоженных усов.

– Рад тебя видеть, Сол, – произнес Олкотт, когда они оказались внутри крейсера, наконец, скрывшись от пронзительного визга бури. – Я не ожидал, что поднимется такая буря.

– Я сделал это. Самое сложное позади.

Дункан с трудом шевелил синими губами. Олкотт настороженно прищурил глаза.

– Обморожение? Этого еще не хватало. Раздевайся и немедленно натирайся. – Он кивнул в сторону ведерка с колотым льдом и продолжил: – Если нас засекут и прикажут спуститься, спрячешься в

потайном отсеке, оттуда наружу ведет люк. Затем беги в людные кварталы. Не бойся, не найдут. А сейчас...

Олкотт повернулся к пульту управления, пока Дункан, дрожа, как осиновый лист, стягивал с себя вымокшую одежду.

Взлет дался нелегко, даже несмотря на трехступенчатый двигатель. Такое под силу разве что кораблям с вертикальным взлетом, но не крейсеру самолетного типа.

Неожиданно корабль накренился и сотрясся от взрыва.

Дункан подошел к Олкотту.

— Ловушки есть?

— Тепловые-то? Да, но...

— В такой буре не сработают, думаешь?

Олкотт многозначительно развел руками. Немногие пилоты могли грамотно отражать ракеты с помощью тепловых ловушек. Они предназначались только для экстренных случаев. Впрочем, как подумал Дункан, сейчас как раз такой случай.

Он оттолкнул Олкотта от пульта управления и скользнул в мягкое кресло. Замерзшие пальцы еще плохо слушались, но делать было нечего. Вспоминая былые навыки, Сол выпустил несколько пучков энергии, после чего максимально быстро принялся тыкать по кнопкам. Реакция в таких случаях должна быть отменной. Корабль сделал пару лихих маневров, после чего резко ускорился, вдавливая пассажиров в кресла. Вроде вырвались.

Дункан взял курс на юг и повернулся к Олкотту за инструкциями. Тот сидел за другой клавиатурой, внимательно изучая висящий перед ним экран. На нем было видно небо — темно-синее и пустое. Через мгновение Олкотт нажал несколько кнопок и вернулся, чтобы взять управление на себя.

— Прекрасная работа! Смотрю, навыки ты не растерял. Но тебе придется...

Дункан перебил Олкотта, продолжив растирать кожу льдом.

— Я знаю, как надо обращаться с ракетами. Мы летим слишком открыто, это же опасно! Нас могу засечь.

— Не засекут, крейсер оснащен камуфляжной системой. Спасибо одному хорошему знакомому, с которым мы вскоре увидимся. Двойной корпус, внешний слой из прозрачного пластика, за ним цветные панели, которые заполняются определенным цветом в зависимости от того, где крейсер находится. В буре используется белый, а в небе сейчас — голубой. Так что с земли никто нас не засечет.

Олкотт взглянул на пульт управления.

— Сейчас надо бы немного подкорректировать цвет. Мы летим на юг, а там небо уже не такое темное.

Дункан одобрительно кивнул. Ему доводилось слышать истории о Бренте Олкотте. Некоторые из них были весьма неоднозначными, но каждая тонко намекала на то, что их главный герой – человек умный и сильный, как минимум. Он был одним из тех, кто в двадцать первом веке зарабатывал деньги любым доступным и недопустимым способом. Технически Олкотт был владельцем общества с ограниченной ответственностью «Энтерпрайзис Лимитед». Хотя, правильнее было бы «общество без ответственности». Олкотт был замешан в самых разных делишках, но ему всегда удавалось выйти сухим из воды и чистым по всем законам.

Все вышеперечисленное не отменяло того факта, что с Брентом Олкоттом опасно иметь дела. Когда Сол принял его предложение о помощи, он понимал, что это означает, прежде всего, риск, и достаточно большой. Ради освобождения из Трансполяра и жизни на свободе с Андреа.

Дункан закончил растирание и облачился в одежду, что дал ему Олкотт – скромную тканевую рубашку темного цвета и сотканые вручную на коленке брюки с манжетами на лодыжках. В теплой кабине крейсера большего и не надо было.

– Есть бурбон. Будешь? – предложил Олкотт.

Дункан сделал глоток, чувствуя, как горячительная жидкость наполняет его живот. Он сразу же забыл про все негативные чувства, хотя одно все же осталось – чувство нереальности происходящего. Буря за окном иллюминатора превратилась в далекую грозовую тучу. И где-то в этой ледяной тьме находилась мрачная крепость Трансполярной тюрьмы – ад, забравший у Дункана целых пять лет, последние надежды и моральные ценности.

Впрочем, сейчас надежда появилась. А вот ценности...

С этими мыслями Дункан прикончил бутылку виски.

Олкотт оторвал взгляд от пульта управления. Воздух снаружи был чист и ясен, крейсер мчался на юг с фантастической скоростью благодаря мощным двигателям.

– Присядь, Сол, – пригласил он. – Я хочу поговорить с тобой.

– Добро. Давай поговорим. Сразу скажу – я знаю, что тебе нужно. Вопрос в другом. Почему я?

Олкотт медленно заговорил, подбирая слова.

– В системе не так уж много квалифицированных космических пилотов. И их услуги стоят слишком дорого – ни с одним я не смог договориться, хоть и очень старался. До того, как услышал о тебе. Хочешь заработать полмиллиона кредитов?

– Продолжай.

– Такая сумма позволит тебе уйти на покой до конца твоих дней. Я знаю хорошего хирурга, он изменит тебе внешность и сотрет от-

печатки пальцев, так что ты больше никогда не попадешься, а даже если так произойдет, то все равно не посадят, так как не смогут опознать.

Дункан промолчал, скривив бледные тонкие губы. Мало кому доводилось мгновенно вылететь из ада прямо в рай. Однако предложение Олкотта заставляло рискнуть всем, даже Андреа. И снова опуститься в адскую бездну...

– Продолжай, – хрипло сказал Дункан. – Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Холодные настороженные взгляды мужчин на секунду столкнулись друг с другом.

– Ты должен вылететь в космос, – сказал он. – Без Надзора.

Крейсер с шумом пролетел еще пару километров, прежде чем Дункан ответил.

– Это самоубийство.

– Нет. Есть способ.

– Когда я служил пилотом, никто не мог выйти в открытый космос без шлема. Даже тех, кто полностью себя обезопасил, убивали. Прямо под носом у Варра. Я уж не говорю о тех болванах, что осмелились пойти против правил и отправиться без Надзора.

– А я нашел способ покинуть Землю без контактов с Варра или с Плутонем, и незамеченным Опустошителями. Вариант не беспроектный, но шансы есть. Мне продолжать?

– Валяй, – безучастным голосом ответил Дункан.

– Мне нужны деньги. Очень нужны. Прямо сейчас. И так совпало, что в данный момент на Землю направляется транспортник «Невеста Меркурия», несущий полкило марсианского радия.

– Полкило!

– Да, черт возьми! Солидно, несмотря на огромные залежи там, на Марсе. Я мог бы его выгодно продать. Благо, есть все нужные связи. Мне только нужен кто-то, кто смог бы «украсть невесту».

– Угон транспортника? Это безумие.

– Разумеется, никто не пошел бы на такое. Как и на выход в космос без Надзора Варра. А Надзор контролируется полностью как людьми, так и инопланетными силами. Однако взгляни на эту ситуацию с другой стороны. Там будет всего несколько патрульных истребителей – Космическая Объединенная Полиция. Жалкое зрелище. Развалюхи с неумехами на борту, без толкового вооружения. С ними легко можно справиться.

Дункан сделал еще глоток.

– Я по-прежнему считаю, что это самоубийство.

– Хартман все объяснит. Я уже говорил о нем – мы его скоро увидим. Бьюсь об заклад, Сол, даже без шлема ты будешь в безопасности. Относительной, разумеется, но в безопасности.

– Полмиллиона кредитов...

– Единственная угроза, – осторожно продолжал Олкотт, – заключается в том, что транспортник может послать сигнал бедствия. КОПы летают на развалюхах, но скорости им не занимать, поэтому они могут сесть на хвост. Этого допускать нельзя. Поэтому на транспортнике находится наш человек. Она повредит радиолокационную систему корабля прямо перед захватом. Вдвоем вы вернетесь на Землю вместе с грузом.

– Женщина?

– Надо полагать, вы знакомы, – спокойно сказал Олкотт, ни один мускул не дрогнул на его лице. – Ее зовут Андреа Дункан.

Сол молниеносно отреагировал, но в руке Олкотта уже появился пистолет.

– Спокойно, – мягко добавил он, снимая предохранитель. – Я не хочу рисковать своей шкурой. В конце концов, ты забил человека до смерти голыми руками.

Едва заметный шрам на лбу Дункана дернулся вверх.

– Гнида...

– Не будь глупцом. Она в безопасности, под Надзором. Разумеется, шлем она снимет, когда вы воссоединитесь, в противном случае Варра тут же сдадут вас с потрохами.

– Андреа бы ни за что не согласилась...

– Она не знает всего. А вопрос ее согласия – организация твоего побега.

Олкотт сменил тон на командирский.

– Слушай меня! Андреа уже на транспортнике. Она знает, что делать. Завтра, в три часа дня, она повредит радиолокационный маяк. И если ты в этот момент не будешь за рулем транспортника, то она обречена. Саботаж на космическом судне – тяжкое преступление, за которым неминуемо последует срок, и не абы где, а в Трансполяре.

Дункан глухо прорычал с диким лицом загнанного в угол хищника.

Олкотт не опускал пистолет.

– Все уже спланировано. Будь молодцом, и тогда ты вернешься на Землю через пару дней с женой, свободный и богатый. Если не станешь делать глупости.

Пистолет вернулся в кобуру.

– А если станешь, то жизненный путь четы Дунканов будет очень тяжелым. И очень коротким.

— Ладно, я понял, — прошептал Дункан, сжимая кулаки. — Я сыграю по твоим правилам, Олкотт. Воистину от таких предложений нельзя отказаться. Но учти: если с Андреа что-нибудь случится... видит Бог, я до тебя доберусь!

В ответ на это Олкотт лишь улыбнулся.

ГЛАВА II. Ограбление в космосе

РУДИ ХАРТМАН был пьян. Рядом с его койкой лежала бутылка «Огненного Клаара» — крепкой марсианской настойки. Вставая с постели, Хартман споткнулся о бутылку и грязно выругался, одновременно пытаясь закрыться от слепящего тропического солнца. Поставив на ноги свое огрубевшее бесформенное тело, поверх которого красовалась грязная заляпанная майка и такой же комбинезон, Хартман с кряхтением дряхлого старика подошел к некрасивому столу, нащупал на нем шприц, после чего пустил себе в руку хлортиамин. Как раз в тот самый момент вдалеке послышался рев двигателей.

Услышав его, Хартман спешно покинул склад товаров, где он до этого пил, и направился к ближайшему пляжу. Маскировочный крейсер, проделав максимально длинный, но максимально быстрый путь от Полярного круга до южной части Тихого океана, уже скользил над водами лагуны, собираясь приземлиться. Хартман затуманенными глазами увидел, как корабль мягко скользнул на песок, после чего из уехавшей в сторону двери кабины показались двое мужчин.

— Все готово, — сказал Хартман заплетающимся языком тому, кто шел впереди.

— Превосходно! — Олкотт взглянул на часы. — Времени в обрез. Когда взлетаем?

— Немедленно. Заберете нашего человека с темной стороны Луны. Далековато будет, однако...

Хартман, часто моргая, посмотрел на идущего позади.

— А вы, должно быть, Сол Дункан. Что ж, надеюсь, что пилот из вас отменный, ибо работенка предстоит... не из легких.

— Я справлюсь, — отрезал Дункан.

Олкотт тем временем уже направлялся к тропе, которая вела от берега вглубь острова. Хартман и Дункан последовали за ним, и где-то через пятьсот метров они втроем уткнулись в темный борт небольшого космического корабля, наспех закиданного листьями и виноградной лозой. Корпус судна выглядел помятым и потрепанным. Дункан обошел его сзади, внимательно осматривая стыки.

– Сбитый, да? – спросил он.

Олкотт кивнул.

– А как, по-твоему, нам удалось заполучить этот агрегат? Разбился недалеко отсюда к югу возле островка. Экипаж погиб. Знал бы ты, чего мне стоило незаметно переправить его по частям сюда, чтобы Хартман над ним немного покорпел.

– Сейчас кораблик в неплохом состоянии, – с сомнением добавил Хартман. – Ну... относительно в неплохом. Летает быстро, движки приличные, хотя и недостаточно мощные. Дыры и стыки я заварил наглухо, хотя... остался определенный риск разгерметизации...

Олкотт нетерпеливо махнул рукой.

– Кончай трепаться, пошли внутрь.

Кабина пилотов выглядела так, будто над ней вручную работали часами напролет. Дункан сразу понял, что Хартман свое дело знает.

– Вы его в воздух-то поднимали, кстати? – спросил Сол, рассматривая пульт управления.

– Ну, да, без пилота? – усмехнулся Олкотт. – Хартман говорит, что эта развалюха полетит. Значит, так и будет, этого достаточно.

– Ясно. Ну, вижу, вы покрасили корабль в черный цвет, чтобы затруднить обнаружение. Но для нашей миссии необходимо нечто большее, чем просто визуальная маскировка. Мы должны не замаскироваться, а стать полностью невидимыми. Это возможно, если лететь достаточно быстро...

Дункан слегка прикусил нижнюю губу.

– А еще вы установили панели для экранирования...

– Естественно.

Экранирование, как и обрыв связи, запрещены законом. В космосе корабли видны как на ладони из-за ярких вспышек двигателей, однако черный как смоль с панелями экранирования – невидим, как призрак.

– Хорошо, – сказал Дункан. – А как насчет Опустошителей?

На этот раз голос подал Хартман.

– А что вы знаете о них?

– Не больше, чем кто-либо. Еще ни одному кораблю не удавалось приблизиться к Плутону. Его обитатели буквально высасывают жизнь, как вампиры. Не знаю как, но их невидимая рука дотягивается до самых дальних уголков космоса и разрушает все, что может.

Неприятное лицо Хартмана исказилось в усмешке.

– Допустим. Однако рука их, как вы выразились, не сможет пробить ионный слой земной атмосферы. Поэтому человечество в безопасности. Уязвимы лишь те, кто выходит в открытый космос без Надзора Варра, хотя даже это не гарантирует стопроцентную без-

опасность. Что ж, с этим разобрались. Но как, по-вашему, Опустошители находят своих жертв?

— Этого никто не знает, — ответил Дункан. — Возможно, их привлекают какие-то электрические импульсы.

— Ха! — фыркнул Хартман — Космос слишком велик! Электрические импульсы в мозгу в масштабе Вселенной просто ничто! Другое дело — корабли. Они видны за тысячи километров из-за вспышек двигателей. Если у этих существ с Плутона есть телескопы, то обнаружение наших кораблей не составляет для них никакого труда. А у нас с вами, господа, панели экранирования и черная маскировка. Обойдемся без Надзора Варра.

— Ну, все-таки под Надзором было бы безопаснее в тысячу раз, — пожал плечами Олкотт. — Впрочем, это не вариант. Они все время на связи с правительством Земли.

— Да, знаю. Довелось иметь с ними дело когда-то, — проворчал Дункан. — Значит так, повторим еще раз. Я взлетаю на этом корабле, похищаю «Невесту» на Луне, угоняю транспортник и прилетаю сюда вместе с грузом радия и своей женой, так?

— Верно, — кивнул Олкотт. — По возвращению тебя будет ждать обещанная награда.

— Без Надзора это будет очень рискованно.

— До Плутона слишком далеко, — вставил Хартман. — Да, опасность есть, но она сведена к минимуму.

— Но все же есть. Я беспокоюсь об Андреа. Когда я прилечу за ней, она должна оставить свой шлем.

— Естественно, — отрезал Олкотт, стиснув зубы. — Если она этого не делает, то Варра ее тут же сдадут с потрохами.

Дункан посмотрел на Хартмана.

— Что с вооружением?

— Шестиствольные бластеры. Калибр сто миллиметров. Полностью подготовлены.

— Пойдет.

Дункан снова повернулся к пульту управления, скользнув в мягкое плетеное кресло.

— Все щели и пробоины заделаны и заварены? Двери?

Он коснулся какой-то кнопки, и дверь в кабину мягко закрылась.

— Все готово, — сказал Хартман.

— Климат-контроль?

Дункан, не дождавшись ответа, проверил сам.

— Неплохой. Система наведения?

Сол кинул беглый взгляд на картографическую панель.

— Ты заставил Андреа сильно рисковать, Олкотт, — тихо произнес он, не поворачиваясь к собеседнику. — Вы тоже, Хартман, отправитесь без шлема.

Олкотт беспокойно переминался с ноги на ногу.

— Дьявол! Она сама согласилась!

— Ты шантажировал ее.

Олкотт стиснул зубы.

— Значит, ты отказываешься? Только скажи, и...

— Нет, — ответил Дункан. — Я отправляюсь прямо сейчас. Вот только... вы, двое, летите со мной!

Цепкие пальцы умелого пилота застыли на панели управления как влитые. Шум двигателей заглушил истошный вопль Хармана и грязные ругательства Олкотта. В отражении зеркала заднего вида Дункан увидел, как последний выхватил пистолет, но не успел его применить, так как корабль с пассажирами на борту молниеносно рванул вверх.

Всех троих с силой бросило на пол, когда корабль, яростно визжа двигателями, устремился к быстро чернеющей синеве неба. Герметичный корпус едва успел нагреться, прорвавшись через купол атмосферы, прежде чем оказался в невесомости. Ни одно живое существо не заметило взлет и выход черного как смоль экранированного корабля. Однако внутри царил настоящий хаос — все дребезжало, гремело и сотрясалось, словно корабль был набит металлом. Но он все также продолжал лететь к Луне, второй важной точке всей операции.

Первым с пола поднялся Сол Дункан. Выход в космос не был для него чем-то необычным, а закаленное тело привыкло к самому разного рода нагрузкам, благодаря пяти годам в Трасполяре. Тем не менее, сейчас его мышцы сводило от напряжения, а в голове застряла ослепляющая тупая боль.

Сол огляделся и попытался понять, что произошло. Когда же наконец понял, то инстинкт астронавта заставил его повернуться к пульту управления. Навигационный блок со встроенными часами показывал, что они летят уже несколько часов. Сол перевел взгляд на звездную карту и быстро сообразил. Все логично. С курса они сбились, а корабль все еще двигался с фантастической скоростью. Дункан сел в кресло и вернул судно в изначальный курс. «Похищение невесты» должно состояться.

Сол повернулся и высмотрел на полу фигуры Олкотта и Хартмана. Никто серьезно не пострадал. Дункан встал с кресла, подошел к телу Олкотта и забрал у того пистолет, после чего вернулся обратно. У Хартмана оружия не было. Теперь оставалось только ждать.

Наконец пошевелился Олкотт. Глаза он так и не раскрыл, зато рука тут же метнулась к кобуре.

— Твой пистолет у меня, — мягко сказал Дункан. — Вставай! Хватит опоссума изображать.

Олкотт повиновался. На его щеке блестела полоса крови, а сам он слегка покачивался.

— Ты что творишь?

— То, что ты мне велел, — усмехнулся Дункан. — Я просто решил, что мне не помешает компания.

— Надо признать, ты первый, кому удалось заставить меня врасплох. И первый, кому я это прощаю.

Вместо ответа Дункан встал и небрежно махнул рукой в сторону пульта управления.

— Бери управление на себя, если хочешь, и возвращай птичку на Землю.

Ирония была очевидна. В открытом космосе пилотировать мог практически любой. Самое сложное — взлет и посадка. И чрезвычайные ситуации. Для того, чтобы стать квалифицированным пилотом, требовались годы тренировок, отменная реакция — и Сол Дункан как раз прошел через подобное. Олкотту доставало умений управлять полетом, но совершить посадку через атмосферу планеты ему было не под силу. Прожженный авантюрист попал в ловушку, и только беглый зэк знал, как из нее выбраться.

— Чего ты хочешь?

— Не чего, а кого. Я выполняю свою работу, добуду тебе радий, после чего заберу свою жену. Но если твари с Плутона причинят ей вред, ты оправишься за ней в ад. Точнее, мы все туда отправимся — лодка-то одна.

Олкотт выдохнул и принял решение

— Понятно. Вот и тузы из рукава вышли. Что ж, не время сейчас для разборок. Позже.

— Мудрое решение, — ответил Сол, поворачиваясь обратно к пульта.

В отражении он видел, как Олкотт опустился на колени рядом с лежащим без сознания Хартманом и потряс открытой склянкой с нашатырным спиртом перед лицом одного. Да, мудрое решение. Олкотт в ловушке, и каким бы опасным он не казался, по мнению Дункана, он вряд ли станет делать какие-то глупости в попытке захватить контроль над положением — на кону ведь и его жизнь тоже.

А жизнь Олкотта и остальных не будет в безопасности до тех пор, пока корабль не вернется за Землю. В данный момент они все еще в открытом космосе. Без Надзора Варра. Дункан слегка поежился. Прищуренные глаза внимательно высматривали пространство за

синим Нептуном, где по своей орбите медленно плыл невидимый смертоносный Плутон. Очевидно, уловка Хартмана сработала — Опустошители пока еще не обнаружили корабль землян.

Пока еще. Размах Опустошения неизвестен. В конце концов, весь космос был закрыт к посещению из-за него.

Сол инстинктивно стиснул зубы, как готовый к прыжку зверь.

На борту «Невесты Меркурия» царила праздная атмосфера. Гигантский грузопассажирский транспортник только что пересек орбиту Луны, что вызвало восторг у тех, кто это сделал впервые. Капитан, одетый в гротескный скафандр, как у первого космонавта, восседал на импровизированном троне в главном зале. Андреа Дункан стояла поодаль и с улыбкой наблюдала, как гости пируют и веселятся. Сама она уже проходила подобное, а посему атмосфера опьянения на нее не действовала.

Было трудно поверить в то, что за бортом транспортника раскинулось вечная пустота. Андреа попыталась выбросить из головы эту мысль. На замену пришла другая. Сол. Удалось ли ему с Олкоттом сбежать?

Да, наверняка выбрались. Олкотт не подведет. А значит, через несколько часов Андреа должна отключить радиолокационный маяк. Она готова на это. Ради того, чтобы быть рядом с Солом.

Если же она потерпит неудачу, то, по словам Олкотта, ее мужа отправят обратно в Трансполяр и добавят еще лет десять за побег и попытку ограбления транспортника. Что ж, значит, Андреа не подведет.

Мимо нее пробежал какой-то мужчина.

— Эй, что у вас с волосами?

Андреа машинально вскинула руку, но коснулась лишь пластикового купола шлема. И как она купилась на эту старую шутку — осознание этого заставило ее слегка улыбнуться. Необходимость носить эти дурацкие, по мнению некоторых пассажиров, шлемы становилась объектом для глумления. Только экипаж знал об истинной опасности Опустошения.

Все на борту, естественно, были в шлемах. Даже капитан, одетый в гротескный скафандр. Они выглядели достаточно громоздкими и неудобными, но на деле мягко ложились на голову и практически не беспокоили владельца. Андреа посматривала на свое отражение в ближайшем зеркале. Из-за шлема ее небольшое аккуратное личико казалось еще меньше. С любопытством маленького ребенка она нажала на кнопку и прозрачное забрало скользнуло куда-то вверх. Внутри корабля герметичность не была столь важна, как сам факт наличия шлема на голове.

Андреа почти ничего не знала о технической составляющей этих приборов. Источником питания и одновременно центром связи с Варра служил маленький светящийся кристалл, расположенный на лбу. Она вспомнила слова дежурного офицера, когда впервые ей выдали такой шлем в Трансатлантическом космопорте.

— Никогда раньше не пользовались им, а, мисс? Ну что ж, не стоит бояться. Позвольте помочь вам.

Офицер ловким движением рук поправил громоздкий шлем.

— Сейчас питание отключено, но только до момента выхода из атмосферы. Варра могут существовать лишь в пределах орбиты нашей планеты, знаете ли.

— Я не знала. Все это так странно...

Офицер усмехнулся.

— Да не так уж прям. Это работает как обычная радиосвязь. Когда кристалл загорается, Варра автоматически подключаются к вашему шлему. Вы даже можете с ними поговорить — они немногословны, но на самом деле очень неплохие ребята.

— А они умеют читать мысли?

— Меня все об этом спрашивают. Суть Надзора заключается в том, что без шлема вы были бы подвержены Опустошению. А Варра создают как бы ментальный щит, который вас защищает.

Андреа колебалась.

— Но ведь это не всегда срабатывает?

— Почти всегда. Вас должны были об этом предупредить...

Голос офицера быстро сменился на официально-грубоватый.

— Вы подписали договор об ущербе здоровью. И в какой-то мере он существует. Полеты в космосе — весьма утомительное занятие. К тому времени, как вы достигнете орбиты Марса, то будете чувствовать себя разбитой. В этот момент каким-то образом происходит утечка энергии, которую даже Варра не могут нейтрализовать.

— И она переходит к Опустошителям?

— Такова гипотеза. Но у вас есть шлем... — Офицер успокаивающе улыбнулся. — Все будет хорошо, мисс.

Его слова оказались правдой — как только транспортник вышел за пределы атмосферы, на каждом шлеме загорелся миниатюрный кристалл. В мозгу Андреа заговорил приятный и дружелюбный голос, который казался каким-то слишком далеким и нечеловеческим.

— С этого момента мы берем управление на себя. Не снимайте шлем и не выключайте питание до тех пор, пока не окажетесь в пределах атмосферы.

— Атмосферы...

Андреа произнесла это вслух, сама того не осознавая. Голос незамедлительно ответил ей:

— Каждая планета имеет атмосферу, которая с помощью ионного слоя создает защитный барьер, сдерживающий энергию Опустошения. Вдобавок к этому мы, Варра, сами не можем пройти сквозь этот слой.

Пока они летели до пункта назначения, другой пассажир рассказал ей несколько больше — например, что о Варра не было известно ничего вплоть до первого выхода в открытый космос. Чарльз Форт был одним из первых, кто составил их описание — неизвестный науке вид жизни, представляющий из себя светящиеся шары, периодически появляющиеся в верхних слоях атмосферы и беспорядочно перемещающиеся в вакууме — их родной стихии.

Спустя два часа, как «Невеста Меркурия» пересекла орбиту Луны, Андреа бесшумно прокралась в радиорубку. Уставшее тело плохо слушалось, а в голове как будто плавал туман — результат долгого и утомительного космического перелета. Взглянув на часы, она поняла, что через несколько минут Сол должен связаться с ней.

Андреа отключила свой шлем. Сейчас не время для Надзора.

Радист никак не отреагировал. Он даже не заметил, как девушка приблизилась к приборной панели, осторожно сняла крышку и с силой рванула на себя комок переплетенных проводов.

Тотчас мозг Андреа будто насквозь пронзили стрелой. То была не боль, а какое-то другое чувство, слишком быстрое.

Опустошители! Смерть!

Разум девушки, выбросив последний импульс в виде этой ужасной мысли, утонул в бесчувственной пустоте. Услышав звук падающего тела, радист вздрогнул и обернулся.

ГЛАВА III. Предназначено умереть

«НЕВЕСТА Меркурия»! Говорит Сол Дункан! Прием! Как слышно?»

Дункан вслушался в эфир, и после небольшого ожидания произнес:

— Не отвечают. Сигнала нет.

— Значит, твоя жена сделала то, что должна была, — проворчал Олкотт, спокойно поглаживая усы.

К нему вернулась обыденная невозмутимость, чего, впрочем, нельзя было сказать о Хартмане. Забуддыга-ремонтник молча пыхтел одну сигарету за другой в тщетной попытке успокоиться.

— А вот и наша добыча.

Дункан кивнул в правую сторону лобового стекла, на которое постепенно наползал гигантский борт транспортника, загораживающий свет звезд.

– Используем визуальные сигналы. Но сначала надо кое-что сделать...

Ловкие пальцы забегали по панели управления. Спустя несколько секунд манипуляций шестиствольный бластер выпустил несколько лазерных выстрелов так, чтобы они прошли в нескольких метрах от носа «Невесты». После этого на видимом борту крейсера зажглись разноцветные огни.

Захватчики продолжали идти прежним курсом, неуклонно приближаясь к гигантскому транспортнику.

– Заметили, – сказал Дункан. – Сейчас будут сигналить в ответ. Смотрите внимательно.

– Что ты им сказал?

– Отдавайте радий, или мы разнесем вашу посудину на куски к чертовой матери.

– Хорошо!

Дункан закусил губы. Разумеется, он блефовал. Даже если дело дойдет до открытой схватки, он не смог бы разнести транспортник, полный безоружных и невинных пассажиров, на котором находилась и его жена. Впрочем, капитан «Невесты» об этом не мог знать.

На корпусе транспортника вспыхнули ответные огни. Дункан с легкостью прочел их.

– Радия на борту нет.

– Они что, шутят? Пальни-ка еще разок, – предложил Олкотт.

Два точечных выстрела пробили пару кормовых дюз «Невесты», отчего они тотчас превратились в плавленый сыр. На борту никто не должен был пострадать от такого, только гордость капитана, который решил, что захватчики настроены несерьезно. А помимо радия Солу нужна была его жена, которая, в данный момент, наверняка находилась под арестом за отключение радиолокационного маяка. Ну, если так...

– *Не стреляйте! Мы отдадим вам радий!*

– *Отправьте вместе с грузом одного из ваших пассажиров. Джейн Хортон.*

Последовала недолгая пауза. А затем...

– *Джейн Хортон подверглась Опустошению. Должно быть, отключилось питание в шлеме. Ее нашли мертвой в радиорубке перед тем, как вы появились.*

Снующие туда-сюда пальцы Сола Дункана замерли. Что-то внутри него превратилось в глыбу льда, а затем громко разбилось, осы-

тая внутренности жгучими осколками. Глубоко в голове он услышал ее голос, увидел ее призрачное лицо.

Андреа взаправду была уже мертва.

Сердитый голос Олкотта выдернул его из тумана и вернул в реальность.

— Что случилось? Что они сказали?

Слепая застывшая ярость в глазах обернувшегося пилота заставила Олкотта прерваться на полуслове.

Руки снова засуетились по клавиатуре.

— Тогда отправьте тело.

Теперь оставалось только ждать.

На корпусе «Невесты» открылся огромный люк, которым обычно снабжали все транспортники на случай непредвиденной угрозы. Построенный по принципу торпедной пусковой установки, через этот люк выбрасывались спасательные капсулы с пассажирами или грузом, если требовалось срочно покинуть корабль и избежать ненужных жертв. В подобных капсулах человек мог прожить еще несколько дней, прежде чем его спасут, или он навсегда сгинет в мрачной пустоте космоса.

Сейчас же, настроенный на минимальную мощность и вес груза, механизм выбросил из люка продолговатый металлический ящик. Магнитные панели на крейсере захватчиков сделали все остальное. Ящик беззвучно стукнулся об борт и намертво примагнитился к его темной поверхности. Ловкими движениями Дункан переместил подвижные панели прямо к выходному шлюзу.

Через пять минут ящик-гроб лежал у ног Сола.

Сквозь маленькое прозрачное окошко он смог разглядеть мертво-бледное лицо Андреа с плотно закрытыми глазами, которые украшали замершие длинные ресницы. Лицо Дункана перекосилось гримасой острейшей душевной боли. Голос Олкотта резанул по его натянутым нервам.

— Что произошло? Это кто сотворил, охрана?..

Голос Олкотта ножом резанул по нервам.

— Нет. Твари с Плутона, — ответил Дункан. — Она сняла шлем, и ее опустошили.

Хартман попытался сквозь окошко рассмотреть то, что лежало у ног мертвой девушки.

— Они отдали радий!

Губы Дункана скривились в горькой усмешке. Одним скачком он прыгнул в кресло пилота и ввел новые координаты. Крейсер начал спешно удаляться от «Невесты Меркурия».

— Сколько времени нам понадобится, чтобы вернуться на Землю?

— спросил Олкотт.

Безэмоциональный ответ Дункана заставил его ужаснуться по-настоящему.

– Мы не собираемся возвращаться.

– Что?!

– Андреа мертва. Твари с Плутона опустошили ее. Из-за тебя и Хартмана.

Спокойный доселе Олкотт сильно напрягся.

– Не делай глупостей. Тебе незачем убивать нас. Не переживай из-за жены – всякое бывает...

– О, я не собираюсь вас убивать, – ответил Дункан. – Об этом позаботятся Опустошители.

– Ты совсем рехнулся!

На мгновение в глазах Дункана вспыхнула убийственная ярость, но ему удалось ее подавить.

– Я ввел координаты Плутона. Разнесу эту чертову планету вместе с ее выродками-Опустошителями. Рано или поздно они все равно доберутся до Земли. Неприятный исход, не так ли? А на свою жизнь мне теперь плевать. Но прежде чем я сдохну сам – сдохнут тысячи этих тварей с Плутона. И вы двое полетите со мной. Это вы втянули мою Андреа в эту авантюру с радием!

– Это же безумие... самоубийство... – дрожащим голосом произнес Хартман. – Еще никому не удавалось даже приблизиться к Плутону!

– А нам удастся. Корабль ведь замаскирован. Опустошение еще не достало нас, а следовательно, нам пока что ничего не угрожает.

– Ах ты, гнида!

Но стоило Олкотту рвануться вперед, как на него уже нацелилось дуло пистолета.

– Если будешь нарываться, то я тебя сам убью. Но все же, пусть лучше Опустошители решат нашу судьбу.

На одном из иллюминаторов в задней части кабины промелькнули тусклые, едва различимые огни. Дункан заметил это первым, указал головой остальным, а затем сказал.

– «Невеста» маячит. Вызывает КОПов. Надо полагать, радиомаяк починили. Видимо, Андреа его не уничтожила, только выключила, чтобы починить их радию.

– И что теперь? – оскалил зубы Олкотт

– Мы же не хотим, чтобы нас задержали. Поэтому валим. Вот что.

Дункан с силой дернул рычаг. Двигатели взревели еще громче, а крейсер устремился вперед еще быстрее.

– Не так быстро! – взмолился Хартман. – Птичка однажды уже разбивалась, корпус не выдержит таких нагрузок!

Вместо ответа Дункан только увеличил мощность. Грохот дюз становился все оглушительнее. Корабль пересек орбиту Луны, направляясь в черную пустоту.

Дункан встал с кресла и снова подошел к гробу Андреа, чтобы выдернуть провод питания из шлема, который кто-то заботливо водрузил девушке на голову перед отправлением.

— Нам здесь не нужны шпионы, — пояснил он недоумевающим Олкотту и Хартману.

С мрачным видом пилот вернулся на свое место. Олкотт и Хартман молча следили за каждым его действием, тщетно пытаясь побороть нарастающий страх.

Тяжелый рев двигателей достиг пика.

ГЛАВА IV. Через тернии к Солнцу

ПЛУТОН, названный в честь римского бога подземного мира, пустынный и безжизненный, словно адские недра, медленно летел по своей орбите на расстоянии почти шесть миллиардов километров. Невообразимые расстояния по меркам человека, которые без особых процедур преодолеть не может никто, даже самый стойкий. Анабиоз был одним из вариантов. Им и воспользовался Сол Дункан, когда обнаружил в грузовом отсеке несколько ампул с анабиотическим препаратом.

В течение долгого времени вся троица находилась без сознания, пока корабль, набирая скорость, неся к Плутону. Дункан тщательно измерил объемы вещества, рассчитав так, что, когда проснется он, то остальные еще будут в отключке. Однако одну вещь он не учел — естественное сопротивление организма, которое неизбежно влияет на скорость выхода препарата из организма.

Поэтому первым проснулся не он, а Руди Хартман. Издав приглушенный стон, он приподнялся на локтях и внимательно осмотрелся. Рядом спали Дункан и Олкотт.

Хартман кое-как заставил затекшие и ослабевшие после анабиоза конечности шевелиться, а затем, пошатываясь, направился к Дункану и первым делом забрал у того пистолет. Осталось только связать обезумевшего от горя пилота. Вот только чем?

Ремни, которые удерживали самого Хартмана, были сделаны из гибкого металла — достаточно, чтобы прочно зафиксировать тело в одном положении. Хартман, все еще борясь со слабостью, нащупал кнопку на приборной панели и нажал ее, чем вызвал открытие потайного отсека в стене. Внутри маленькой комнаты висели скафандры и шлемы. Олкотт велел выбросить их перед взлетом,

но Хартман не подчинился. Он не был полностью уверен, что Надзор действительно не нужен — в противном случае погибли бы все участники операции. К сожалению, именно такой случай мог наступить через несколько часов.

Сол Дункан все еще спал. Хартман подвинул его с койки, одел в скафандр, не забыв водрузить на голову шлем, после чего крепко обернул того металлическими ремнями — топорно, но сойдет и так, руками пошевелить не сможет. Напоследок он включил питание на шлеме и выдохнул с облегчением.

Спустя несколько минут передышки Хартман нетвердым шагом подошел к пульту управления кораблем. Единственное, что он смог разобрать на замысловатой карте — они приближаются к Плутону. Надо ли тормозить? Пальцы Хартмана зависли над многочисленными кнопками в мрачном осознании того, что их владелец далеко не квалифицированный пилот.

Впрочем, ничего страшного. Есть же другой способ — шлемы...

Хартман вынул из кармана капсулу с нашатырем, разбил ее, потряс перед носом у Олкотта и пару раз похлопал того по щекам. Через какое-то время авантюрист подал признаки жизни.

— Хартман? — заплетающимся языком спросил он. — Где... что происходит?

— Долго рассказывать. Лежи спокойно, приходи в себя. Я потом объясню...

Олкотт с трудом поднялся на локтях.

— Дункан!

— С ним проблем не будет.

Хартман кивнул в сторону связанной фигуры, но внезапно вздрогнул и вскочил на ноги. Дункан не спал.

— Не пытайтесь освободиться, — сказал Хартман, демонстрируя отобранный пистолет. — Знайте, что я убью вас без колебаний.

Дункан в ответ лишь усмехнулся.

— Как хотите. Вы не сможете управлять этим кораблем. Я-то могу подождать.

— Слушай, ты, чертов психопат! Ты сейчас развернешь его, и мы полетим на Землю, тебе ясно?! — разгневанно крикнул приходящий в себя Олкотт.

— Нет. Я направил его на Плутон. Менять курс не собираюсь.

— Погодите, Дункан, — вмешался Хартман. — Вы не в курсе, но у нас на борту припрятано несколько шлемов.

— И что с того?

— Вы, как пилот, нам не нужны. Если мы установим связь с Варра, то они помогут нам вернуться домой. Под Надзором.

Взгляд Дункана изменился. В нем уже не было прежней убежденности.

– Вы сошли с ума!

– Стоп! Варра?! – нахмурился Олкотт. – Но это же значит, что...

– Да, я знаю! – Хартман резко повернулся к нему. – Это значит, что нам придется сбросить радиий. Но другого выхода нет. Мы подлетаем к Плутону. Его обитатели могут засечь нас в любой момент. А если засекут... ну, мы можем оставить радиий себе, и тогда корабль станет нашим саркофагом. А если воспользуемся помощью Варра, то сможем договориться с ними, чтобы они вернули нас домой.

– А они могут?

– Легко. Будь у них физические тела, они бы управляли любым кораблем также, как какой-нибудь тренированный годами пилот, вроде Дункана. Как бы то ни было, они смогут нам хотя бы объяснить, как управлять этой колымагой.

– Но у нас на борту ворованный радиий и беглый зэк. Как ты им это объяснишь?

– Что-нибудь придумаю. Наши жизни ведь стоят больше, чем этот груз, верно? Варра не умеют читать мысли. А рассказать мы им можем, что угодно, лишь бы звучало убедительно. Например то, что мы – просто исследователи, которые сами того не зная подобрали спасательную капсулу с беглым эком и грузом радия, который тот украл без нашей помощи.

Олкотт задумчиво потер усы.

– Ей-богу, твой план по надежности, конечно, не швейцарские часы. Но ты прав. Историю придумать – как два пальца. И даже доказывать ничего не придется.

Он обернулся и рассмотрел лежащего Дункана.

– Однако, есть одна проблема. Этот псих должен молчать в тряпочку.

Хартман потянулся к пистолету, но Олкотт покачал головой.

– Нет. Эй, Дункан! Ты капитально облажался. Но мы все еще можем вернуться живыми на Землю и остаться в выигрыше. Но под Надзором это не получится. Может, хватит глупостей? Помоги нам вернуться, и я заплачу тебе то, что обещал – полмиллиона кредитов.

– Пошел к черту! – последовал четкий и злобный ответ.

– Мы теряем время. Плутон уже совсем рядом...

В голосе Хартмана послышался панический страх.

– Здесь же есть аварийный люк? Замечательно.

Олкотт спешно надел на себя скафандр, после чего жестом указал Хартману сделать то же самое.

– Помоги мне.

Олкотт схватил Дункана за плечи, а Хартман за ноги. Кряхтя и напрягаясь, как портовые грузчики, они перетащили связанного Сола в герметичный шлюз, закрыв за собой гермодверь. С другой стороны уже ждал запущенный механизм аварийного люка. Сквозь прозрачные стекла иллюминаторов по-прежнему виднелась только черная пустота.

— Знаешь, как включать?

— Да, это просто, — сказал Хартман. — Вот этим рычагом... очевидно, он подает питание.

Дункан все еще молчал, даже когда его собирались грубо столкнуть из люка. Однако, вместо этого, над ним склонился мрачный Олкотт.

— У тебя в баллоне достаточно кислорода. И ты сможешь развязаться прежде, чем упадешь на Плутон. Приземлишься или нет — там видно будет. Может, Опустошители обнаружат тебя раньше... все еще не передумал?

Дункан не ответил.

— Хватит валять дурака, — скривился Олкотт. — Ты же знаешь, что можешь погибнуть на Плутоне. Последний раз спрашиваю — ты отвезешь нас домой?

Последовало долгое молчание. Резким движением, приглушенно ругаясь, Олкотт опустил лицевое стекло сперва на шлеме Дункана, а затем на своем. Хартман проделал то же самое со своим, после чего мягко коснулся кнопки включения Надзора.

Маленький кристалл начал мягко светиться холодный светом. Олкотт поспешил подать питание на свой шлем. Варра скоро свяжутся с ними. Времени мало.

Лицо Олкотта потемнело от гнева. Он сделал резкий, нервный жест рукой, дав понять Хартману, что время пришло. Тот, в свою очередь, дернул за рычаг, и створки люка медленно поплыли в стороны. В уши ударил прерывистый гудок сигнала открытия аварийного люка.

Когда створки полностью открылись, Хартман и Олкотт подтолкнули связанного Дункана к выходу, наблюдая, как он с бешеной скоростью падает вниз, прямо к поверхности Плутона.

Хартман вернул рычаг в прежнее положение, закрывая тем самым аварийный люк. Внезапно в его голове раздался голос:

— Кто вы? Зачем вы обратились к Варра? И почему вы находитесь так близко к Плутону?

Олкотту Варра сказали то же самое. Он сформулировал мысль в голове и послал ее в ответ.

— Варра, нам нужна ваша помощь.

— Какая именно помощь?

Олкотт рассказал им историю, которую придумал Хартман.

Тем временем, Сол Дункан продолжал стремительно падать на поверхность Плутона, которая с такой высоты казалась зловещей и загадочной. Самое время было тормозить, но Сол колебался. Вспышки ракет несомненно привлекут внимание Опустошителей.

Внезапно, какая-то тень накрыла окно капсулы. На мгновение Дункану показалось, что это метеорит, но это был корабль, на котором прямо сейчас Брент Олкотт и Руди Хартман должны улетать прочь отсюда! Почему они продолжают прежний курс?

Времени на обдумывание не было. Инстинктивно пальцы одной руки ударили по кнопке запуска тормозных двигателей, пока другая рука увеличивала мощность на максимум. Капсулу швырнуло обратно к крейсеру. Двигатели озарились ярким светом, отчего Дункан невольно вжал голову в плечи и затаил дыхание. Увидят ли его Опустошители?..

Кажется, не заметили. Двигатели практически выработали ресурс, и Сол снизил мощность до минимума. Теперь капсула и крейсер вместе падали на поверхность маленькой смертоносной планеты. Дункан выждал нужный момент и снова врубил форсаж. Капсула слегка ударилась о борт корабля и полетела с ней на одном уровне. В это время Сол, заранее распахнув люк, выбрался наружу и намертво примагнитился ботинками к черному корпусу крейсера. Экранирование все еще было включено, а значит Опустошители еще никого не убили.

Сол подтянулся на руках к аварийному люку и заглянул внутрь через маленький иллюминатор. Ничего не видно. Сам люк невозможно открыть снаружи. Однако практически рядом болтались гибкие трубы системы искусственной атмосферы. Если повредить одну такую, то система остановится, и тогда на корабле все немедленно погибнут. Дункан свирепо ухмыльнулся перед тем, как с силой дернуть за край шланга.

Его чуть не отшвырнуло вырвавшимся потоком воздуха, но он сумел удержаться и забраться внутрь вентиляционной шахты. Когда он, предварительно выбив ногой решетку, спрыгнул внутрь, то обнаружил лежащих на полу Олкотта и Хартмана. Шлема были открыты, но умерли они не из-за нехватки кислорода. Напротив, гримасы ужаса на их белых как мел лицах говорили о том, что они погибли так же, как Андреа. Опустошение...

Дункан поставил решетку на место, стараясь сохранять внешнее спокойствие, хотя внутри него царил настоящая буря эмоций. Он был напряжен, как антилопа, готовая убежать от грозного хищника. Но ничего не происходило.

На приборной панели загорелась лампочка, сообщающая о том, что корабль входит в атмосферу планеты. Одним прыжком Дункан оказался у пульта управления. Последний маленький шанс отомстить проклятым тварям с Плутона. Пускай и ценой собственной жизни.

Он переключил двигатели в режим торможения, пытаясь при этом оставаться незамеченным. Его нервы были настолько напряжены, что он здорово испугался, когда внезапно услышал в голове чей-то металлический голос.

— Кто ты, землянин? Зачем ты здесь?

Прежде чем Дункан смог сформулировать мысленный ответ, он почувствовал, как в нем вспыхнул трепет внезапной настойчивости. Что-то холодное и смертоносное, как само пространство, проникло в его сознание. На мгновение возникло какое-то странное головокружение, но тут же исчезло. Лобовое стекло озарилось красным светом — корабль вошел в атмосферу Плутона.

У Дункана перехватило дыхание от ужаса. Он едва осознавал, что управляет почти неуправляемым крейсером, пытаясь его выровнять. Он едва не погиб, но, что самое ужасное, убить его пытались не абстрактные Опустошители с Плутона, а то самое существо, которое вошло с ним в контакт. Варра! Дункан знал это наверняка, так как еще во времена своей службы пилотом на корабле постоянно находился в контакте с ними и научился распознавать их ментальный настрой, который всегда был дружелюбным... но не в этот раз. Сейчас Варра пытался его убить!

Внизу тем временем постепенно проявлялась неровная поверхность Плутона. Повсюду мерцало какое-то едва уловимое голубоватое сияние. Дункан выровнял крейсер и даже сумел его аккуратно посадить у подножия огромного хребта.

Сто пятьдесят лет земляне всеми силами старались избегать даже приближения к Плутону. А Сол Дункан высадился на эту смертоносную планету.

И ничего не происходило.

Дункан осторожно встал с кресла и медленно нажал кнопку очистки воздуха внутри кабины. Приподняв стеклянное забрало шлема, он подошел к телам и тщательно осмотрел их. Его догадки подтвердились — Олкотт и Хартман погибли от Опустошения. Однако Солу внезапно пришла в голову мысль, что самих Опустошителей с Плутона не существует.

В голову скользнула следующая мысль — на этот раз о составе атмосферы Плутона. Судя по расчетам, чистый хлор. А климат создается за счет радиации, сокрытой в недрах почвы.

Дункан снял с головы Олкотта шлем и надел на себя. Кристалл по обыкновению издал слабый свет, но связи не было. Варра, разумеется, не могли пробиться через ионный слой планеты, а у Плутона была своя, какая-никакая, но все же атмосфера. Хлор и радий. Дункан попытался сложить в своей голове весь пазл.

Опустошителей на Плутоне не существует. Зачем же тогда Варра их выдумали? Сами они не могли существовать здесь, так как у Плутона была атмосфера и ионный слой, а эти два условия фатальны для Варра.

Пазл потихоньку складывался в голове Дункана, пока тот, наконец, не нашел ответ. Такой простой, но такой невозможный, что ему самому трудно было в это поверить.

Он медленно встал и подошел к гробу Андреа. Ее лицо даже после смерти оставалось таким родным и прекрасным, как в первый день их встречи. Сол почувствовал, как к горлу подступает комок. Он опустился на колени и прижался лбом к прозрачному стеклу.

— Андреа, что же мне делать?..

В голове снова всплыл ее образ, который попытался что-то сказать в ответ. Но что же?

— Послать сообщение на Землю? И это все?

Дункан на секунду призадумался.

— Это бесполезно. Мы находимся в сорока тысячах миллионов километров от Солнца. Даже если удастся пробиться через ионный слой Плутона, сообщение далеко не уйдет. Ничего не получится. И самому улететь уже не выйдет — топлива осталось совсем чуть-чуть. Примерно до Сатурна, а там — все, корабль просто будет лететь по инерции до Солнца, а затормозить нельзя. Это невозможно, Андреа. Я не смогу отправить сообщение...

Внезапно Дункана осенило. Есть один способ, но в конце будет ждать смерть. Ну и пусть.

Он подтянул к себе поближе прибор связи и настроил на автоповтор. Сообщение уйдет в открытый космос и станет транслироваться до тех пор, пока корабль не будет полностью уничтожен. Проверив микрофон, Дункан заговорил отрешенным голосом.

— Внимание! Экстренное сообщение! Меня зовут Сол Дункан, я нахожусь на Плутоне. Он необитаем! Повторяю, Плутон необитаем! Передайте в соответствующие инстанции. Атмосфера Плутона — чистый хлор. Ни одна известная науке форма жизни не может существовать в такой атмосфере. Опустошителей не существует. Их выдумали Варра. Они и есть Опустошители. Они питаются жизненной силой. Когда человек только вышел в космос, Варра поняли, что человечество представляет потенциальную угрозу для них. Они уязвимы, и если люди об этом узнают, то им конец. Я пола-

гаю, что именно поэтому они притворились друзьями человечества и выдумали легенду о том, что на Плутоне существуют Опустошители. Шлемы не защищают, а помогают Варра опустошать людей, хотя они это делают редко. Мы для них являемся неким подобием домашнего скота, которого они доят, периодически убивая. До сей поры никто не знал об этом, но я знаю. Варра опасны. Моя жена, Андреа, не так давно погибла на корабле «Невеста Меркурия»...

Сол едва сумел сдержать слезы, но вскоре продолжил рассказывать свою историю, объясняя, что произошло. Не было никакой необходимости оправдывать себя.

— Варра можно уничтожить. От них можно защититься. Все зависит от того, насколько быстро человечество получит мое сообщение. Если мой корабль прорвется в открытый космос, то Варра уже не смогут помешать. У меня на борту груз радия. С его помощью я попытаюсь создать вокруг корабля ионный слой. Затем полечу в сторону Солнца, где и взорвусь... Сол Дункан. Конец связи.

Больше нечего было сказать. Земляне услышат и поверят. Когда-нибудь.

А сейчас...

Сол открыл все двери, люки и иллюминаторы, предварительно надев скафандр, чтобы корабль наполнился хлором. С помощью него гораздо проще создать ионный слой, чем через кислород. Будь Дункан ученым или химиком, он бы сделал это более умело, но оставалось только полагаться на то, что у него было сейчас. Главное, чтобы в итоге все получилось.

Заполнив корабль хлором, Сол извлек марсианский радиий из свинцового контейнера, бросил на пол, после чего вновь вернулся к пульту управления и поднял корабль в воздух, задав координаты Солнца. Больше ничего не требовалось, никаких дополнительных расчетов или действий. Только долгое и мучительное ожидание.

Двигатели ревели со страшной силой. Крейсер разогнался до предела, вжав Дункана в кресло. Пройдя сквозь атмосферу, Дункан включил автопилот. Все. Двигатели будут работать, пока полностью не сожгут остатки топлива. Корабль не остановится, он будет и дальше нестись по инерции сквозь всю Солнечную систему, мимо торговых фарватеров, мимо обитаемых планет и спутников.

На лобовом стекле замерцали светящиеся шары, которые постепенно сбивались в одно облако. Варра.

Доказательство тому, что Дункан был прав. Он стал первым человеком, который смог высадиться на Плутоне. Варра же намеревались помешать ему донести послание до человечества. Он это понимал.

Сол проверил радиомаяк. Автоповтор крутил его слова снова и снова, рассылая сигнал во все стороны. Его обязательно заметят и услышат, до Солнца ведь лететь еще далеко.

Пришло время проверить Надзор. Сол включил шлем, но ответа не последовало. Как он и предположил, Варра не смогут пробиться через искусственный ионный слой, созданный вокруг корабля. Дункан взглянул на радий, что лежал на полу. Мощное радиационное излучение при контакте с хлором создавало мощный барьер, блокируя любую возможность для Варра забраться в голову отчаянного пилота, который узнал их секрет.

Но они продолжали скапливаться вокруг, все еще надеясь как-то его остановить. Отдельные мысленные импульсы стали пробиваться в мозг Дункана, сигнализируя ему о том, что объединившись, Варра могут пробиться через барьер.

Сол схватился за рычаг управления бластерами. Лицо, изможденное и напряженное, исказилось в горькой усмешке.

— Ладно, Андреа, — прошептал он. — Ради тебя я послал сообщение. А сейчас... я сделаю кое-что для себя. Я отомщу! Потому что эти твари отняли тебя у меня!

Убийственные импульсы продолжали атаковать мозг Дункана. Он привел бластеры в боевую готовность и выстрелил прямо в скопление энергетических шаров. Луч, достигнув их, прорезал целый ряд, как нож масло.

— Они уязвимы! — закричал Дункан. — Я же говорил, что они уязвимы!

Варра приближались. Их сомкнутые ряды продолжали разбиваться под выстрелами из шестиствольного бластера, озаряя пространство секундными взрывами. Никто, к сожалению, не мог запечатлеть этот момент, как один человек противостоит целой армии высших, по мнению многих, существ. Черный крейсер прорывался сквозь толпы Варра, сотрясаясь от каждого выстрела. Безжалостный черный мститель, несущий гибель целому разумному виду, для которого наступил настоящий Армагеддон.

И его уже не остановить! Сол Дункан, ослепленный яростной агонией, бьющей его прямо в мозг, продолжал методично расстреливать энергетические шары, пока наконец перед его глазами снова не оказался чистая чернота космоса. Они не смогли его остановить, а значит, корабль продолжит свое путешествие к Солнцу. Перегревшиеся бластеры втянулись внутрь корпуса.

Сол устало поднялся из кресла и подошел к гробу жены, склонился над ее телом, всматриваясь в неподвижные черты лица и длинные ресницы на мертвых глазах, которые никогда не откроются вновь.

— Дело сделано, — сказал он. — Я смог. Человечество нас услышит...

Радиомаяк будет продолжать рассылать сигнал вплоть до того момента, пока черный корпус корабля не вспыхнет, объятый солнечным пламенем.

Сол с трудом опустился на колени перед гробом Андреа. Ноги не слушались. Из-за радия, естественно. Скафандру не под силу защитить от столь мощного радиационного излучения. Но все было не зря. Варра теперь не сможет ему помешать. Однако излучение постепенно убьет и самого Сола Дункана, если только он не уберет его обратно в свинцовый ящик. Хотя какой теперь в этом смысл?

Сол пожал плечами. Лучше умереть от лучевой болезни, чем быть опустошенным.

Жаль, что он не станет свидетелем того, как остатки Варра будут выслежены и безжалостно уничтожены. Человечество отомстит за все те смерти, что принесли им настоящие Опустошители. Оно отомстит за всех.

Двигатели окончательно смолкли. Корабль продолжил идти по инерции через обитаемые миры, где человечество сейчас предавалось простым людским утехам. Чувствуя, как кабина наполняется жаром, Сол Дункан лег на пол рядом с гробом Андреа, закрыл глаза и удовлетворенно улыбнулся. Вскоре солнце станет его погребальным костром.

Но послание останется.

Thunder in the void, (Astonishing, 1942 № 10), пер. Андрей Бурцев и Александр Штрамм

10¢

ASTONISHING

STORIES

DEC.

FOR VICTORY
WE READ AND STUDY

ABYSS OF DARKNESS

A NOVELETTE OF THE STAR-FOLK
by ROSS ROCKLYNNE

TAA THE TERRIBLE

by MALCOLM JAMESON
F.B. LONG - MARTIN PEARSON - JOHN E. HARRY - AND OTHERS

НОЧЬ БОГОВ

(Под псевд. Пол Эдмонде)

Глава I. Марш титанов.

ГЛЕНН ИСКОСА поглядел с кресла второго пилота на меня. Несмотря на усталость, его юное лицо было встревожено, а руки машинально потянулись к штурвалу управления самолетом.

Я не узнал свой голос, когда сказал:

– Уймись. Ты не в состоянии продолжать полет на этом аппарате дольше, чем я.

Он прикурил сигарету и сунул мне в рот.

– Ты сумасшедший, Шон. Тебе нужно отдохнуть.

Я ухмыльнулся, кивнув на изрешеченную осколками и пулями панель управления, где в исправном состоянии находилась только половина приборов. Мы летели в серых густых облаках довольно долго и вот, наконец-то они немного рассеялись под фюзеляжем поврежденного самолета. Через многочисленные пробойны в корпусе со свистом врвался разряженный воздух, но наша машина остервенело неслась на восток где-то над Тихим океаном.

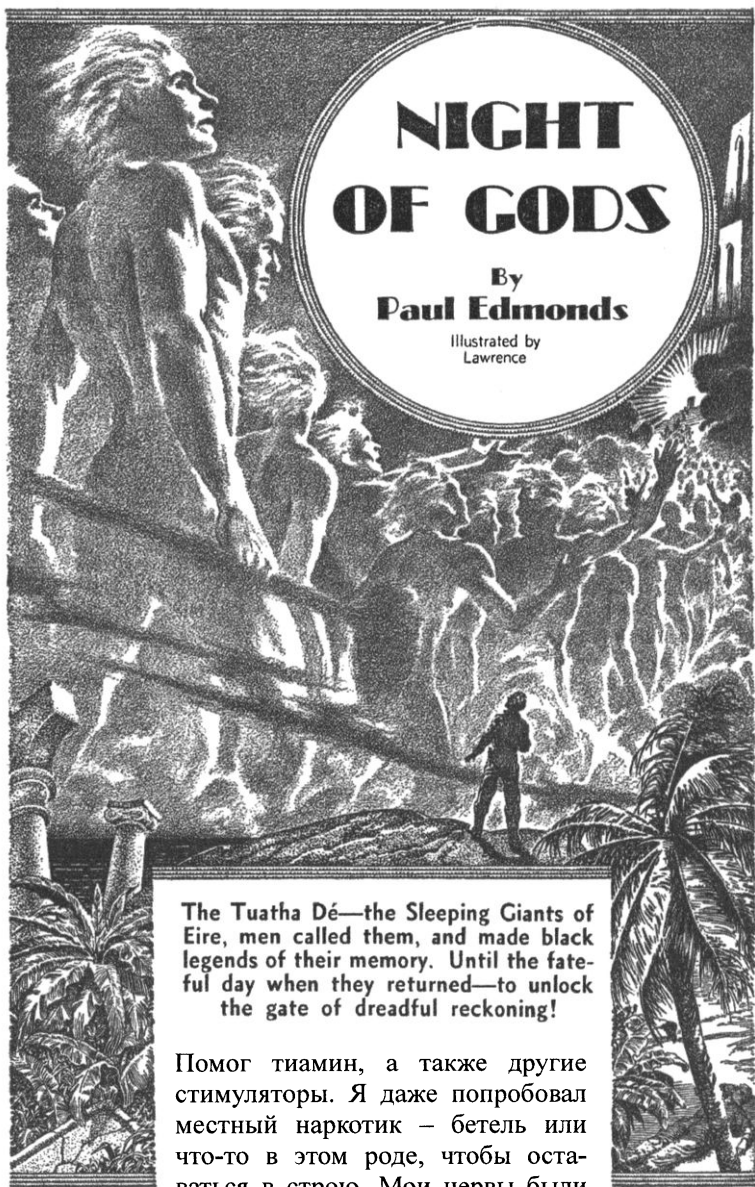
– Погода понемногу улучшается. Может быть, нам удастся дотянуть поближе к Токио. Бог его знает. В любом случае, посадка будет жесткой. Как там обстановка на земле?

Гленн проследил за моим жестом. Он скорчил недовольную гримасу.

– Кругом вода, до горизонта – океан. Тебе нужен отдых, командир!

Отдых! Правда, как же я устал. Я не мог объяснить Гленну, почему не позволяю ему взять управление на себя. Он подумает, что я сошел с ума. Как я смогу ему объяснить, что получаю сообщения из... ниоткуда?

Я в последнее время находился под действием сильных стимуляторов, чтобы подавлять свою сильнейшую усталость. Японцы уже несколько недель яростно обстреливали нашу островную базу, сбивали наши самолеты один за другим. Конечно, мы продолжали полеты, надеясь на помощь со стороны Австралии или Тихоокеанского флота. Так мало летчиков осталось в строю! Дело дошло до того, что я, как зомби, еле стоял на ногах и ждал сигнала к взлету, чтобы отразить воздушные атаки превосходящих сил противника.

NIGHT OF GODS

By
Paul Edmonds

Illustrated by
Lawrence

The Tuatha Dé—the Sleeping Giants of Eire, men called them, and made black legends of their memory. Until the fateful day when they returned—to unlock the gate of dreadful reckoning!

Помог тиамин, а также другие стимуляторы. Я даже попробовал местный наркотик — бетель или что-то в этом роде, чтобы оставаться в строю. Мои нервы были напряжены до предела. Физически я был истощен, но ум был по-прежнему остр, как бритва. Та вчерашняя атака...

Я выругался себе под нос. Неужели японцы захватили базу? Радио умолкло, пока мы были там, в воздухе, в тумане, и вокруг во всем мире не осталось ничего, кроме серой мглы. В суматохе воздушного боя мы сильно отклонились на север. Я попытался вернуться, но промахнулся мимо острова, и мы остались одни, с надеждой вслушиваясь в треск радио. Я лихорадочно искал место для посадки, прежде чем у нас закончится топливо.

А японцы глушили эфир.

Готовые умереть, с чувством безнадежности и отчаяния, мы искали выход из положения. Горизонт был чист. Я немного позволил себе расслабиться, но впервые за много дней в голове у меня было пусто. Я чувствовал сильное физическое истощение. Стимулирующие препараты, думаю, что-то сделали с моим разумом.

Мне постоянно что-то слышалось... какой-то невнятный зов, постоянно звучащий в затуманенном сознании.

Это появилось из облаков и темноты. Это было бессловесное, неслышимое послание. Не было никаких слов, чтобы описать... эти сообщения.

Этот невидимый кто-то подсказал мне взять курс на юг, но не словами, а интуитивно. В моей голове словно заработала стрелка компаса, направляемая невидимыми магнитными полями.

Подобно сказочной горе, которая притягивает магнитом стальные корабли к гибели на своих скалистых берегах, этот зов увлекал меня на юг.

Уже трижды в своей жизни я слышал его. Но еще ни разу так сильно, так мощно!

Однажды в Эверглейдс, в штате Флорида, больной и измученный лихорадкой, с расшатанными нервами, я услышал его. А потом, оказавшись в заснеженных Андах, когда мое тело наполнилось трепетным возбуждением от вида потрясающих высот, оно пришло с востока, по крайней мере, так мне тогда показалось.

Год назад я снова испытал это состояние, когда пьянствовал в маленьком порту где-то на бирманском побережье. Я был безумно пьян, близок к белой горячке. Но этот... призыв... был безошибочным.

И вот теперь, в четвертый раз этот тихий, невероятный зов зазвенел из ниоткуда, и мозг послушно ответил ему в унисон, призывающий к действиям, безусловному подчинению его воле. Волна опьяняющих мыслей то спадала, то поднималась, как прилив. Моя душа и тело всецело стали принадлежать этому.

Оно...звало!

Оно звало... меня!

Я вспомнил легенду про лиру Орфея, которая заставляла даже мертвых подниматься из могил и слушать чудесные звуки. Но в моем случае это была не музыка, я даже не слышал ее.

Глубоко внутри в подсознании какое-то неведомое чувство с жадностью внимало призыву и пьянело от восторга. Безумие или здравомыслие, сон или реальность, мне было все равно. Мое тело было почти мертво от усталости. Я управлял самолетом автоматически, рефлекторно. Передо мной на панели светились приборы. В иллюминаторах пролетали серые клочья облаков. Рядом со мной Гленн Кирк нервно курил одну сигарету за другой, бросая тревожные взгляды на датчик уровня топлива. Его было достаточно, и в запасе у нас еще оставался резервный подвесной бак, который можно было использовать в случае необходимости. Но где конечная точка нашего полета?

Где-то там, в тумане... что-то звало. Но что именно?

Что-то, что уже трижды звало меня. А теперь ...

— Шон.

— Да? — мой язык словно одеревенел.

— Я пытался связаться с землей по рации. Ничего. Все диапазоны глутятся японцами. Я совершенно потерял все ориентиры.

— Выпей и забудь об этом, — сказал я. — У меня в куртке фляга с бренди.

КРАЕМ ГЛАЗА я заметил, как Гленн поднес фляжку к губам. За последние несколько месяцев я узнал этого парня так хорошо, как это обычно происходит на войне. Он не раз спасал мне жизнь, впрочем, и я ему тоже.

Совместные боевые вылеты создают определенную связь. Гленн многое мне рассказал: о маленькой деревушке в Иллинойсе, где он жил, о доме, где на протяжении многих поколений воспитывалась семья Кирков, о колледже, где Гленн изучал медицину. В отличие от меня, ему было что терять, ведь я с ранней юности носился по свету. У меня не было семьи, не было места, где бы меня кто-то ждал. Но я знал, что эта деревня и ее жители значили для Гленна многое — светлое будущее в месте, где он родился и вырос. Он поведал мне об осенней охоте в лесах, о тепле камина в охотничьих домиках, заваленных снегом до самых окошек, и все такое прочее. Мне эти рассказы были по душе. Хотелось спокойной и размеренной жизни...

— Когда война закончится, ты вернешься со мной, — сказал Гленн.

— Ты понравишься моим родным, они будут только рады. Ты никогда не пробовал более вкусного блюда, чем запеченная индейка, которую готовит моя мама на день благодарения. И я хочу, чтобы ты познакомился с моей Паулой.

День благодарения. Я праздновал его, да. Но каждый раз по-разному. Жареная обезьяна в странах Амазонии, в верховьях Ориноко. Бифштекс из бычка на пампасах. Однажды пробовал жареную со-

баку в мексиканских горах, когда я был невероятно голоден, чтобы хоть чем-то наполнить желудок. И такие же одинокие грустные праздники в Нью-Йорке, Лондоне, Порт-Саиде... к черту все это. Пора взрослеть. Я унаследовал кое-какие деньги, и много дорог в жизни для меня были открыты. Но монотонная работа — это не то, что мне нужно. Жажда странствий и приключений — вот, что манило меня. Неугомонная тоска по чему-то, что невозможно выразить, слепой, неосознанный поиск неизвестной цели...

Мои предки бродили по туманным болотам Ирландии в незапамятное прошлое, еще до того, как короли Тары* пришли к власти, когда мужчины были воинами и менестрелями**, их руки одинаково владели как арфой, так и мечом. Во мне, в Шоне О'Мара, древняя кровь горела огнем. Я не мог успокоиться. Я... не мог найти себя.

И тут из ниоткуда донесся беззвучный зов, обращенный ко мне, и только ко мне.

Я следовал его призывам. Мне ничего больше не оставалось. Если только желание бессмысленного кружения в тумане в поиске места для посадки не пересилит этот зов. Иногда эти неожиданные наплывы облаков длились по нескольку дней. Нет, О'Мары всегда были азартными игроками, и я почему-то доверял этому влечению.

Но я не говорил об этом Гленну. Сейчас он спал и выглядел невероятно молодым, с усталым расслабленным лицом. Может быть, ему снится деревня в Иллинойсе. И Паула, которая носила подаренное им кольцо и с нетерпением ждала новостей с нашей Тихоокеанской базы.

Мои губы сжались. К этому времени база могла быть уничтожена японцами к чертовой матери! У меня там остались друзья...

Вдруг винт яростно вонзился в плотную струю воздуха, рванув самолет, словно пулю, вперед. Солнце взошло быстро и внезапно, как это бывает на экваторе.

Туман быстро рассеивался. Какой-то внезапный, непонятно откуда взявшийся поток прогретого теплого воздуха развеял облачность. Под самолетом я увидел островок.

Не было никаких признаков человеческого присутствия. Вершина небольшой сопки утесом круто вздымалась вверх, подножие которой густо усеяли пальмы. С высоты полета открывался великолепный вид барьерного рифа.

Вот место для посадки!

Сюда!

* Король Тары — титул верховного правителя в доисторической Ирландии. (прим. перев.)

** Менестрель — поэт-музыкант, бродячий исполнитель серенад. (прим. перев.)

В моем сознании этот крик бился беззвучно, но повелительно. Сделав глубокий вираж, я направил самолет к широкому пляжу. Здесь, во всяком случае, мы будем в большей безопасности. Мы могли бы передохнуть и побережть топливо, пока японцы не перестанут глушить радиосвязь, и мы сможем сориентироваться.

Гленн проснулся, когда я совершил удачную посадку. Он озадаченно моргнул, а потом повернулся и вопросительно уставился на меня.

— Не спрашивай меня, — сказал я. — Нам дико повезло, вот и все. Мы сорвали джекпот. Если только это не остров Робинзона Крузо.

— Туземцы? Гм-м... — Гленн вставил в пистолет новую обойму и широко зевнул. — Господи, как я устал. Я собираюсь найти хорошую тенистую пальму, лечь под нее и проспать как минимум неделю.

Я уже вышел из самолета, оценивая повреждения, нанесенные японскими осколками и пулями. К счастью, ничего серьезного. Хотя самолет и был изрешечен от носа до хвоста, но мне доводилось летать на машинах в гораздо худшем состоянии. Да, мы могли бы вернуться на базу или на какой-нибудь авианосец, когда сориентируемся.

Только... это послание все еще сидело у меня в голове.

Волны тихо набегали на пляж и с пеной отступали в синеву океана. Иногда пелена тумана накрывала нас, но рассеянный солнечный свет нагревал островок, тепло почвы которого быстро разгоняло испарения. Прохлада лагуны манила расслабиться. Я подумал об акулах и решил, что будем купаться по очереди.

Один из нас стоял на страже с пистолетом, а другой наслаждался освежающей прохладой. Никогда в жизни я так не был счастлив от такой мелочи. Мои ноющие измученные мышцы успокоились и отдохнули. Когда я вылез на песок, силы оставили меня. Я сделал большой глоток бренди, чтобы голова вновь заработала.

— Что будем делать дальше? — спросил Гленн. — Хотя, давай обсудим это позже, я хочу вздремнуть.

— Сначала оденься, — сказал я ему, натягивая брюки. — На случай, если здесь обитают туземцы, мы будем для них легкой добычей. Возможно, нам придется спешно улетать. Некоторые из туземцев на этих островах довольно наглые.

— Туземцы? Так ли это...

— Возможно, мы сели ближе к Австралии, чем к Суве, — мрачно сказал я. — На самом деле, только Бог знает, где мы находимся. Поспи немного. Я буду стоять на страже.

— Тебе отдых необходим больше, чем мне. Я в форме. Бросим жребий.

— Хорошо, — я достал из кармана монетку достоинством в один шиллинг и подбросил. — Орел.

У счастливой монеты орлы с обеих сторон. Я позволил Гленну увидеть, как она упала на мою ладонь, и отмахнулся от него.

– Приятных сновидений. Я разбуджу тебя через несколько часов, а потом и сам немного посплю.

– Ты так же смертельно устал, как и я, даже больше. Ты же летал...

– Да прекрати ты, наконец, – ответил я и подставил ему подножку, так что он растянулся на песке. – Если ты встанешь, я снова собою тебя с ног. Поспи немного, дурень.

– Ну... ладно. – Через минуту он уже забылся сном младенца...

Я ВЕРНУЛСЯ к самолету и попробовал включить радио. Мои надежды не оправдались. Я вытащил «Мэри Лу» из каюты и пристегнул ее к поясу. Это было удобное оружие, которое я нашел недавно. Лезвие длиной примерно с мачете, но тоньше, как у лезвия бритвы, а на рукояти с наружной стороны выступали несколько острых медных пирамидок, которые представляли собой кастет. Очень удобно, особенно в ближнем бою или в ограниченном пространстве. Если лезвие не попадет в цель, то кастет обязательно поразит противника. Я изуродовал этим лицо японца полтора месяца назад, когда он бросился на меня с револьвером наперевес, а мой автомат заклинило. Для рукопашного боя «Мэри Лу» – отличная вещь.

Потом я подошел к Гленну и прислонился спиной к пальме, чтобы не упасть от усталости. Я явно переоценил свои силы, потому что был настолько измотан душевно и физически. Но я все еще думал, что смогу бороться со сном...

Это была самая большая ошибка, которую я когда-либо совершал. Потому что я вырубился, как лампочка, ровно через две минуты. Впрочем, это была не совсем физическая усталость. Может быть, тут замешан гипноз.

Я был... как во сне.

Этот беззвучный внутренний зов вернулся. Болезненное состояние моего рассудка оставило значительную брешь в сознании, через которую и проникал этот самый «зов». Я как бы наблюдал за собой со стороны, видел себя под пальмой, на которую облокотился, и в то же время я видел нечто странное...

То, что я увидел...

Наступила глубокая тьма. Сквозь облачную мглу шагали громадные, гигантские, возвышающиеся до небес фигуры. Я чувствовал опасность, смертельную опасность самого Абаддона*.

* Абаддон – в иудейской, а затем и в христианской теологии ангел (демон) истребления, разрушения и смерти. (прим. перев.)

Титаны двинулись дальше, они приближались к... приближались к...

Все это происходило в полном безмолвии. Подобно закату, что-то пылающее, извивающееся, словно языки огня, пятно света промелькнуло далеко на фоне темнеющего неба. Я увидел храм или что-то вроде этого — массивное величественное сооружение, как зал Вальгаллы*, где вечно пируют могущественные Асы**.

К этому храму и направлялись великаны!

Я не хотел, но пошел с ними в их потоке. Смутно, издалека, я услышал окрик, мое собственное имя, голос, который я знал. Гленн...

Кто такой Гленн? Я ничего не помнил...

В окружении этих колоссов, я двигался все быстрее и быстрее! Орды богов тоже стремительно передвигались.

— Шон! Шон О'Мара!

Неужели это Шон О'Мара бежит по джунглям, вверх по лавовым склонам, среди вулканических трещин, где тени прячутся в глубокой тьме? О'Мара? Только не я!

Я ощущал себя одним целым с титанами!

Они тянули меня вперед, манили за собой. Мимо разрушенных каменных скал и осыпей, выветренных и разбитых, мимо склонов, полностью увитых дикой виноградной лозой, мимо дороги...

Дорога?

Время не обошло ее стороной. Столетия постепенно разрушили и превратили в песок то, что когда-то было великим. Но я видел тени прошлого, башни и сооружения, которые когда-то здесь возвышались. Пусть призрачные, но реальные, как титаны, шагающие вперед по дороге!

— Шон!

Раньше это было проходом. И все же он тоже оказался подверженным воздействию Кроноса — бога времени, который когда-нибудь поглотит все — и мир, и вселенную. Сейчас это представляло собой лишь черную щель в скальной породе, наполовину засыпанную щебнем...

Я легко поднял большой валун и отложил его в сторону. Путь был свободен. Великаны с грохотом пронеслись по дороге мимо меня, через открывшийся проем... И я стал одним из них.

Стимуляторы и наркотики, которые я употреблял в последние дни, снова затуманили мой мозг. Меня потащило в какую-то темноту...

* Вальхалла — в германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде, куда попадают после смерти павшие в битве воины и где они продолжают прежнюю героическую жизнь. (прим. перев.)

** Асы — скандинавские боги. (прим. перев.)

Сквозь щель в стене просачивался свет, слабый, но достаточно яркий, чтобы разглядеть мое окружение. Я был в пещере. Стены, крыша и пол сияли серебром.

Передо мной в пустоте висел шар, чуть светившийся тусклым светом. Большой, мои руки едва бы могли охватить его. И он был *старый*, если не сказать — *древний*!

И именно от него *исходил* призыв. И существовал он уже тысячу тысяч лет, с того дня, когда высокие монолитные скалы охраняли эту дорогу. Я физически ощутил невероятную древность сферы. И она отозвалась мне, как полуразумная, почти живая. С молниеносной скоростью она начала делиться со мной накопленными знаниями.

Машина — и все же наполовину живая. Она ждала этого момента. Ждала, что кто-то снова пойдет по дороге?

Внезапно сфера вспыхнула ярким светом. Я почувствовал, как через меня пронесся какой-то невероятно мощный импульс. Мне показалось, что кто-то неведомый овладел моим сознанием, и ненавязчиво предложил погрузиться в мысли моего товарища — Гленна Кирка. Все это произошло мгновенно.

И снова поток силы беззвучно вырвался из сферы. И на этот раз он принес с собой темноту. Забвение самой вечности!

Глава 2. Пир с богами.

ГДЕ ЖЕ титаны?

Это точно был сон, не более того. В голове у меня стучало, и я сел, оглядываясь по сторонам. Я знал, что эти кошмарные видения были призрачными. И все же...

Часть сна была реальной.

Я очнулся в комнате со стенами, потолком и полом из серебра. В нескольких метрах от меня в воздухе висела теперь тусклая и безжизненная сфера. В одной стене был проем, и сквозь него мягко пробивался голубоватый свет.

Рядом со мной лежал и прерывисто дышал Гленн, гримаса усталости почти исчезла с его лица. Я снова был бодрым и здоровым. Как долго мы спали? Чувство животного голода овладело мной. Усталость улетучилась из моих мышц, смытая целебным сном. Как долго...

По крайней мере, я спал много часов. Я повернулся, чтобы рассмотреть шар. Ничего сверхъестественного я не увидел. Шар, как шар, и не более того, правда выглядел он необычно в этой пещере... Какие неизвестные силы создали его и город, лежащий в руинах

снаружи? Возможно эти руины, похожие на гигантские статуи, и были частью моего сна.

Гленн пошевелился и что-то пробормотал. Он протянул руку. Я схватил его за плечо и встряхнул. Он вздрогнул и проснулся.

— Шон! Какого дьявола ... — он вдруг вскочил на ноги и огляделся.
— Боже мой! Что случилось?

— Не знаю. Я спал, — криво усмехнулся я.

Он посмотрел на меня.

— Я шел за тобой. Звал тебя, но ты не отзывался. Ты шел, словно зомби, ровно по прямой дороге через джунгли вверх, к горе. Когда я увидел эти развалины, я чуть было дар речи не потерял.

Значит, руины были настоящими.

— Ты видел какие-нибудь... фигуры?

— Нет. Ни души. Давай выбираться отсюда. У меня нервы на пределе. От этой штуковины у меня мурашки по коже. И вообще, что это такое?

Я не мог ответить на этот вопрос.

— Наверное, какая-нибудь машина.

— Чтобы сделать искусственную молнию, да? Давай вернемся к самолету. Туман уже должен рассеяться. Жаль, что у меня нет фотоаппарата, я бы хотел сделать снимок этого шара, когда мы будем докладывать командованию о наших приключениях.

Голубоватый свет, который просачивался внутрь, не был похож на солнечный. Я почувствовал неясное беспокойство.

Гленн подошел к расщелине и протиснулся наружу. Я услышал, как он ахнул. Я последовал за ним.

Это была уже не... Земля.

Я думаю, мы почувствовали это с самого начала. Потому что неба не было. Вверху был огромный безоблачный и солнечный свод сияющей синевы. Это была не голубизна земного неба. Воздух вокруг сиял той слабой, мягкой лазурью, как будто мы находились в прозрачной воде тропических морей.

Скалы цвета пламени окружали нас стеной. Мы стояли на небольшом холмике и с изумлением осматривали все вокруг. Высокие горы окружали нас, подобно тюремному забору. Только в одном месте, впереди, примерно в четырехстах метрах от нас отвесные каменные утесы были прорезаны узкой щелью — выходом из ущелья. Каньон резко изгибался, так что мы могли видеть лишь небольшую его часть.

Моя рука машинально потянулась к поясу. Рукоять верной «Мэри Лу» приятно легла в мою ладонь. У меня еще был пистолет, и у Гленна тоже.

Он, все еще изумленный, озирался по сторонам, потом медленно двинулся вперед, и я последовал за ним.

Мы вышли из куполообразного сооружения высотой около шести метров, построенного на вершине холма. Оно было бесформенным, однородного темного оттенка. Его стены затрудняли нам круговой обзор.

— Пошли, — коротко бросил я и пошел в обход этого купола.

Как я и надеялся, скалы с противоположной стороны не были сплошными. Слева и справа они тянулись до тех пор, пока вдаль не обрывались на краю ущелья. Через ущелье проглядывалось некое подобие моста.

Дальше, на горизонте, тянулась низкая линия сероватых холмов.

Гленн облизнул пересохшие губы.

— Я тоже сошел с ума? Это не...

— Мы не знаем, что это и где находится. — Я вытащил свою фляжку. — На, хлебни. Это помогает от ночных кошмаров.

Он с неподдельным удовольствием глотнул из фляжки, и я сделал то же самое. Спиртное вернуло нам бодрость. Мы стояли, глядя на этот невероятный пейзаж, постепенно осознавая, что находимся лишь вначале своего пути в неизвестность.

— Никакого теплого приема, — сказал наконец Гленн.

— Да. Интересно, а эта сфера... Космический корабль?

— Я сделаю ставку на телепортацию. Молекулярная передача предметов на расстоянии. Это всего лишь теория, но мы определенно оказались не в южной части Тихого океана.

— Мы можем оказаться в другом времени, — сказал я. — Я читал о таких вещах в газетах. Это невероятно. Однозначно. Только вот мы здесь. Что ж, нет смысла стоять здесь и умирать с голоду. Раз уж мы не можем повернуть все вспять, давай займемся поисками пропитания.

Гленн нервно усмехнулся.

— Интересно, что скажут об этом дома?

— Отправь им телеграмму, — язвительно предложил я. — Идем.

Я начал осторожно спускаться по склону. Рыхлый грунт под ногами выглядел предательски. Когда мы достигли ровной поверхности, я почувствовал себя куда увереннее.

Теперь мы не видели ущелья, но скалы указывали нам верное направление.

Мы продолжали идти. Наступила полная тишина. Не было ни насекомых, ни птиц, был только отдаленный шум, который я не мог разобрать. Он больше походил на звуки костра, чем на звуки океана.

Мы вплотную приблизились к тому месту, где я ранее рассмотрел мостик. Мост был узкий, не шире двух метров, и создан из какой-то мертвой черной субстанции, по которой нам предстояло пройти. Он не казался ни металлическим, ни каменным. Что это было, я не знал.

Бездна...

Гленн хрипло вскрикнул и рванулся обратно, закрывая лицо рукой. Он взглянул на меня, и я увидел, что его щеки и лоб моментально покрылись волдырями ярко-багрового цвета.

— Боже мой! — прошептал он. — Не подходи слишком близко. Это... это адская яма, черт возьми!

— Ты обжегся, дружище?

— Н-нет. Но невидимый огонь был близок. Осторожно! — он схватил меня за запястье.

— Хорошо, — сказал я и двинулся вперед, чтобы заглянуть в пропасть.

Далеко внизу я уловил проблеск света, который был невероятно ярким, намного ярче, чем может быть свет. Он двигался тонкими струйками, как вода. Взрыв обжигающей энергии отбросил меня назад, я закашлялся и задохнулся.

— Я же говорил тебе быть осторожным, командир.

— Да. Я в порядке. Это какая-то радиация...

— Очень опасная, даже смертельная. Мы в тупике.

— Нет, — ответил я и кивнул в сторону моста. — Я был на нем всего в нескольких шагах и не пострадал. Он, вероятно, сделан из какого-то вещества, которое блокирует лучи, или что бы это ни было.

— Это радиация. Или еще что-нибудь.

Прежде чем Гленн успел остановить меня, я вышел на мостик. Я не почувствовал ничего неприятного. Но слева и справа воздух сотрясаясь от безмолвного, страшного движения, когда снизу устремлялись вверх лучи. Неясный шепот становился все громче. *Странно, подумал я, что голос смерти так мягок.*

Гленн последовал за мной.

— О'Мара, ты — сумасшедший псих! Откуда можешь знать, что этот мост безопасен?

— Я уже на нем. Кроме того, никто не стал бы строить мост, если бы не намеревался им воспользоваться. Давай посмотрим, что там на другом конце.

Это была головокружительная прогулка, так как пролет был, по меньшей мере, сто метров длиной, но мы все же добрались до его конца. Мы присели на минуту или две на мягкий грунт противо-

положного берега, немного ослабленные от воздействия радиации. Божественная, неземная голубизна нависла над нами, как огромный купол отфильтрованного света.

— Нет, это не южная часть Тихого океана, Гленн. К несчастью, если бы это было так, мы могли бы добыть хоть немного плодов хлебного дерева. И я хочу пить.

— Во всяком случае, мы не можем пить *это*. — Он вздрогнул и снова посмотрел в сторону ущелья. — У меня мурашки по всему телу. Может быть, мы умерли, а?

— Покойники не знают чувства жажды и голода. Я голоден, соответственно — я жив!

МЫ ПЕРЕВАЛИЛИ через невысокий хребет, и перед нами открылся изумительный вид холмистой местности, заросшей невысоким лесом, которая простиралась до самой туманной дали. Впереди лежала хорошо утоптанная тропинка. Я искал хоть какие-нибудь отпечатки живых существ, но в этом мире были ветры, и я не мог найти никаких следов на поверхности сероватой пыли.

Еще некоторое время мы шли по тропинке. Вскоре лес поредел, и мы оказались на краю поляны. Неожиданно показалось сооружение в виде настоящего средневекового замка, построенного из камня или металла, я не мог разобрать, из чего именно, а стиль архитектуры показался мне знакомым. Он не был ни греческим, ни римским, ни нормандским, но принцип сооружения арки был явно известен строителям. Замок, лишенный суровой грубости земных крепостей, построенный в утонченном стиле, когда его массивность ощущается как нечто прекрасное и обманчиво хрупкое.

— Ну вот, кажется, мы пришли, — сказал Гленн. — И никто не встречает важных персон...

Я похлопал по кобуре своего автоматического пистолета.

— Вот наш пропуск. Судя по всему, дома никого нет, никаких признаков жизни.

Мы прошли через поляну к приоткрытым воротам в стене замка, и очутились на голом и пустынном дворе. А потом из какой-то двери вышло существо, но это был явно не человек.

Ошеломленные, мы остановились. Существо имело очертания человеческой фигуры. Оно носило набедренную повязку и ничего больше. Его кожа была тускло-сероватого оттенка, а голова и тело были полностью без волос. У него было две пары рук, а ступни ног заканчивались подушечками, как у слона. Черты лица были достаточно правильными, но его глаза были какими-то тусклыми, бессмысленными.

Он видел нас, но не обращал никакого внимания. Я почувствовал, как по телу пробежал холодок. Существо прошло мимо нас и исчезло в арке.

— Видимо, для подобающего приема нам понадобятся рекомендации, — сказал Гленн сиплым голосом, в котором присутствовали и юмор, и определенная доля сарказма.

Я ничего не ответил. Я последовал за существом, а Гленн за мной. Мы прошли по короткому коридору, отодвинули занавес и вышли в холл. У меня возникло какое-то знакомое чувство от вида замысловатых узоров на стенах, голубоватого призрачного полумрака и двух фигур, сидящих за столом в отдалении, будто я знал их раньше.

Две человеческие фигуры! Мужчина и женщина. Они увидели нас и вскочили, вытаращив глаза.

Даже не мужчина и женщина. Бог и богиня!

Это был великан, выше меня ростом, с блестящей серебристой гривой волос над красивым мощным лицом. Он носил облегающее одеяние из какой-то яркой ткани. Его глаза светились синим пламенем, теперь в них горел недоверчивый восторг.

Богиня...

Теперь я не могу заставить себя описать ее. Она была необыкновенно красива. Темноволосая, а ее взгляд был пронзительным, подобно удару копья в сердце. На ней была одежда, сотканная из ночи. Да, она была богиней.

Я почувствовал, что мир вокруг меня остановился, в тот момент, когда я впервые увидел Асов из Дайана...

Богиня бросила на бога быстрый взгляд и снова посмотрела на нас — оборванных, грязных, покрытых темно-багровыми пятнами засохшей крови от многочисленных царапин. За этой божественной парой мы увидели уже знакомое нам нечеловеческое существо с серой кожей, которое сервировало стол.

Мужчина что-то тихо сказал, и существо бесшумно ускользнуло.

Я услышал тихий шепот Гленна:

— Я всецело полагаюсь на тебя. Кажется, что от этой дамы у нас будет куча проблем.

— Успокойся, — ответил я.

Я поднял руку в мирном жесте и сделал шаг вперед. Бог вышел из-за стола и направился ко мне. На поясе у него висел огромный молот с красным, как кровь, набалдашником.

Он тоже поднял руку и остановился, глядя мне в глаза. Он задал вопрос на каком-то полужаномом мне языке. Я напряг свое подсознание. А потом вдруг вспомнил... шотландский... Древний шотландский, хотя с разницей в акценте и произношении, что делало слова почти неузнаваемыми.

Ну что ж, О'Мара вспомнил язык своих предков! Я говорил медленно, осторожно, приветствуя его.

Он повернулся к богине, прорывав фразу, которую я не смог разобрать. В его голосе звучало торжество. А потом снова развернулся ко мне.

Он засыпал меня вопросами, отрывисто, быстро, что я почти ничего не понял. Я покачал головой, и он заговорил медленнее, сопровождая свои слова жестами. Через мгновение он схватил меня за руку и потянул к столу, заставляя сесть на скамью рядом с богиней. Я жестом поманил Гленна, и он присоединился к нам.

На доске была еда — незнакомая, но узнаваемая. Я указал на нее и задал вопрос. Мужчина схватил кусок мяса и сунул мне в руки.

— Ешь! — он сказал ... и я понял. — Ешь!

МЫ НАБИВАЛИ свои желудки, как волки. Бог продолжал говорить, и постепенно его диалектные выражения становились мне понятнее и понятнее. Он говорил на шотландском, или на коренном шотландском — кельтском, и как только я освоил разницу в акценте, мне стало гораздо легче разговаривать с ним. Наконец насытившись, я откинулся на спинку стула и осушил чашку горячего пряного напитка.

Я искал нужные слова.

— Мне трудно говорить. Старый язык ... он изменился.

— На нем все еще говорят в Ллеу-Атланте?

Он повторил это прежде, чем я понял.

— Ллеу-Атланта?

Богиня сказала:

— Пусть он расскажет свою историю. Это было очень и очень давно. Империи исчезают. Только в Дайане не происходит никаких изменений.

Большинство слов я смог разобрать. О смысле остальных я догадался. Но старые фразы возвращались ко мне с возрастающей легкостью. Гленн с удивлением наблюдал за происходящим. Я кивнул ему и сказал:

— Все хорошо. Я тебе потом все объясню.

— Расскажи мне, — попросил бог. — Я Лар, хранитель. Эта богиня — Эдис. Она тоже хранительница. А теперь скажи, кто ты и как попал в Дайан?

Я рассказал ему. Время от времени он перебивал меня, осторожно расспрашивая, говоря какие-то слова, смысл которых я почти не понимал. Когда я закончил, он протянул мне наполненную чашку.

— Пей! Я пью с тобой! Эдис...

Она подняла свой кубок.

– Так. Но ... кто он? Этот человек по имени Гленн? Он не древней крови.

Лар посмотрел на меня.

– Он не говорит на нашем языке? Он не слышал призыва? Ну что ж, он пришел с тобой и теперь вы в безопасности. Так что нет.

И мы выпили вместе, в первый и последний раз. Глиды поверх края чашки, Эдис изучала меня.

Эдис, Эдис из Дайана! Воистину богиня! Я не смею думать о тебе сейчас. Я не смею вспомнить. Но ... я полюбил тебя с того самого момента, как увидел в этом тускло освещенном голубым светом зале, одетую в ночь, как в платье, охраняющую прата, через которые, как ты думала, никогда и никто не войдет.

Лар поднялся, смеясь надо мной.

– Скажи ему, Эдис. У меня нет времени. В Ллеу-Дайане люди готовятся к походу к расщелине, и я должен сообщить им, что на этот раз удача будет сопутствовать нам. И все же... – он наклонился ко мне, пристально глядя в глаза. – Эдис, ты отведешь его к расщелину, когда шторм разразится над скалой. Его силы все еще скрыты. Пусть он обретет то, что даст ему новую жизнь...

– Не понимаю, – сказал я.

– Эдис все объяснит. Для начала я тебе покажу кое-что... – его гигантская фигура исчезла так быстро, что я не смог уследить за ним взглядом. Я услышал, как изумленно ахнул Гленн. Прежде чем я успел повернуться, Лар вернулся, держа в своих исполинских руках огромный каменный валун.

– Вот, смотри...

Камень легко, словно это был комок сухой глины, раскрошился между его пальцами, струйки пыли посыпались на пол, полетели осколки камня. Гленн изумленно выдохнул:

– Шон! Ты погляди, что он сделал, – внезапно он опустился на колени, поднял осколок и попробовал тоже расколоть его. – Этого не может быть...

Лар рассмеялся и обратился ко мне.

– Когда ты будешь стоять в буре расщелины, ты тоже проснешься. Пока что ты ворочаешься во сне, но позже ты обретешь такую же силу, как у меня. И у Эдис! И у всех тех, кто живет в Дайане!

– А этот? – Эдис кивнула в сторону Гленна.

Лар помрачнел.

– Он не нашей крови. Он не может посетить расщелину.

Великан снова повернулся ко мне, сжимая мое плечо стальной хваткой.

– Мы еще встретимся, брат.

Титан вышел из зала, высокомерно подняв серебряную голову.

НАМ ОСТАВАЛОСЬ только ждать. Эдис сказала, что через некоторое время Лар вернется.

Для меня было невозможно понять отсчет времени в этом странном мире. Солнца не было. Только неизменная голубая дымка над головой, которая никогда не переходила в ночь. Эдис объяснила, что существуют определенные временные циклы или импульсы, которые она может ощущать, а я — нет. Было так много всего, чего я не понимал!

Одну вещь я узнал очень скоро. Между Эдис и Гленном определенно возникла неприязнь. Он опасался ее и поэтому относился к ней настороженно. Она тоже чувствовала к нему что-то вроде презрения. Позже я понял почему.

— Она не человек, — сказал Гленн, когда мы остались одни. — И этот парень тоже. С ними обоими что-то не так, Шон.

— Я не понимаю, о чем ты.

Он вздрогнул.

— Разве ты не видишь? Ты сам немного мне их напоминаешь, но ты же человек!

— Ну, с нами все в порядке, — практично сказал я, усаживаясь на груды подушек. — Нам отвели отдельные апартаменты, которые выглядят шикарнее, чем «Астор». Есть сигарета? Курить хочется.

Гленн протянул мятую пачку.

— Надеюсь, у них здесь есть табак. Кстати, где мы находимся? Они что-то сказали?

— Нет, по крайней мере, я не до конца понял все, что рассказала Эдис. Мы находимся в местечке под названием Дайан, и Лар отправился в главный город — Ллеу-Дайан.

— А почему они говорят по-шотландски?

— Даже не знаю, — вслух подумал я, медленно выпуская дым. — Мы можем находиться где угодно во времени или пространстве. Я все выясню, только дай мне обстоятельно расспросить Эдис.

— Обязательно поговори с ней, — сказал Гленн, нервно теребя подбородок. — Мне не нравится это место и эти люди. Чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше.

— Если мы только сможем выбраться.

— Может быть, Эдис скажет тебе, как это сделать. Боже, как же я хочу спать. Этот напиток был с наркотиками.

Возможно, Гленн был прав, но я в этом сомневался. Мы все еще были измотаны. Вскоре мы уже спали...

Меня разбудило легкое прикосновение руки ко лбу. Я поднял глаза и увидел Эдис, которая стояла на коленях рядом со мной. Она приложила палец к губам, кивнула в сторону Гленна и поманила

меня к двери. Я тихонько встал, чувствуя странный нарастающий восторг.

Она повела меня по лестнице на крышу башни, где были навалены подушки. Существо с серой кожей, отдаленно похожее на человека, стояло там и ждало. Эдис сказала пару слов, и существо поспешило прочь.

– Твой спутник спит, – сказала она, расслабляясь на подушках. – Это хорошо. Ему незачем вмешиваться. Присядь рядом со мной, и мы поговорим. О моем и твоём мире, а также о некоторых тайнах, которые должны быть тебе понятны.

Под башней холмистая, покрытая лесом местность уходила в туманные горизонты, где возвышались огромные утёсы. Я мог различить тонкую полоску – мост, который перекинулся через ущелье.

– Но для начала, Шон О’Мара, мы должны выпить вместе. А вот и Гхар с вином.

Серокожее существо вернулось вместе с кувшином и бокалами. Он налил настойку медового цвета. Я почувствовал, как у меня по спине поползли мурашки, когда я посмотрел на него, на это... существо.

– Гхар? Что это за существо такое – Гхар?

Откинувшись на подушки, Эдис лениво потягивала вино. Распущенные волосы обрамляли её лицо, как полуночные облака.

– Раб, слуга. Мы их сотворили.

– Сотворили?

– Да. В течение долгого времени мы знали, как формировать живую плоть для наших нужд. Это основное вещество плоти...

– Протоплазма? – Эдис не поняла этого слова. Я, насколько мог, доходчиво объяснил ей это.

– Да, именно так. Мы формируем плоть по мере её роста. Мы знаем тайны жизни ещё со времен Ллеу-Атланта.

– Где это было? И когда?

Она пожала плечами.

– Гм, очень давно. Это сохранилось в наших древних записях. Наши предки – выходцы из Ллеу-Атланта, из твоего мира. Это был остров в море...

Атлантис, меня осенило. Геспериды, острова Блаженных, далеко на западе от ирландских утёсов. Атлантида!

– Это было очень давно, это я точно знаю. Тогда мы были правителями. Наша нация была самой мудрой и могущественной. Видишь ли ... – она поколебалась. – Не знаю, сможешь ли ты понять меня, но есть два типа людей. Доджины, которые лишь немногим опережают Гхара по развитию, и люди моей расы, такие же, как Лар. Твой друг – доджин.

Во мне шевельнулось негодование.

– Гленн, наверное, намного умнее меня.

Эдис улыбнулась, словно ребенку.

– Он и есть доджин. И все люди на Земле когда-то были такими же. Потом произошли мутации. Да. Возникла новая раса. Великаны, но они не знали своих способностей, их сознание дремало.

Я вспомнил ирландские легенды об исполинах, спящих в горах ... Туата Де Дананн*.

ЭДИС ПРОДОЛЖАЛА:

– Эти люди обладали определенными способностями. Но их силы были скрыты, подобно мечу в ножнах. Как гласит легенда, в Ллеу-Атланте была священная пещера, где обитал бог. На самом деле бога не было. Существовала только некая природная сила, которую я никак не могу описать тебе словами. Лар говорил о буре в расщелине. Ты увидишь эту бурю, которая однажды разразилась в Ллеу-Атланте, встанешь в нее, и обрешь ту самую силу. Сила, которая открывает врата и вытаскивает меч жизни из ножен!

Какая правда скрывается за легендой об Экскалибуре, о мече, который дал свет миру, если вытащить его из ножен?

– Эти люди, эти спящие великаны, обрели сверхъестественные способности. Они стояли посреди бури. И они действительно стали богами. Как Лар, как я, как вся наша раса. Время шло. Доджины, слабые люди, вымерли, и мы их заменили. Со временем весь мир был населен нами, и Ллеу-Атлант стал величайшей империей в истории, которая когда-либо существовала. Пока... Наша эволюция не завершилась. Ничего подобного раньше не случалось. Доджин родился у одного из представителей нашей расы.

Она продолжала.

– Доджин. Как будто женщина должна родить обезьяну. Это было только начало. Потом рождались и другие... Наши мудрецы искали причину, но безуспешно. Существует легенда, что Земля прошла через облако в космосе, барьер, который блокировал определенные лучи. И тьма, и холод пришли в мир, которым некогда правил Ллеу-Атлант.

Ледниковый период? Космические лучи? Но...

– Поэтому мы сбежали. Врата были открыты для Дайана, и в Дайане наша раса могла развиваться и жить в покое. Здесь существуют те самые лучи, которые позволяют нам оставаться такими, какие мы есть. Здесь, в Дайане, наши дети подобны своим прародителям, а не уродливым доджинам. Но даже здесь необходимо, чтобы мы стояли в буре расщелины так часто, как только разразится очеред-

* Туат(а) Де Дананн – племя (племена) / народ богини Дану – четвертое из мифических племен, правивших Ирландией. (прим. перев.)

ной шторм из этого излучения. Он делает это регулярно, но совсем не часто! Это должно произойти в ближайшее время.

— Многое из твоих слов я не понял, — проговорил я. — Но скажи мне вот что: где именно находится Дайан?

— Мы никогда этого не знали, — тихо сказала Эдис. — Нет никакого способа это узнать. Мудрецы давным-давно открыли врата и искали землю, где мы могли бы развиваться и быть в безопасности. Они и открыли Дайан. Но они не знали, где находится это место, то ли в другом измерении, то ли в другом времени.

— А что там, дальше? — я указал на горизонт.

— Туман, в конце концов, сгущается, мы не знаем. Как бы далеко мы ни продвигались в своих поисках, там всегда были земля и туман. Но это не имеет значения. Мудрецы говорили так: на Земле наша раса вымрет. Доджины будут править снова, пока планета не пройдет сквозь облако в космосе. После этого эволюция начнется снова. Нет, не сразу, конечно, путь к возрождению окажется длинным и извилистым. Но в конце концов цикл повторится, ведь один из представителей нашей расы родится от доджина, как это уже произошло в древности. Это было бы только началом. Пока наконец Земля снова не будет населена такими же мужчинами и женщинами, как мы...

Не спеша, Эдис отпила немного вина.

— Когда мы прошли через ворота в Дайан, мы оставили знак. Наши мудрецы сделали портал такими, чтобы его зов мог услышать только человек нашей расы. Они и посылали сообщения — вызовы. Сообщения, которые не мог услышать ни один доджин. Но если кто-то из нашей расы услышит, он придет и пройдет через врата в Дайан. Это было необходимо, потому что наш народ разобщен и рассеян по всей Земле. Мы не смогли бы найти их всех. Врата оставались открытыми, послан зов, и вскоре наша раса постепенно просачивалась внутрь, по двое, семья за семьей, племя за племенем. Это заняло много времени, но потом все это прекратилось. На Земле остались только доджины. А мы ... мы были здесь, в Дайане!

— Врата — это сфера? Тот металлический шар, та загадочная сфера?

— Да. Она существует в двух мирах — и на Земле, и на Дайане. Она переносит через пространство в другой мир тех, кто входит в храм.

— Значит, мы можем вернуться?

— Да. Ты вернешься с нами, — она кивнула.

Я уставился на нее.

— Это не наш мир, — сказала Эдис. — Мы рождены на Земле и должны туда вернуться... Мы знаем, что когда-нибудь наша раса

снова будет жить на Земле. Так что мы с Ларом живем здесь – и для этой, и для другой цели.

– Что ты имеешь в виду?

Ее лицо потемнело.

– Мы подозревали, что, возможно, в конце концов враги проникнут к нам через врата. Могущественные враги. Теперь мы действительно сильны, но, возможно, есть и более сильные существа. Если когда-нибудь такой враг появится в Дайане, мост будет разрушен.

– А нельзя ли будет построить его заново? – спросил я.

– Нет. Из этого ущелья исходит смертоносное излучение, которое превращает твердую материю в ничто. Камень, брошенный через пропасть, растает в воздухе.

– А как насчет моста?

– Он был здесь, когда мы пришли. Цивилизованная раса уже владела Дайаном. А как они построили мост, никто не знает.

Я ПОЧУВСТВОВАЛ, как в горле пересохло.

– Что случилось с этой расой, Эдис?

Она насмешливо рассмеялась.

– Считаешь, что мы демоны? Ты думаешь, мы съели их живьем? Мы не так жестоки, Шон О'Мара. Мы жили здесь мирно с этой расой, мы выделили им резервации, где они могли делать все, что им заблагорассудится, но через некоторое время они умерли.

– А как же их дети?

– Их не было. Мы позаботились об этом. Мы не убийцы, но продолжение этой расы было бы излишеством.

– А вы ... планируете вторгнуться на Землю?

– Вторжение? Я бы не так сформулировала нашу цель, я бы назвала это *возвращением*. Мы не безжалостны. Ты – первая мутация старой крови, которая здесь появилась. Что ж, мы ускорим этот процесс. Те, кто несет в себе наши гены, выживут. Другие, которые не могут производить никого, кроме доджинов, не родят вовсе. Вот и все.

– У доджинов тоже имеется мощное оружие, – мрачно сказал я.

– Ты еще не знаешь нашей силы, Шон О'Мара. Тебе предстоит еще многое познать. Ты будешь одним из нас.

– Этот шторм в расщелине – вам он периодически нужен?

– Да. Иначе мы потеряем свою силу.

– Вы не найдете его на Земле, – сказал я. – Эта пещера в Ллеу-Атланте – она была под толщей океана тысячи лет. Ллеу-Атлант забыт.

– Мы можем найти его снова, – спокойно сказала она. – А если нет, то мы можем пройти через ворота и постоять в бурю. Ты не знаешь наших способностей. Ты видел, как Лар раздавил камень?

– Просто физическая сила.

– Нет, это намного больше. Мы можем передвигаться намного быстрее, когда перед нами существует реальная цель. Но наши умы ... Шон О'Мара, если бы твой товарищ-доджин увидел Ллеу-Атлант, он бы ослеп! Наши знания существуют не только в пяти измерениях науки доджингов. Мы – боги!

Я ей поверил. И тут до меня дошел какой-то намек на правду. Я стал задавать больше вопросов Эдис.

И оказался прав. Идея превосходства одной нации над другой развязала не одну войну. Истоки этой идеи крылись в эндокринологии. Я подумал, что неплохо было бы расспросить об этом Гленна. Ведь он изучал медицину.

– Ты должен стоять в буре, до тех пор, пока не почувствуешь мощь своих сил, – сказала Эдис. – Они пока еще скрыты в тебе. Меч покоится в ножнах. Но когда ты станешь таким, как мы, то ты изменишься навсегда! Очень сильно изменишься!

Она задумчиво посмотрела на меня.

– Пожалуй, я покажу тебе кое-что. Вот таким образом... – Эдис махнула рукой.

Гхар подошел и встал перед нами на своих толстых ногах, свесив четыре руки, с пустыми остекленевшими глазами. Он встал так близко с Эдис, что его силуэт заслонил ее хрупкую фигуру.

– Пусть он умрет, – сказала Эдис.

– Что? Я не убийца, даже если...

– Но эти существа вряд ли живы. У них нет самосознания. Мы делаем их такими, какими они нам нужны, чтобы повиноваться. Но если ты этого не сделаешь...

Эдис подняла руку. Гхар, казалось, задрожал и сжался в комок. Он становился все меньше, теряя всякое подобие человеческого облика. Через несколько секунд у наших ног остался только мясистый бесформенный комок плоти.

– Его можно использовать снова, – проговорила Эдис. – Сформировать в новое существо. Теперь его нужно бросить в наш резервуар для протоплазмы. Я покажу тебе наше хранилище для производства данных существ под замком.

Когда она повернулась, прядь ее темных волос упала мне на щеку. У меня перехватило дыхание, в горле внезапно пересохло. Эдис стояла неподвижно.

Она медленно повернулась ко мне лицом. Ее глаза встретились с моими. Ее зрачки горели маленькими светящимися точками, как будто сила, которая уничтожила Гхара, все еще жила в ней.

– После того как ты встретишься с бурей в расщелине... – начала она. – Я так долго охраняла врата, Шон О'Мара. Даже Лар перестал казаться мне привлекательным. В Дайане у мужчин нет такого...

– Чего?

– Этого я не знаю. Того, что есть в тебе, Шон О’Мара, и это делает тебя непохожим на людей Дайана. Когда ты станешь одним из нас, ты будешь великим. И я думаю, что ты искал меня, человек старой крови.

– Я искал тебя, – хрипло ответил я. – Не зная этого.

– Твое наследие горело внутри тебя. Никогда среди доджинов ты не найдешь того, кого искал. Но теперь ты среди своего народа. В нас течет одна кровь.

Ее губы были горько-сладкими и пылали безумием. Ее тело манило меня и поддавалось моим объятиям. Да, у меня были женщины и раньше. Но такая богиня была впервые!

Эдис, Эдис из Дайана! Лучшие бы мы умерли вместе тогда, когда наши губы впервые встретились!

И...

– Извини, Шон, – тихо произнес Гленн. – Я не хотел вас прерывать.

ОН СТОЯЛ на верхней ступеньке лестницы, которая вела в башню. Лицо Гленна было бледным, на нем застыло странное выражение отвращения.

Эдис вырвалась из моих объятий и повернулась к Гленну. Она воскликнула:

– Доджин! Я уничтожу тебя прямо сейчас...

Взгляд Гленна стал стальным.

– Я не знаю, что она говорит, но она – это плохое лекарство от одиночества. Шон, ты должен знать это. Она – не человек. Я думаю, что она дьявол, но ваши отношения – это твое личное дело.

– Хорошо, – ответил я. Схватив Эдис за запястье, отвернул ее от Гленна.

– Отпусти меня. Твоя сила все еще скрыта, помни. Я смогу убить и тебя, если захочу.

– Ты действительно способна на это?

Она опустила глаза.

– Ну, я пока не буду пытаться. Но этот доджин ... я не выношу этих тварей. Они хуже, чем люди.

– Гленн – мой друг.

– Это ты сейчас так говоришь. После того, как ты побываешь в шторме ... Я обещала показать тебе наше хранилище протоплазмы. Пойдем со мной.

Она начала спускаться по лестнице. Я схватил Гленна за локоть и потащил за собой. Эдис бросила на него сердитый сверкающий взгляд.

– Только не доджин.

– Он идет туда же, куда и я, – проговорил я.

Она ничего не ответила и продолжила спуск. Мы последовали за ней. Я тайком поглядел на Гленна.

— Ну что?

— Не мое дело, — пробормотал он. — Только... разве ты не видишь, что она... другая? Такая же, как Лар. От них обоих меня бросает в дрожь.

— Я этого не чувствую.

— Нет. Ты в чем-то схож с ними, но ты не... так ужасен.

Что такого увидел Гленн в Эдис и Ларе, чего не увидел я? Чувствовал ли он к Эдис и Лару то же, что животное чувствует к человеку? В доджине...

Черт возьми! Эндокринная система не могла ничего изменить. Гленн нервничал, вот и все. И все же я чувствовал, что Эдис смотрит на Гленна, как на мерзкое существо, и ей не нравится, что я защищаю его от ее гнева.

Мы спускались все ниже и ниже под замок. Эдис показала нам резервуар, как и обещала. Гленн не мог этого вынести, и я тоже почувствовал тошнотворные угрызения совести, хотя мне и удалось вытерпеть это. Хранилище протоплазмы выглядело еще омерзительнее, чем я себе его представлял — оно оказалось огромной чашей, наполненной мясистым, трепещущим, сероватым веществом, похожим на распаренные соевые бобы. Из этого боги и лепили Гхаров в любой желаемой форме. Сформированные одной лишь силой мысли.

Меня это зрелище повергло в шок.

Я стоял неподвижно, глядя на этот отвратительный резервуар. Серое вещество слабо пульсировало под моим взглядом.

Это было похоже на глину. Живая глина. Быть отлитым в форму...

Из моего разума вопросительно возникло нечто. Я почувствовал на себе пронзительный взгляд Эдис. Она не произнесла ни слова, но настойчиво требовала от меня сделать это.

Сделать что?

В центре резервуара вздымался комок протоплазмы. Он обрел очертания. Это были очертания человека, грубые, бесформенные, но безошибочно узнаваемые. Я шагнул вперед, моя рука инстинктивно поднялась в командном жесте, когда существо сформировало себя в соответствии с моей мыслью.

— Да! Да! — прошептала Эдис. — Все именно так! Заставь плоть связать себя с формой!

Гротескная карикатура на человека поднялась, открыв рот в беззвучном крике.

Этот крик был мольбой о спасении из Ада!

Сильные руки схватили меня за плечи, развернули к себе. Перед собой я увидел испуганное лицо Гленна. Он отшатнулся.

В этот момент мне он показался не более человеческим, чем существо из резервуара. Но его голос прорвался сквозь туман, окутавший мой мозг.

— Шон! Ради Бога, что ты делаешь?

И торжествующий крик Эдис, как звук трубы.

— У тебя есть сила! Ты один из нас, у тебя есть сила!

Глава 4. Разрушенная судьба.

Я ДОЛЖЕН был поторопиться. В замке мы по-прежнему находились втроем, не считая нечеловеческого существа Гхара. Судя по земным меркам, прошло около двух недель, прежде чем события достигли своего трагического апогея. За эти две недели, не отмеченные ни солнцем, ни календарем, произошло многое. Но ни один, даже самый пристальный взгляд не смог бы догадаться о переменах во мне.

Две недели с Эдис...

Эдис, богиня Дайана. Я испытал такой восторг, какого не ощущал еще ни один человек. И я не смогу забыть это чувство, пока мое тело не превратится в прах, и даже тогда, я думаю, прах его вспомнит.

Я нашел себя, свою суть...

Гленн ненавидел и опасался Эдис. К нему она относилась с небрежным презрением. Он раздражал ее, но из-за меня она терпела его — и этим было все сказано.

Я рассказал Гленну все, что узнал. Он был удивительно доверчив.

— Эндокринология довольно загадочна, Шон. Медицинская наука только начинает выяснять, что заставляет железы работать. Щитовидная железа, таламус, пинеальная железа — они все делают

нас людьми. И когда какую-нибудь из них настигает болезнь, весь наш организм дает сбой.

— Да? Значит...

— Вот, например, некоторые химические вещества тонизируют наш организм и выводят из него токсины. Но это только одна сторона единого целого. При своем нормальном функционировании железы выполняют работу по поддержанию человеческого организма в здоровом состоянии. Но вот если эти железы начинают вырабатывать избыток гормонов, мы заболеваем. Вполне возможно, что наше тело способно на гораздо большее, чем мы думаем. Может быть, Эдис права. Когда Земля вошла в это облако в космосе, недостаток радиации мог подавить секрецию некоторых жизненно важных желез. Эти особые выделения могут означать разницу между человеком и сверхчеловеком. Черт возьми, из медиков никто до конца не изучил функции пинеальной железы. Вполне вероятно, разница в работе этой железы... — он поколебался, — означает разницу между мной и Эдис.

— Я бы хотел, чтобы ты постарался подавить свои странные чувства, — резко ответил я. — Она не чудовище. Как бы тебе понравилось, если бы я так же относился к Пауле?

Он отвернулся, его тело внезапно напряглось.

— Паула — человек, и я знаю, какое будущее нас ожидает. Когда-нибудь мы поженимся, купим дом и будем растить детей. Я стану доктором, она будет готовить то, что мне нравится, и я буду приносить ей то, в чем она нуждается. Нам будет хорошо вместе. По возможности, мы будем путешествовать, посещать концерты, ходить в кино и наслаждаться общением друг с другом. Мы будем жить обычной размеренной жизнью. Господи, как бы мне хотелось снова оказаться там!

— В Иллинойсе?

Он натянуто улыбнулся.

— Ну, пока у нас еще есть небольшая проблема, как война, которую нужно для начала закончить. Помнишь?

— Если боги Эдис придут на Землю, они положат конец войне.

— Конечно. Но как это сделать?

— Они не убийцы.

— Они убивают будущее, — мрачно сказал он. — Мы с Паулой оба хотим детей. Это часть нашей человеческой сущности. А эти боги собираются отсеивать... доджингов и подвергать их стерилизационным излучениям, пусть идут к черту!

— Когда-то Земля принадлежала им, — сказал я. — Но они оставили ее.

— Теперь наша раса населяет Землю, Шон, и это удалось ей очень нелегко. Если бы боги Эдис остались, выстояли, они бы, в конце

концов, вернули себе потерянное господство. Но эволюция означает борьбу. Человечество тоже не стояло на месте в своем развитии. А эти... боги хотят повернуть все вспять. Вот что пытаются сделать эти суперэндокрины. Но Земля принадлежит нам – нашей расе и нашим детям.

Я посмотрел на него, чувствуя на своих губах горячие поцелуи Эдис.

– Твоя раса, Гленн.

– И твоя тоже.

– Нет, но я собираюсь это выяснить.

Гленн поморщился.

– Ты еще передумаешь.

– С дождями, – жестко сказал я, – покончено. Я умываю руки. У них был шанс, и они его упустили. Им будет позволено вымереть. Они этого заслуживают. Люди Дайана не злые, и они выше интеллектуально и морально, а также физически. Преступность, война, трущобы, ненависть, нищета – вот чего добились доджины. Ничего из этого не существует среди тех, кого ты называешь суперэндокринами.

– Все равно от Эдис у меня мурашки по коже, – проговорил Гленн. – И ты начинаешь действовать на меня точно так же.

Я сердито повернулся к двери, собираясь уйти. Но его рука легла мне на плечо.

– Подожди, – примирительно произнес Гленн. – Я не хотел тебя обидеть, прости, я – болван. Ты все еще Шон О’Мара, несмотря на чары этой «тигрицы». Пожалуйста, оставайся таким, какой есть. Ты же собирался со мной в Иллинойс, помнишь? После того, как все это закончится? Ты еще хочешь попробовать ту индейку с соусом?

Я рассмеялся и шутя стукнул Гленна кулаком в челюсть.

– Ладно, парень. Я вернусь с тобой в твой захолустный городишко и оставлю тебя с Паулой.

Он выглядел таким счастливым, каким я не видел его уже несколько дней. Но когда я вышел, то увидел шаркающего по коридору Гхара, и на сердце у меня вдруг стало очень тяжело. Это было все равно, что быть пойманным в сети – бороться с неизбежным и знать, что эта борьба только продлевает окончательный неизменный конец.

Ибо там была Эдис, и кровь богов текла во мне. Кровь, которая текла в жилах моих предков из Ллеу-Атланта, пробуждаясь и оживая теперь в нынешней моей жизни. Я уже успел переродиться. Земля, доджины! Не из моей породы! Здесь, в Дайане, было мое наследие, здесь был мой народ.

И Эдис!

Я НАШЕЛ ее в башне. В ее поведении чувствовалось напряженное затаенное волнение.

— Я уже было пошла разыскивать тебя, Шон, но ты пришел. Посмотри туда! — она указала на дымку в дали.

— Что? Я ничего не вижу.

— Ты слеп, но скоро твои глаза откроются. Нет, ты еще не видишь так далеко, как я, но я скажу тебе вот что: Лар возвращается! И народ Ллеу-Дайана идет за ним. Они несут оружие и другие необходимые вещи. Ибо они идут к воротам. На Землю своих предков!

— Да, — тяжело пробормотал я. — Лучше бы они не покидали ее. Я бы хотел, чтобы так продолжалось вечно.

— Это не кончится. Это не закончится для нас, Шон.

— Я думаю иначе. Предчувствие, — сказал я, сам не зная почему. — Я думаю, что все закончится пламенем, смертью и большим горем. Какое-то время мы были с тобой счастливы, но теперь все кончено.

Она была в моих объятиях, ее губы прильнули к моим губам, не позволяя мне говорить.

— Ты не можешь видеть будущее. Не говори такие ужасные вещи! Даже мы, жители Дайана, не можем сбросить завесу, скрывающую завтрашний день. Шон, ты забудешь эту глупость, когда буря действует на тебя, и она очень скоро придет! Ждать недолго!

— Да?

— Смотри! За бездной, за храмом врат — яркий свет. Видишь? Буря в расщелине снова начинается, которая дает жизнь и силу богам. То, что исходит из скалы, манит и показывает нам верный путь, как маяк. Как только ты встанешь в шторм, Шон, ты обрешь себя, ты будешь как обнаженный меч! Все, что ты чувствуешь сейчас, но очень слабо, в десятки раз усилится, и кровь забурлит в твоих венах, как и в моих. Узы плоти все еще держат тебя. Пойдем, пока Лар не дошел до замка. Мы пойдем к расселине и искупаемся в силе, которая творит богов!

Ее волнение полностью захватило меня. Смеясь, я поднял ее, поцеловал в губы и направился к лестнице. Потом вниз по ней, во внутренний дворик...

Гленн стоял и ждал.

— И что теперь? — язвительно спросил он. Эдис бросила на него презрительный взгляд.

— Нет больше того Шона, которого ты знал, — сказала она. — Когда ты увидишь его в следующий раз, он больше не будет нести на себе бремя дождина.

Гленн облизнул губы.

— Ты собираешься...

— Да, — ответил я.

Он помедлил.

- Все в порядке. Я иду с тобой. На всякий случай.
- Что он говорит? – пробормотала Эдис. – Он не может пойти.
- Куда я иду, туда и он, – отрезал я.

Возможно, к такому тону меня подтолкнул болезненный обиженный взгляд Гленна. Я почему-то почувствовал, что предаю его. Но это было глупо, очень глупо!

Эдис пожала плечами. Мы направились к открытым воротам, миновали их и двинулись по тропинке, которая вела к невысоким холмам. Гленн сунул мне что-то в руку.

– У меня не было времени достать оружие, – произнес он. – Зато я захватил «Мэри Лу». Подумал, что она может пригодиться.

– Ты сошел с ума.

– Шон, сделай одолжение, не спорь со мной...

Чтобы угодить и успокоить его, я пристегнул к поясу свой меч, похожий на мачете. После того, как я столкнулся с бурей в расщелине, у меня будут силы, которые не нуждаются в оружии из железа или стали.

Я оглянулся назад с вершины хребта. Огромная орда исполинов – мужчин и женщин – размеренным шагом двигалась вперед, наполовину скрытая туманом. Они все еще были далеко. На таком расстоянии Лара невозможно было различить.

Возбуждение Эдис росло. Она шла впереди, направляясь к мосту, перекинутому через пропасть. Мы следовали за ней. Что-то передалось мне от ее возбуждения, я находился весь в предвкушении невероятного таинства, которое нас ожидало.

Мы пересекли черный мост. Воздух вокруг нас сотрясаясь от смертельной радиации.

Мы обогнули холм, где ждали врата – полуживая сферическая машина, которая привела нас на Дайан.

Утесы цвета огня окружили нас. Мы подошли к самому узкому месту, где ущелье разрезало скалы.

– Расщелина, – прошептала Эдис. – Сейчас...

Узкий каньон начал резко изгибаться и расширяться. Его ширина составляла около пятнадцати метров, и узкий участок пролегал примерно на сто метров. Дальше ущелье снова расширилось, и я мельком увидел лес, состоящий из деревьев с золотистыми плодами и зеленой листвой.

– Здесь, – сказала Эдис дрожащим голосом.

На этом участке не было почвы, покрытой мхом. Как и скалы, окружавшие его, он весь состоял из огненного камня.

– Она наступает. Она наступает. Буря, которая дает жизнь. Она наступает!

Я услышал слабый шепот, неясный и далекий. Он становился все громче. Постепенно он возрос до глубокого, мощного и бессловесного рева, который звучал, как барабаны всех богов.

Он поднимался все выше и громче. Еще громче! Мы были потрясены его яростным грохотом.

Из стены скалы вырвалась буря!

Из скалы вырвалась невероятная сила!

СТЕНА ДРОЖАЩЕГО бледного излучения преградила нам путь с мощнейшим ревом и постепенно стала заполнять все ущелье. *Это похоже на реку*, подумал я. Она хлынула из скалы, пронеслась через расщелину и исчезла в дали каньона.

Но это была не река, я ясно осознал это. Это было похоже на снежный вихрь, закружившийся в громадной воронке. Теперь я мог различить мириады отдельных частиц, составляющих этот поток. Они были похожи на снежинки, но в сотнях, тысячах вариаций. Они сверкали звездными точками света.

Они были легкими.

Они и были самой жизнью!

— Сейчас же! — крик Эдис поднялся над раскатами грома. Она потянула меня к этому кружащемуся сверкающему безумию.

Я инстинктивно отпрянул назад. Эдис бросила на меня быстрый взгляд, повернулась и сжала руку Гленна. Опыянение от этой невероятной бури энергии билось в наших венах, как приливы и отливы. Я увидел, как Гленн сделал шаг вперед...

— Эдис!

— И он тоже! — она пронзительно крикнула.

Ее свободная рука нашла мою. Мы втроем вошли в самое сердце чудовищного яростного вихря.

На мгновение я ослеп. Затем я снова услышал ревушие трубы, которые издавали такой звук, как будто рушились миры. Порывами огненного ветра искрящиеся хлопья падали на мое тело.

И все же я не чувствовал ветра.

Рядом со мной стояли Эдис и Гленн. Звездные точки врезались в них, вплавляясь в их плоть, как они вплавлялись в каменную стену позади нас. Я чувствовал, как холодные языки пламени проникают в сущность моего сознания, во все мое тело.

Освобождение! Свобода!

Вынимаю меч из ножен! Вернуть мне мое потерянное наследие!

И я был как бог....

Сквозь пылающую пелену я увидел смеющееся божественное лицо Эдис. Ее глаза сияли ярче, чем звезды, а волосы струились, словно в потоке воды. За ее спиной Гленн...

Гленн ... его лицо исказилось от боли.

Его глаза были полны ужаса. Его тело съеживалось и скрючивалось на моих глазах. Гленн умирает. Умирает!

Я рванул к нему, бесполезно пытаясь перекричать рев. Словно по сигналу, буря утихла, гром превратился в слабое бормотание. Несколько последних хлопьев светящихся частиц поплыли к скале и исчезли в ней. Шепот затихал, переходя в полную тишину.

Гленн лежал у моих ног. Он умирал.

Я уставился на Эдис. Она все еще была пьяна от нахлынувшей силы. Она действительно была похожа на богиню.

Ее голос громко прозвучал в тишине.

— Он ненавидел меня, Шон. И он был доджином...

— Ты знала, что это убьет его, — заявил я.

Она не ответила. Я опустился на колени рядом со своим единственным другом. Его лицо было изуродовано и сморщено. Гленн взглянул на меня и попытался улыбнуться.

— Теперь ты бог, — пробормотал он очень тихо. — Думаю, ты не захочешь ужинать обычной индейкой.

Я думал, что он умер. Но угасающая жизнь вспыхнула снова.

— Не дай им напугать Паулу, — сказал он. — Она всего лишь ребенок в... — он задыхался, и у меня похолодело в груди, — провинциальном городке, не привыкшем к богам, так что...

Он замолчал навсегда.

Я поднялся с колен. Да, я стал богом. Суперэндокринный. Я обладал такой силой, какой ни один человек за пределами Дайана не обладал уже миллион лет.

Теперь мы пришли в наше царство...

— Шон, — сказала Эдис.

Я посмотрел на нее.

— Прости, Эдис, — медленно произнес я. — Все кончено. Врата будут разбиты вдребезги.

— Ты не сможешь. Это невозможно. Шон! Ты же любишь меня!

— Да, — сказал я. — Я люблю тебя.

Я повернулся и пошел обратно к пропасти. Я двигался очень быстро. Я двигался быстрее, чем любой человек, потому что теперь я стал сверхчеловеком. Я стал богом, да!

Боги ступили на черный мост, перекинутый через реку радиации. Впереди шел Лар.

Остальные — люди, похожие на богов, гуськом последовали за ним.

Я поднял руку.

— Лар, врата закрыты. Возвращайтесь.

Он остановился и уставился на меня.

— Шон О'Мара. Ты был в буре, ты обрел силу.

— Возвращайся назад.

— Хотя ты и не сошел с ума, но ты должен понимать, что мы не вернемся назад. По крайней мере, не сейчас. Мы отправляемся на Землю, чтобы вернуть то, что принадлежит нам, наше наследие, — произнес Лар задумчиво.

— Ты потерял свое наследие миллион лет назад, когда бежал на Дайан. Земля теперь принадлежит другой расе, расе, которая когда-нибудь станет такой же великой, как вы, жители Дайана.

Он двинулся вперед, сделав жест, и толпа богов последовала его призыву.

— Шон О'Мара, ты не сможешь остановить нас.

Я вытащил меч из-за пояса.

— Хорошо.

Как тигр, он приближался проворно и грациозно, как огромная кошка на мягких лапах. Красный молот был у него в руке. Каким бы огромным он ни был, Лар владел им виртуозно.

Но он не воспользовался им. Он попробовал ту другую силу, которая у него была — оружие его глаз. Час назад этот взгляд уничтожил бы меня. Как бы то ни было, я ответил ему взглядом на взгляд, и он, наконец, моргнул.

Затем он прыгнул.

Он двигался быстрее, чем я мог себе представить. Но я побывал в буре в расщелине. Я тоже мог мгновенно передвигаться.

Молот просвистел у меня над головой, мой меч с пронзительным свистом чиркнул по груди Лара.

И после этого мы сражались, как боги. Или, может быть, как дьяволы. В конце концов, я убил его...

Я ОЩУТИЛ некое чувство разочарования и сочувствия, когда Лар был повержен. Его гордое львиное лицо было изуродовано моим оружием, а кровь струйками стекала на поверхность черного моста. Мой клинок пронзил его сердце. Молот Лара упал, и я быстро поймал его, снова готовый к бою.

Вдруг из багрового набалдашника молота ударила белая молния, взрыхлив черную субстанцию моста, который стал рассыпаться на глазах, словно мокрый мел. Кое-что из сказанного Эдис вспомнилось мне: «Мы — хранители. Если враг придет в Дайан, мост через пропасть будет разрушен».

Лар — хранитель. Лар мог уничтожить мост, когда его расе могла бы возникнуть угроза. Он мог просто разгромить его огромным молотом, который я сейчас держал в своих руках!

Я отскочил назад и с грохотом ударил этим оружием по остаткам моста. По ту сторону послышался крик жителей Дайана. Боги ринулись ко мне с обнаженным оружием, пытаясь пробежать по узкой

тропе. Но один конец моста оторвался от скалы, и половина этого сооружения в тишине полетела вниз – в бурлящую радиацию.

Я взмахнул молотом, и из него полыхнула молния. Раскаты грома эхом отдавались в туманной синеве над головой. Ни один человек не смог бы одним ударом уничтожить это грандиозное сооружение, даже с молотом Лара. Но я столкнулся с бурей в расселине.

Остатки моста качнулись и, оторвавшись от опор, рухнули вниз.

И от народа Дайана, навеки оставшегося за радиационным заливом, поднялся вой отчаяния, плач проклятых. Теперь для них были закрыты не только врата на Землю.

Они были отрезаны от сияющего потока в расщелине, который делал их богами. Без него они утратили бы свою силу – как старели и слабели Асы, когда золотые яблоки Идунны* были украдены из Асгарда.

Богов больше нет!

Я обернулся. У подножия холма, где стоял храм, я увидел Эдис, которая наблюдала за мной. Я направился к ней.

Но прошел мимо. Я вошел в расщелину и вышел с телом Гленна на руках.

Я поднялся по склону. У дверей храма меня ждала Эдис.

– Шон, – начала она. – Шон!

Я ничего не ответил.

– Шон, если ты вернешься на Землю, то через некоторое время потеряешь свою силу. Теперь в вашем мире нет расщелины. Она утрачена вместе с Ллеу-Атлантом.

Я ждал продолжения.

– Ты уничтожил свой народ, Шон. Но... мы остались вдвоем. Мы можем жить здесь, в лесу за расщелиной. Мы...

Я взглянул на нее, и через мгновение она отступила в сторону.

Я вошел в храм. Гленн тяжким грузом покоился у меня на руках. Серебряная сфера, казалось, дрожала, пока я стоял возле нее.

Внезапно из нее ударила молния. Я слышал, как Эдис выкрикнула мое имя, и больше ничего, пустота...

Когда я очнулся, меня уже не было в Дайане. За пределами пещеры лежал древний разрушенный город на неизвестном острове в южной части Тихого океана. А на берегу стоял самолет. Солнце сияло в безоблачном голубом небе. Радио заработало.

Я полетел обратно на базу с телом Гленна. Но я никому не сказал правды о том, что произошло. Вопросов было немного, и на них легко было ответить.

* Идунн – в германо-скандинавской мифологии богиня вечной юности и хранительница молодости богов, которая была заключена в золотых яблоках. (прим. перев.)

Через некоторое время это стало похоже на сон.

Итак, борьба продолжается. И я, человек, который когда-то был богом, сражаюсь на небесах, отказываясь вспоминать ужас и красоту мира, названия которого я никогда раньше не знал, скрытого где-то в пространстве и времени, где голубой свет вечно просачивается с неизменного неба, а из-за тумана никогда не виден горизонт. Прошлое забыто.

Но, Эдис из Дайана! Помни меня, богиня из потерянного мира. Когда-нибудь ты снова позовешь меня к себе, потому что, пока я жив, я буду помнить горькую сладость твоих поцелуев, поцелуев, которые означали предательство! Если я выживу, Эдис, а я обязательно выживу, я вернусь к тебе!

Night of gods, (Astonishing Stories. 1942 № 12), пер. Андрей Бурцев и Светлана Белоусова

SCIENCE FICTION

JULY

Stories

20¢

DOMINION | PROBLEM IN ETHICS

By ARTHUR J. BURKS

By HENRY KUTTNER

ВОПРОС ЭТИКИ

МОЛОДОГО человека по фамилии Сетон нашли под скамейкой рядом с движущимися дорожками, позволяющими добраться из одного конца города в другой. Его основательно избили. Лицо превратилось в кровавое месиво. На месте глаз зияли два черных отверстия. Перед смертью он явно сумел что-то произнести, но так и не успел назвать имена своих убийц. Киллеры наверняка были наемниками из адской дыры типа Нижней Венеры или диких марсианских пустошей.

Люди, в тот злосчастный вечер посмотревшие вечерний выпуск новостей, наверняка испытали негодование, страх и отвращение. Насилие в 21 веке стало настолько редким явлением, что полицейские организации были полностью расформированы. Казалось, после Большого Коллапса человечество, наконец, вступило в мирную фазу и окончательно распрощалось с междоусобицами, конфликтами и войнами. Наконец-то на земном шаре воцарился долгожданный мир! Со временем забыли даже про смертную казнь. В настоящее время был распространен только один вид оружия. Дорожные полицейские пользовались парализаторами, выставленными на минимальную мощность и способными лишь пощекотать.

Хайрам Гейл – физик из «Коммерс Инкорпорэйтед» – шел на совещание к начальнику Чиверу. Гейл ворвался в кабинет. Вид у него был злобный: он хмурился и сердито кривил рот, а прищуренные глаза угрожающе поблескивали.

Первым делом Гейл выругался на Чивера, но тот лишь пожал плечами.

– Ну, – закусив губу, протянул начальник, – мне очень жаль, что так вышло! Но пойми, Хайрам, я ведь не могу вернуть к жизни несчастного парня, не так ли?

– Чертова каракатица, – выругался физик. – Жаль только, что мои ноги, мягко говоря, нельзя назвать здоровыми! – Он опустился в кресло и позволил костылям упасть на пол. – Джей, вы ведь в самом расцвете сил, к тому же молоды, в отличие от меня. Почему бы вам как-нибудь не повлиять на сложившуюся ситуацию?

– Что ты хочешь сказать?

– Сетон был одним из моих лучших специалистов. Это не первый такой случай. Убили уже многих. И, заметьте, беззаконие творится по всей Солнечной системе. Они были пионерами в области разработки устройств, работающих на атомном топливе! Их же превратят в боксерские груши... или вообще убьют!

PROBLEM

IN ETHICS

"Marzerth is out to keep their monopoly by using ancient gangster-terrorism against all competitors. They've murdered our best men, and now just kidnapped your daughter, Cheever. And don't think they're bluffing in what they say they'll do to her if you don't give in. But there's one thing that Hammond has overlooked — one way to fight Marzerth and beat it. And, believe it or not, Cheever, it's a problem in ethics!"

★ By Henry Kuttner ★

— Хайрам, овчинка выделки не стоит, — пробормотал шеф. — Почему бы нам не позволить Марзерту просто сохранить свое монополию?..

Глаза Гейла резко потемнели, и в них появился холодный блеск.

— Да он грязная сволочь, готовая пойти даже на убийство!

— Ну... но постой...

— Конечно, у Марзерта есть секретный способ производства топлива для энерджайзеров... и понятно, почему он всеми силами старается скрыть его от чужих глаз. Даже учитывая, что только богачи могут позволить себе эти энерджайзеры... если только те не взяты в аренду у Марзерта за баснословные деньги! А это, мистер, уже тянет на полную зависимость других планет. И, во-вторых, энерджайзеры чрезвычайно опасны. Согласно статистике, при использовании продуктов корпорации Марзерта зафиксировано куда больше взрывов, чем...

Чивер тяжело вздохнул.

— Да знаю я, знаю. Наше устройство «Атома» надежное, дешевое и весьма эффективное. Только вот незадача. Оно абсолютно неконкурентоспособно.

— А знаете, почему так происходит? — ледяным тоном поинтересовался Гейл. — Потому что мы не сопротивляемся!

— Ты что, совсем с ума сошел? Неужели хочешь устроить войну? Господи Боже, Хайрам... Неужели ты хочешь повернуть прогресс вспять и вернуться на несколько столетий назад?

— Если нужно — да, готов! Людям Марзерта нет места в этой эпохе! Они просто пережитки прошлого. В своих методах борьбы они обратились к нацистской идеологии. И такие люди преуспевают в бизнесе, потому что в наше время люди уже не умеют воевать.

— Сражаться бесполезно. Это уже доказано.

— Нет, лично мне так не кажется.

— Сражения уж точно не по твоей части, — сказал Чивер. — Зачем ввязываться в войну?

ГЕЙЛ только усмехнулся.

— Я не забросил свою работу, если вы это имеете в виду...

— Конечно же нет! Ты же знаешь, я совсем не это хотел сказать.

— В последнее время я был занят новыми экспериментальными изобретениями. Мои временные теории работают, та самая формула телепортации оказалась чрезвычайно занятной и... Но к черту все это барахло! Не заговаривайте мне зубы. Я говорил о Марзерте. Что вы собираетесь предпринять?

— Ничего. У меня связаны руки.

— Что, в самом деле? — съязвил Гейл.

— Обращение в суд по мирному урегулированию конфликтов...

— Уже были подобные прецеденты, и суд ничего не добился. Марзерт мертвой хваткой вцепился в многомиллионную выручку.

The man crumpled as Broom's electro-gun blasted silently . . .

А в это самое время мирные жители и шахтеры на астероидах, в болотах Венеры и в недрах марсианских гор фактически находятся в самом настоящем рабстве! Конечно, Марзерт знает, что, если «Атома» попадет на рынок, спрос на их энерджайзеры упадет до нуля, что, в свою очередь, сделает рабов свободными!

— Они всеми силами будут пытаться сохранить свое первенство на рынке...

— Им не нужна конкуренция, — решительно заявил Гейл. — Я совершенно случайно узнал, что Марзерт много лет назад работал над новым видом энерджайзеров. По качеству прототипы во много раз превосходили оригинальные продукты компании. Если он действительно хотел преобразований, то мог бы... в открытую конкурировать с нами. Но все это, по всей видимости, не входит в их планы. Вот они и развязали террор. Они выясняют, кто покупает «Атому», и тут же начинают бандитские разборки! Дошло до открытой охоты за работниками на наших собственных заводах! Вы только посмотрите, что случилось с бедным Сетоном! Он был предупрежден. Но знаете что, Джей? Мужества у него было куда больше, чем у вас!

Ни один мускул не дрогнул на лице Чивера.

— Насилие невозможно оправдать.

— Вы когда-нибудь слышали выражение «клин клином вышибают»?

— Мне очень жаль. Но я отказываюсь организовывать вооруженную бандитскую группировку...

— Хорошо, — сказал Гейл. — Тогда просто свяжитесь по телесвязи с Хэммондом.

— Что? Зачем?

— Потому что он босс Марзерта. Мы все прекрасно знаем, что именно он дергает за ниточки. Хэммонд наверняка читал о Капоне, о Гитлере и других террористах двадцатого века. И... — Гейл на секунду замолчал, затем продолжал говорить, не глядя на Чивера: — ...потому что вашу дочь похитили.

Чивер с такой силой вцепился в край стола, что побелели костяшки пальцев. Краска сошла с его гладкогублеющего лица.

— Марла...

— Ее выкрали из автолета где-то полчаса назад, — сообщил он таким же бесстрастным голосом. — Причем вокруг было несколько дорожных полицейских. Но что они могут противопоставить организованной преступности? Полиция-то не *организованная*.

КРУПНАЯ ФИГУРА ЧИВЕРА, казалось, съежилась под грузом печальных новостей.

— Они не могли так поступить. Просто не могли! Похищение... это что-то неслыханное! Хайрам, ради Бога, что я могу сделать? Они ведь не причинят ей вреда, правда?

– Нет, конечно, нет. Она представляет наибольшую ценность в роли заложницы.

– Ты знаешь, кто это сделал?

– Нет... Разумеется, ни о каких доказательствах не может быть и речи. Хэммонд слишком умен, чтобы оставлять улики, напрямую компрометирующие его. По закону вы не имеете права предъявить ему какие-либо обвинения. Потому что он выше всех этих жалких законов, по которым мы живем в нынешнее время. Но... просто свяжитесь с ним, Джей.

– Хорошо. Я... Но что мне сказать?

Гейл нажал кнопку и продиктовал номер. Потом крепко и ободряюще сжал плечо Чивера. Тот, казалось, почерпнул в этом прикосновении силу, тем не менее, у него все равно побледнели губы.

Тем временем на экране появилось лицо Фила Хэммонда. Он оказался седовласым щеголеватым мужчиной с плотно сжатым ртом и надменным, как у самого Люцифера, взглядом. Как и сказал Гейл, он прекрасно знал, что стоит выше всех законов и казался воплощением мужественности и силы в теперешний век изнеженности. Хэммонд улыбнулся Чиверу, кивнул и поздоровался.

– Добрый вечер, мистер Чивер. Давно не виделись! Как дела?

– Хэммонд... Моя дочь...

Брови седого поползли вверх.

– Гм-м... что?

Пальцы Гейла с силой впились в плечо начальника. Чивер глубоко вздохнул.

– Марлу похитили, – тихо сказал он. – Сегодня вечером, полчаса назад.

– Боже правый! Мне очень жаль! Если я могу чем-нибудь помочь, то, конечно...

– Хэммонд, не шутите так со мной! Марла сейчас у вас?

– Не говорите глупостей. Что за вздор? Похоже, вы слегка переутомились, мистер Чивер. Я не преступник! Есть такой закон о клевете, знаете ли... О, простите. Я не хотел вам угрожать. Я прекрасно понимаю, как вы расстроены.

Чивер зашелся глубоким кашлем. Гейл, которого не было видно на экране визора, сделал запись в блокноте: «Подыграйте ему!» – и высоко поднял листок, чтобы Чивер мог прочитать послание.

– Хорошо, – тем временем отозвался Чивер. – Простите, я ... я подумал, что вы действительно можете мне помочь.

Хэммонд поправил шейный платок.

– Боже мой. Наша полиция так неэффективна! Она всего-навсего занимается дорожным движением, да и только. Представляете, я был вынужден нанять телохранителей для обеспечения собственной безопасности! Ребята были лично отобраны мной. Вот что я вам скажу, Чивер... Мои парни много где бывают и много что слы-

шат. И, вполне возможно, им удастся что-нибудь разузнать о Марле. Этакое сарафанное радио, знаете ли... Если я что-нибудь выясню, то немедленно дам знать!

Гейл подмигнул и кивнул.

— Спасибо, — сказал Чивер. — Это... это было бы очень мило с вашей стороны.

Он разорвал связь и устало откинулся на спинку кресла. По его щекам стекали капельки пота.

— Я думаю о пытках, — сказал он. — Террористы всегда славились истязательствами. Хайрам...

— Успокойтесь. Хэммонд только что сам себя выдал. Марла у него, и он отпустит ее назад в целости и сохранности, как только вы выложите кругленькую сумму.

— Деньги? Он прекрасно знает, что деньги не проблема.

— Нет, дело не в деньгах. Видите ли, ему нужна энергетическая монополия.

— Это-то как раз понятно, — монотонно ответил Чивер. — Но я просто не могу в это поверить! Люди не могут творить подобное... Только не в наши дни!

— Некоторые и не на такое способны, если им позволить... Понимаете, беда в том... — Гейл говорил быстро, словно стараясь отвлечь Чивера от мыслей о дочери, — ...что современный человек уже не может постоять за себя. Мы живем в мире без войн. Мы больше не способны сражаться. Мы едва умеем обращаться с оружием. Только такие подонки, как головорезы Хэммонда, способны на насилие, и поэтому они пока одерживают верх. Но хуже всего то, что закон целиком и полностью на их стороне, а решение суда больше ни на что не влияет. У Хэммонда целая куча адвокатов и такой слой бюрократии, что мы не сможем его и пальцем тронуть! И даже если у нас на руках будут улики, суд затянется на долгие годы. А в это же время террор будет продолжаться.

— **НО НЕЛЬЗЯ ЖЕ** напрямую воевать с такими людьми, — возразил Чивер, который начал дрожать от напряжения.

— Можем хотя бы попытаться.

— Интересное предложение, но... Я не думаю, что такой вариант мне подходит. Если бы я мог спасти Марлу, пожертвовав собой или чем-то еще, то не стал бы даже раздумывать.

— Такие люди, как Хэммонд, как раз и рассчитывают на это, — сухо заметил Гейл. — К счастью, у меня на примете есть парень, который не разделяет вашу позицию. Его зовут Брум, Ричард Брум, и я уже довольно давно занимаюсь его профессиональной подготовкой, Джей. Признаюсь, я ожидал чего-то подобного.

— Так ты знал, что похитят именно Марлу?

– Нет. Но я подозревал, что рано или поздно произойдет нечто из ряда вон выходящее. Итак, вернемся к моему новому помощнику Бруму. Вы говорите, что в современном мире искусство ведения боя отошло на задний план. Но Брум, кажется, всего за несколько недель научился пользоваться оружием и кое-чем еще... Так почему бы ему не попытаться счастья прямо сейчас?

Чивер решительно покачал головой.

– Ты забываешь, что на карту поставлена жизнь Марлы.

– Именно на это Хэммонд и рассчитывает.

– Я не стану нанимать гангстера для борьбы с бандитами, Хайрам.

– А вот Брум так не считает. Ему нравился Сетон. Кстати, вы видели этого Брума?

Чивер облизнул пересохшие губы.

– Да-да, видел. Но...

– Его нельзя назвать симпатичным.

Вдруг загудел включившийся визор. На экране появилось спокойное и бесстрастное лицо Хэммонда.

– Чивер? – позвал он. – Мне очень повезло. Спешу к вам с хорошими новостями. Кажется, моим людям удалось напасть на след вашей дочери.

Гейл прищурился. Пытаясь удержать равновесие на костылях, он напряженно вслушивался.

– Ну, и что с того? – поинтересовался Чивер. – Где же она? Рассказывайте!

– Я пока не могу сообщить вам что-либо конкретное. Может, моя зацепка вам никак и не поможет. Но... приходите сегодня вечером в «Голубую планету». Если повезет, вам удастся что-нибудь выяснить. Это все, что я могу сказать.

Лицо Хэммонда исчезло с монитора. Гейл печально улыбнулся.

– Видите, как старый черт себя выгораживает! Может быть, он просто хочет поиграть у вас на нервах.

Чивер встал.

– Ладно, хватит уже! Что такое «Голубая планета», и где ее искать?

Нужный адрес нашелся в телевизионном справочнике. «Планета» находилась в дешевом спальном районе на другом конце города. Чивер, энергично пошевелив плечами, надел пальто.

– На всякий случай могу одолжить вам бластер, – сказал Гейл.

– Какой мне от него прок, если мы имеем дело с профессионалами, – свернул Чивер. – Я не буду рисковать жизнью дочери. Придется делать то, что скажут.

– Даже если это означает отказ от патентов «Атомы» и передачу производства Марзерту? Вы же знаете, что Хэммонд никогда не воспользуется ими.

ЧИВЕР поморщился и вышел из кабинета. Гейл воспользовался визором, чтобы позвонить в свою лабораторию. Когда экран ожил, он разглядел освещенное люминесцентными лампами белое помещение одной из своих мастерских. Огромное помещение было сверху донизу заполнено разными механизмами. В дальнем углу стояла повернутая спиной к Гейлу широкоплечая фигура.

Этот человек — с бочкообразной грудью, рыжевато-золотистой бородой и пронизательными светло-голубыми глазами — развернулся и косолапой, неуклюжей походкой направился к видеофону. Он не был писанным красавцем, но, одновременно с этим казался смелым, сильным и опасным.

— О, Хайрам, это ты? — спросил широкоплечий. — В чем дело?

— Хэммонд причастен к похищению, — сказал Гейл. — Слушай внимательно. Тебе придется действовать быстро... Я только надеюсь, что за эти несколько недель достаточно хорошо обучил тебя...

— Я быстро учусь, — буркнул незнакомец и оскалил зубы. — Так в чем дело?

Гейл по-быстрому объяснил расклад.

— «Голубая планета», — закончил он. — У тебя есть адрес? Хорошо. Тогда все остальное за тобой... Мне больше нечего добавить.

— Без проблем, — кивнул Брум.

Его лицо исчезло с экрана. Сквозь стены Гейл услышал, как внизу с грохотом захлопнулась дверь. Он плюхнулся в кресло Чивера, лениво провел рукой по костылям и усталился в пустоту.

Гангстерская тактика, подумал он. Фил Хэммонд возрождал жестокие методы борьбы страшного двадцатого века. Старый хрыч был первым, кто заронил семя раздора в мир дружелюбия и изобилия. Гейл знал, что такие семена обязательно прорастут. В прошлом они расцвели пышным цветом тирании, войны и ярости... Так случилось только потому, что один вооруженный человек возомнил себя властителем мира и воспользовался своим превосходством.

— Жестокость, — пробормотал Гейл себе под нос. — Хэммонд считает себя неприкасаемым. Но знает ли он, что такое настоящая жестокость?

РИЧАРД БРУМ дотронулся до лежащего в кармане бластера и тихонько усмехнулся себе в бороду. Какое простое оружие! Нажатия кнопки достаточно, чтобы из дула вырвался заряд энергии и убил противника или, в зависимости от обстоятельств, просто покалечил. Заткнутый за пояс нож почему-то казался более надежным спутником. Брум залпом выпил виски и издал полный удовлетворения возглас «М-м-м!». Краем глаза он наблюдал за Джейм Чивером, сидящим за дальним столиком бара.

За Брумом находилась звуконепроницаемая телевизионная будка без окон. Гейл сказал, что сообщение будет доставлено посред-

ством визора. Брум налил себе еще виски и торопливо влил в себя содержимое стакана, затем поднял бронзовую настольную лампу и кинул ее в пластиковую дверь кабинки. Основание пробило в панели неровную дыру. При звуке удара все посетители бара повернулись к Бруму, и официант ринулся осматривать повреждения. Одну руку он держал в кармане.

Брум осторожно поставил лампу на место и улыбнулся.

– Извините, – сказал он.

– Эй! Слушай, борода, ты что, пытаешься все здесь разнести?

Мы против...

Брум молча высыпал несколько монеток на столешницу.

– Этого достаточно? – спросил он и кивком указал на разбитую панель.

Лежащей на столе суммы было более чем достаточно. Официант было поморщился, но решил не отказываться от такой прибыли. Быстро сунув деньги в карман, он поспешил удалиться. Брум сделал еще один глоток и посмотрел на Чивера, делая вид, что интересуется вовсе не им.

Вдруг загудел визор. Бармен, стоявший ближе всех к кабинке, ответил на вызов, затем вышел из закутка и громко позвал адресата.

– Чивер! Позовите сюда мистера Чивера!

Начальник встал из-за стола и поспешил к кабинке. Он наградил Брума настороженным взглядом, затем с недоумением покосился на дыру в панели. Но сейчас уже ничего нельзя было поделать. Чивер открыл дверь и скрылся в телевизионной кабинке. Какой-то предмет закрывал пролом в стене. Вероятней всего, это была шляпа. Брум залез под стол, словно собирался поднять упавшую монету. Оттуда он мог хорошо расслышать диалог.

– Где? Где мы с вами встретимся?

– Тебе нужно доехать до перекрестка девяносто шестой улицы и Гранд-стрит. Мы тебя подберем. Приходи один.

Раздался щелчок.

Брум вылез из-под стола. Чивер вышел из кабинки, бросил на него еще один подозрительный взгляд и направился к двери. Когда он скрылся в дверном проеме, Брум вскочил на ноги. Прямо перед собой он увидел незнакомца плотного телосложения, с темной шевелюрой, сломанным носом и холодным взглядом убийцы. Брум и раньше видел такие глаза. Он ничуть не удивился, когда обнаружил, что путь к выходу перегорожен.

– Куда ты так спешишь, дружище? – сильным голосом спросил приземистый незнакомец.

– Спешу?

– Может быть, ты собирался проследовать за тем, кто только что вышел отсюда?

БРУМ посмотрел на незнакомца.

Тем временем тот продолжал:

— Почему бы нам просто не сесть и не пропустить еще по одной рюмочке? — приземистый сунул руку в карман.

— Ага, — сказал Брум и опустил на стул.

Он налил еще виски и пододвинул маленький стакан приземистому. Когда тот глянул вниз, Брум выплеснул виски ему прямо в лицо.

Он проделал этот фокус левой рукой. Пальцы его правой руки почти что с нежностью сомкнулись вокруг горлышка бутылки. Приземистый хрипло выругался и попытался что-то вытащить из кармана. Брум вдруг резко вскочил на ноги и замахнулся. Бутылка с виски описала длинную зловещую дугу и попала точно в лицо противнику. Кровь, виски и стекло полетели во все стороны. Приземистый истошно завопил.

Забыв о бластере, он стал тереть глаза.

— Боже мой! — заорал он. — Да ты ослепил меня! Ты! Ты...

— Да, — сказал Брум.

Другие желающие подраться приближались к нему, но история с разбитой бутылкой застала их врасплох. Они, вероятно, посчитали произошедшее просто пьяной дракой, хотя в нынешнее время подобное поведение было из ряда вон выходящим, особенно после снятия запрета на распитие спиртных напитков. Брум, воспользовавшись паузой, с проворством кошки выскочил из заведения. Никто не пытался его остановить. Он отбежал на несколько метров, остановился и жестом подозвал летающее такси.

— Куда едем, приятель?

— Перекресток девяносто шестой улицы и Гранд-стрит. Нет. Едем на пересечение девяносто пятой и Гранд-стрит.

Из бара высыпали люди. Таксист заколебался и повернул голову практически на 180 градусов.

— У вас неприятности?

Огромная рука с такой силой сомкнулась на шее таксиста, что послышался хруст сдавленных костей.

— Перекресток девяносто пятой улицы и Гранд-стрит.

Такси резко тронулось с места. Рука отпустила шею шофера. Но водитель не оглядывался, пока не подъехал к месту назначения. Внезапно он обнаружил, что практически охрип. Он мог только шептать и указывать на яркие неоновые вывески, отражающиеся в заднем стекле над головой Брума.

Брум расплатился, вышел из такси и проводил взглядом растворяющиеся в темноте очертания машины. Он немного постоял, позволяя прохладному ночному ветерку касаться его румяных щек и трепать густую бороду, затем улыбнулся.

Такси привезло его в складской район.

Одинаковые могучие здания тут и там устремлялись в ночное небо, как горы. На небосводе в узких пурпурных трещинах виднелись яркие звезды. Бордюры светились полосами-ограничителями. Брум держался от них подальше, пока шел к 96-й улице.

Как он и ожидал, Чивер уже был на месте, дрожа, как осиновый лист, несмотря на теплое шерстяное пальто. Начальник испуганно обернулся, завидев вдалеке приближающийся к нему силуэт. Но несколько мгновений спустя он узнал в незнакомце Брума.

— Ты...

— Дайте мне свое пальто.

— Ты был со мной в баре. Ты... Здесь... Это все из-за Марлы?

Брум сам снял пальто с плеч начальника и решил его примерить, но оно оказалось явно не по размеру. Швы затрещали и разошлись в нескольких местах. В конце концов, его старания все-таки увенчались успехом.

ЧИВЕР наблюдал за его действиями.

— А как же Марла?

— Езжайте домой, — ответил Брум.

— Но как же... Откуда мне знать, что именно ты тот человек, с которым я должен был встретиться? Они сказали, что заберут меня на машине.

И он оказался прав: к ним действительно приближался автомобиль. В конце улицы виднелся приглушенный свет фар. Брум мгновенно прицелился и ударил Чивера кулаком в челюсть. Тот лишился чувств и рухнул на асфальт. Брум оттащил его в тень ближайшего здания и оставил там лежать. Затем, взяв шляпу и надвинув ее как можно ниже, он спрятал бороду за высоко поднятым воротником пальто и ступил на тротуар.

Автолет остановился прямо перед Брумом. Это была летающая модель с откидным верхом и большим иссиня-черным блестящим корпусом. Брум почувствовал на себе пристальный взгляд чьих-то глаз.

— Чивер, — сказал он.

— Один?

Раздавшийся из глубины салона голос был грубым, металлическим и монотонным.

— Да.

— Тогда залезай.

Дверь автолета распахнулась. Глаза Брума уже успели привыкнуть к темноте. В задней части салона располагались двое человек, а на переднем сидении находился водитель. Все были довольно крупного телосложения. На их бластерах мерцал свет фонарей, отражающийся от полос на бордюрах.

Брум наклонил голову и забрался в салон. Двое на заднем сиденье отодвинулись в сторону, освободив ему место. Он сел и нащупал в карманах пальто бластер и нож.

Машина начала плавно двигаться вперед, перешла в режим антигравитации и взмыла вверх.

— Давайте поздороваемся с нашим гостем, — сказал человек, сидящий слева от Брума. — И обыщи-ка его, Джерри.

— Зачем? — спросил тот.

После того, как заряд бластера бесшумно вошел в его тело через толстое пальто, он согнулся пополам, страшно закашлявшись. Брум знал, куда стрелять. Заряд прошел сквозь ребра мужчины и добрался до сердца. Смерть наступила мгновенно.

А вот другой бандит...

В левой руке Брум держал нож. Он сжал рукоятку покрепче и вонзил лезвие в живот противника. Шок и холод, вызванные жуткой болью, задушили головореza прежде, чем тот успел раскрыть рот и издать какой-либо звук. И когда он попытался вздохнуть, острый клинок снова вошел в его тело. Напарник Джерри последовал за своим товарищем.

Тем временем машина летела над высотными зданиями, держа путь на запад. Водитель повернул голову назад, взгляделся в темноту салона и от потрясения открыл рот, но так и не закрыл его.

Он ударил ногой по панели, переведя машину в режим автоматического управления, и стал вертеться в кресле, пытаясь найти оружие. Брум все еще держал в руке бластер. Однако вместо того, чтобы выстрелить, он просто изо всех сил врезал пилоту рукояткой. Нос хрустнул, кровь фонтаном хлынула во все стороны, и пилота отбросило на лобовое стекло.

Это позволило Бруму перевести бой на территорию врага. Когда пилот, качая головой и громко ругаясь, поднял руку, чтобы прицелиться, Брум перегнулся через спинку переднего сиденья и дотянулся до него. Нож блеснул в полумраке и перерезал руку пилота между локтем и запястьем.

Тот издал истошный вопль.

БРУМ на лету поймал выпавший из руки шофера бластер.

Его лицо ничуть не изменилось. Он все также бесстрастно слушал грязные ругательства в свой адрес, которые постепенно переросли в истеричные мольбы о пощаде.

— Боже, да я истеку кровью до смерти! Дай мне шанс! Ты почти отрезал мне руку...

— Где Марла Чивер? — спросил Брум.

— ...моя рука! Господи, ты не можешь... ты же не можешь вот так...

Брум схватил израненную конечность пилота и выкрутил ее. Его голубые глаза неприятно и отстраненно поблескивали.

Когда пилот перестал кричать, Брум снова продолжил жесткий допрос.

– Где Марла Чивер?

В ответ послышалось хриплое дыхание.

– Я... я не знаю. Нет, нет, не надо! Не надо больше! Остановись! Это правда! Я должен был связаться по телесвязи с Николсом...

– Кто такой Николс?

– Понятия не имею. Он никогда не показывает своего лица на визоре. Я ни разу не видел его. Я...

– Отведи меня к нему.

– Но... я не знаю, где он!

– Выясни!

– Ой! Ай... Ладно. Ладно. Я постараюсь. Пожалуйста... Только не надо больше... Пощади...

Брум посмотрел, как автолет совершил посадку на крыше. Истекающий кровью пилот вылез из салона и прижал окровавленную руку к груди. На крыше здания было темно. Далекие огни центра города казались пылающей желто-белой короной на фоне бескрайнего чернильного неба. Реактивные двигатели космического корабля оставили на горизонте две светящиеся полосы, похожие на хвосты комет.

Пилот первым спустился по лестнице, отпер дверь и впустил Брума в маленькую квартиру. Брум жестом указал на визор, стоявший у стены.

– Я же истеку кровью до смерти! Умоляю! Помогите мне! Ради всего святого...

Брум за шкуру втащил его в ванную, сорвал занавеску и соорудил из ткани импровизированный жгут. Потом грубо смыл холодной водой кровь с лица раненого.

– Свяжись с Николсом.

ПИЛОТ с трудом добрался до визора и набрал нужный номер. Экран ожил, но никакого лица на нем не появилось.

– Ну, что там еще? – раздался резкий незнакомый голос

– Это я... Маклин. Мне надо увидеть вас.

– Это совершенно невозможно!.. А где Чивер?

Маклин обернулся и бросил на Брума умоляющий взгляд, полный ужаса.

– С тобой рядом точно кто-то есть, – раздалось из визора. – Что случилось? Ты истекаешь кровью...

В хорошо поставленном голосе промелькнули нотки подозрения. Брум увидел, как экран выключился и превратился в черный прямоугольник. Он оттолкнул Маклина в сторону и набрал номер лаборатории Хайрама Гейла.

– Гейл?

– На проводе. Как справляешься с заданием?
– Отследил этот номер, – Брум продиктовал цифры.
– Хорошо, я все понял. Я скоро перезвоню. Где ты сейчас находишься? Э-э... В седьмом районе? Отлично, я все записал. Не отсоединяйся.

Брум и Маклин принялись ждать. Последнего знатно потряхивало. Он достал сигарету, но не смог зажечь ее. Брум и не подумал предложить ему свою помощь.

Вскоре визор снова загудел.

– Я все выяснил, – сообщил Гейл. – Ты находишься в квартире четыре, дом восемьдесят три по Аппер-Паркуэй. Фил Хэммонд владеет пентхаусом в этой высотке. Это вся нужная тебе информация?

– Да, – ответил Брум.

Он отвернулся от визора и схватил Маклина за руку, а потом за шкуру затащил обратно на крышу. Автолет все еще стоял там.

– Дом номер восемьдесят три по Аппер-Паркуэй. Лети туда.

Маклин открыл рот и снова закрыл его. Он молча сел в кресло пилота и поднял машину в воздух. Брум сидел рядом с ним и поглаживал бороду окровавленной рукой. Его бледно-голубые глаза по-прежнему ничего не выражали.

Автолет приземлился на стоянке неподалеку от места назначения. Служащий парковки, по-видимому, был занят чем-то другим, и Маклин вопросительно глянул на Брума.

– Теперь ты меняпустишь?

Вместо ответа Брум сдвинул его шею огромной рукой. Через некоторое время он разжал руку, вылез из машины и тихо пошел в сторону улицы. Там была движущаяся городская дорожка. Брум сел на одну из многочисленных скамеек, и лента потащила его по улице.

Он сошел с дорожки в нескольких кварталах от дома восемьдесят три по Аппер-Паркуэй. Над дверью был установлен домофон с видеопанелью, и Брум нажал кнопку звонка с номером четыре. Экран ожил. Из динамика послышался знакомый резкий голос Николса.

– Кто там?

– Я Чивер.

– Ты совершенно точно не Чивер.

– Меня послал Чивер.

– Понятно, – после недолго паузы сказал Николс. – Я вижу, что ты один. Ладно, заходи.

Брум подчинился. Дверь в коридор начала медленно открываться. Он втиснулся в проем и оттолкнул маленького человечка с лицом хоряка. Действуя практически машинально, Брум полоснул ножом ему прямо по шее.

В ДАЛЬНЕМ УГЛУ КОМНАТЫ кто-то сидел за письменным столом, выкладывая на салфетку флаконы и шприцы. Ростом незна-

комец был почти с Брума, но был альбиносом с копной белых волос и бледно-розовыми глазами.

Рядом с ним стоял приземистый уродливый человек, похожий на лысую гориллу. Он уже тянулся за бластером, когда Брум выстрелил ему прямо в сердце. Белобрысый резко нагнулся, спрятавшись под столом.

Брум в два прыжка пересек комнату и опрокинул стол. В руке его противника блеснуло оружие. Хотя альбиноса и придавило тяжелым столом, он, тем не менее, успел нацелить бластер на Брума.

Брум с силой ударил ногой по белой руке. Мужчина громко вскрикнул и выпустил бластер. Брум оттолкнул в сторону упавший стол, сел прямо на грудь незнакомца и приставил острие ножа к пульсирующей вене на горле.

— Где Марла Чивер? — спросил он.

— Я... я не знаю... Не имею понятия, о чем ты говоришь...

Брум с силой надавил ладонью на лицо альбиноса. После этого оно уже куда меньше походило на обычную человеческую физиологию. Большой ладонью Брум зажал рот альбину, чтобы тот не орал.

— Где Марла Чивер?

Альбинос что-то прохрипел. Брум убрал импровизированный кляп.

— Так ты ничего не добьешься, черт бы тебя побрал! Если Чивер хочет, чтобы его дочь осталась в живых, он должен выполнить все наши условия! И еще он заплатит за то, что ты со мной сделал!

— Где Марла Чивер?

Альбинос зашелся кашлем с кровью.

— Так ты у нас крутой парень, да? Марла в безопасности. Но она умрет, если... Дай мне подняться с пола!

Брум отступил назад и позволил Николсу встать на ноги. Вытерев рот платком, ткань которого незамедлительно окрасилась в алый цвет, альбинос продолжал тираду:

— У вас ни за что не выйдет заполучить Марлу. Если Чивер хочет, чтобы его дочь жестоко пытали...

В голубых глаза Брума внезапно промелькнула искорка безумия. Он подтянул Николса к себе и заломил его руки за спину. Николс уже начал было верещать от боли, но ладонь Брума мгновенно заглушила его крик.

— Пытка, — прошептал Брум. — О да.

— ... кхр... ты сейчас сломаешь мне руку, а-а!

— Где Марла Чивер?

От страданий на лбу альбиноса выступил пот. Его белесое лицо одновременно выражало удивление и боль от истязаний.

— Ты... Кажется, ты не расслышал меня. Я сказал... Что мы... Будем пытать ... девчонку.

– Нет, – ответил Брум. – Я буду пытаться тебя. Где она?

НИКОЛСА надолго не хватило.

Брум был безжалостен, как прирожденная машина для убийств. Альбинос так бойко рассказывал о пытках, однако стало очевидно, что он сам никогда не сталкивался с ними.

Через десять минут он в довесок к сломанному носу приобрел еще сломанную руку и прокушенные губы. Он с большим трудом дополз до визора и набрал нужный номер.

– Николс?

На экране ничего не было видно.

– Д-да. Это я. Отпустите девушку. Освободите ее!

– Что случилось? Неужели Чивер...

Брум немного пошевелился. Николс вздрогнул и заверещал фальцетом:

– Чивер сделал то, что мы хотели! Отпустите ее, слышите? Прямо сейчас!

– Хорошо, мы сделаем, как вы приказали, и немедленно отпустим девчонку. Быстро мы управились!

Брум прервал связь. Николс, шатаясь, подошел к стулу и сел, продолжая скулить, как побитая собака. Брум бесстрастно наблюдал за его жалкими телодвижениями.

– Кто тебе платит? – наконец спросил он.

– Хэммонд. Фил Хэммонд. Я буду свидетельствовать в суде...

– Нет, – ответил Брум. – Жди.

Полчаса спустя он снова связался с Хайрамом Гейлом. Ученый торжествующе улыбался.

– Брум? Она вернулась, представляешь? Просто появилась в дверях офиса. Они наконец отпустили ее!

– Да. А Чивер?

– Он тоже здесь. Охранник нашел его на улице, избитого до потери сознания. Хорошо, что все обошлось. Что теперь?

– Подожди, – сказал Брум.

Здоровенный бородач навел на Николса бластер.

Николс охнул от ужаса и попытался откатиться в сторону.

– Не надо, пожалуйста, только не это! – слышались его мольбы о пощаде. – Я дам показания в суде! Я подпишу все бумаги!

– Зачем? – спросил Брум.

– Ты же не можешь убить меня... просто вот так, здесь, на полу...

– Почему нет?

Одним метким выстрелом в лоб он оборвал тираду альбиноса. Затем Брум вышел из квартиры и поднялся на пневмолифте в пентхаус. Изумленный дворецкий встретил его в дверях, с ужасом уставившись на огромную окровавленную фигуру.

– Сэр? Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Хэммонд.

— Если вы подождете здесь, то...

Брум ударил его кулаком прямо в челюсть. Затем перешагнул через распростертое тело и позвал Хэммонда.

— Сюда, — раздался голос из-за открытой двери.

ПЕНТХАУС был большим и по-настоящему роскошным. Огни города играли бликами на огромных окнах, словно светлячки в фантастическом саде. Седой, тихий, миниатюрный Хэммонд сидел в обитой дубовыми панелями комнате, попивая бренди и попыхивая старинной трубкой. На стенах висели шпалеры* с видами ночной Байонны** и работы мануфактуры Гобеленов***. Тут и там стояли различные старинные доспехи. В застекленных шкафах хранилась обширная коллекция холодного оружия: кольчуги, мечи, булавы и секиры. Ноги утопали в мягкой шерсти бухарского ковра.

Хэммонд посмотрел на широкоплечего гостя, стоящего на пороге.

— Я вас не знаю, — сказал он.

— Верно.

— Что вам нужно от меня?

— Я сражаюсь за Чивера, — с ухмылкой ответил Брум, — и за кое-кого еще.

Хэммонд изумленно поднял седую бровь и вздохнул.

— Судя по одежде и лицу, ты, скорее, смахиваешь на обычного вору. Ты... Так, уже интересней. Подожди. Я вспомнил. Ты один из многочисленных помощников Хайрама Гейла. Он нанял тебя несколько недель назад.

Брум кивнул.

— Отлично. И некоторые... головорезы пытались убедить тебя бросить такую неблагодарную работу, не так ли? Ну, а зачем ты сюда-то пожаловал?

— Остановить вас.

Хэммонд усмехнулся.

— Мой дорогой друг, ты далеко не первый, кто пытается это сделать. Это просто невозможно! Как ты можешь судить, я очень богат и обладаю солидными связями. Чего ты хочешь добиться?

— Вашей смерти, — громко ответил Брум.

Наступило недолгое молчание.

* Шпалера — безворсовый ковер с сюжетной или орнаментальной композицией, вытканый вручную (прим. перев.)

** Байонна — город и коммуна на юго-западе Франции.

*** Гобелен — фамилия фламандских ткачей XV века

– О, мой дорогой, прекрати строить из себя наивного деревенского дурачка, – усмехнулся Хэммонд. – Ты же не сумасшедший. Моя смерть ничего не решит, а только...

– Вы сами выбрали такой путь.

– Доказательства. Где же доказательства, мой дорогой друг? Покажите мне хоть одно юридическое доказательство моей причастности к...

Брум поднял бластер и навел его на старика. Трубка выпала из рта Хэммонда. Его рука дрожала, пока он ставил на стол бутылку бренди «Наполеон».

– Подожди, – перейдя почти на шепот, сказал он. – Ты сошел с ума! Это не... Это же просто несправедливо!..

– Несправедливо?

Брум заколебался, затем медленно обшарил комнату взглядом. Приняв решение, он сунул бластер в карман, шагнул к ближайшей стене и снял с подставки два огромных меча. Один из них он бросил Хэммонду. Оружие со звоном упало к ногам седовласого.

– Вот вам справедливость, – сказал Брум.

Хэммонд облизнул пересохшие губы.

– Ты не можешь так поступить, – сказал он. – Не можешь вот так просто ввалиться в мой дом и... и...

– Устроить судебный поединок, – закончил за старика верзила. – Возьмите меч.

– Я не стану этого делать. Ты не убьешь безоружного человека!

– Трус – не человек.

Безумные глаза Хэммонда бегали по сторонам, словно он искал поддержку в окружающей обстановке. Брум оперся на меч. Старик внезапно наклонился, быстро схватил оружие и попытался вонзить его в живот Брума.

Но тот не растерялся и сумел отразить атаку, затем взмахнул своим мечом так, что тот стал походить на столп света и запел, как арфа. Выражение какого-то тупого, недоверчивого изумления все еще было на лице Хэммонда, когда, создав фонтан алых брызг, голова слетела с его плеч и покатилась по полу.

Брум тщательно вытер меч, повесил его обратно на стену и вышел из комнаты.

ХАЙРАМ ГЕЙЛ И ЧИВЕР находились в лаборатории физика. Гейл работал над сложным устройством в форме куба, кажущимся чуть ли не магическим. Время от времени он, не отрываясь от работы, бросал через плечо комментарии.

– Хорошо, – сейчас сказал он. – Итак, Хэммонд был найден мертвым пару часов назад в своем пентхаусе. Ну и что с того?

– Да ему же просто взяли и отрезали голову! – пробормотал Чивер с бледными губами. – Совершить такое в наше время!..

– Волна насилия захлестнула наш город, не так ли? Я слышал и другие сообщения. Вам ведь удалось вернуть дочь?

– Да. И я благодарен этому человеку... благодарен Бруму. Но Хайрам... Ты только подумай! Господи боже, да это дико, нецивилизованно, бесчеловечно!

– Как и вся организация Хэммонда. Методы его работы уходят корнями в кровавый двадцатый век. Но он совершил роковую ошибку, – Гейл повернул какую-то спираль и проверил ее микрометром.

– А? Что ты имеешь в виду? Какая еще ошибка?

– Его головорезы на проверку оказались не такими уж и крепкими ребятами. В них, конечно, была какая-то звериная дикость, но... Проблема разрешилась самым примитивным способом. Надо было просто найти кого-то более жестокого. Джей, с такими, как они, можно бороться только их способами и на их же территории. Мир должен этому научиться. Хэммонд ждал, что мы просто сдадимся и будем сражаться с ним в суде. Он так рассчитывал на это! Он и подумать не смел, что противник сумеет превзойти его в силе, скорости и ловкости. Ему и в голову не могло прийти, что наш агент окажется самым что ни на есть дикарем!

– У... Убийцей!

Гейл с серьезным видом покачал головой.

– Вы должны вынести из происшедшего урок. И весь остальной мир тоже. Такие люди, как Хэммонд, должны быть уничтожены. Да, Брум прирожденный убийца, но он был воспитан в среде, разительно отличающейся от нашей. В действиях Хэммонда он увидел то, что понимал лучше всего на свете, – и выполнил задание по-своему. Дело в том, что сталь все еще способна справиться с многослойной бюрократией.

Кубическое устройство засветилось. Внутри него появилось маленькое белое облачко. Гейл вскрикнул от неожиданности.

В дальнем дверном проеме появился Ричард Брум. Он даже не потрудился переодеться в подобающую одежду, вытереть пятна крови или пригладить топорщащуюся бороду. Со сверкающими голубыми глазами он торопливо направился к ученому и его собеседнику.

– Теперь все в порядке, Гейл?

– Да. Прими мою благодарность. Ты одержал для нас победу в крестовом походе.

Брум рассмеялся.

– Разве это крестовый поход? Те ничтожные существа? Поверь мне на слово, они были ничем. Но что касается остального, на меня не произвела впечатления ваша магия, и мне совершенно точно не понравился ваш мир. Как бы я хотел снова оказаться в тюрьме, в руках герцога! Я немного научился понимать ваш язык и пользо-

ваться странным оружием. Но я по-прежнему считаю, что нет ничего лучше старого-доброго меча. Но... Ну, ты попросил меня о помощи, и я исполнил твою просьбу. Да пребудет с тобой Бог.

Он энергично потряс руку Гейла. Ученый, медленно ковыляя на костылях, повернулся к кубу и повернул рычаг. Облачко в механизме стало чуть менее плотным.

В глубине появились смутные очертания каменных стен, увешанных красивыми гобеленами. Помещение было скрыто полумраком и клубами дыма. Сложно вот так взять и заглянуть в прошлое...

Но Брум, одарив Гейла ослепительной улыбкой, шагнул прямо в белый туман и просто исчез. Облачко снова сгустилось и побелело, затем испарилось. Там, где только что была стена средневекового замка, осталась лишь пустота.

Гейл встретился взглядом с Чивером, который широко раскрыла глаза от ужаса, и засмеялся.

— Джей, ну что с вами такое!? Вы же все поняли. Перед вами самая настоящая машина времени. Я же говорил вам, что работаю далеко не над одним устройством.... Я выдернул нашего друга Брума из прошлого несколько недель тому назад и попросил его о помощи. Потребовалось некоторое время, чтобы научить его жить в современном мире. У него свои собственные моральные ценности, разительно отличающиеся от наших и пригодные для борьбы с Хэммондом.

— Так кто это был? — спросил Чивер.

— Убийца, — сказал Гейл. — По нашим меркам, конечно. Разве вы не знаете, что фамилия Плантагенет* означает «метла», что в переводе на английский — «Брум»? Наш дикарь был самым что ни на есть королем, представляете? Джей, его зовут Ричард Кор-де-Леон, или по-другому Ричард Львиное Сердце. Ну, и что вы скажете на это?

Но Чивер не нашелся что ответить.

Problem is ethics, (Science Fiction Stories, 1943 № 7), пер. Игорь Фудим, при участии Александры Заушниковой

* Плантагенеты — древняя королевская династия французского происхождения. (прим. перев.)

A STREET & SMITH PUBLICATION

ASTOUNDING

OCTOBER
20¢

CONTENTS
COPYRIGHTED
1934

STORIES

COSMIC RHYTHM

by Harl Vincent

*E.E. Smith, Ph.D. Nat Schachner
C.L. Moore S.A. Coblentz
C.C. Campbell*

ЯРКАЯ ИЛЛЮЗИЯ

ДИКСОН, с болью шурясь из-за ослепляющего света солнца, отражающегося от песка, глядел на странный мираж впереди. Он шатался от жажды, жары и усталости, и пустыня вокруг него вздымалась длинными неясными волнами. Несмотря на слабость, Диксон с тревогой пытался разглядеть непонятный объект, но из-за яркого света у него не получалось определить, что это такое.

Ничто из того, что он когда-либо видел или слышал, не могло создать подобный мираж. Впереди возвышался огромный овал желтого света, похожий на полупрозрачное золотое яйцо, наполовину зарытое в песок. И над ним, казалось, постоянно кружились крошечные мерцающие точки. Диксон никогда раньше не видел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало этот объект.

Пробираясь по песку к яркой иллюзии, он заметил вокруг нее темные пятнышки, которые вскоре оказались мертвецами, лежащими в гротескных позах. Диксон ничего не мог разобрать. Конечно, это был мираж, но он не рассеивался по мере приближения к нему. Пока в небе вырисовывался огромный таинственный полупрозрачный овал, тела было видно все лучше и лучше.

Диксон подумал, что ему, вероятно, снится сон, или он немного не в себе от жары и жажды. Пока он двигался по обжигающему песку под палящим солнцем, поток иллюзий временами настолько поглощал Диксона, что он слышал плеск воды и журчание фонтанов. Теперь он явно столкнулся с галлюцинацией, так как тела выглядели слишком реально.

Из-за того, что у него уже плохо работали мышцы, он споткнулся о первого мертвеца — высохшее на солнце тело старика в форме легиона и с кепкой, сползшей на лицо. Позже Диксон заметил араба в грязно-белой одежде, а чуть дальше свежий труп мальчика в шортах цвета хаки и солнцезащитном шлеме.

Он лениво гадал, что же с ними случилось, и почему тела находятся в столь разных стадиях разложения. Подняв опущенную голову, он уставился на огромную яйцевидную штукину, выступающую из песка. Она напоминала гигантский пузырь золотистой воды, хотя пузыри обычно круглые и...

К Диксону запоздало вернулась предусмотрительность. *Наверняка смерть всех этих людей как-то связана с яйцом*, подумал он. *Мне следует двигаться осторожнее, иначе...* И тут на него начала действовать неизвестная сила. Он подошел слишком близко. Что-то неумолимо и медленно притягивало его к огромному пузырю.

The Bright Illusion

*Science—even the science of a
god—could not shake the basic
fiber of a man who saw clearly*

by C. L. Moore

Небо и песок закружились перед глазами. Тем временем, расстояние между Диксоном и яйцеобразным объектом все уменьшалось и уменьшалось... И каким-то образом его прижало к золотистому свету, почему-то обладающим осязаемой поверхностью, который очень странно мелькал, как будто был живым и жаждал с ним встречи.

Диксон чувствовал, что должен бояться, но почему-то совсем не ощущал страха. Золотой свет окутал его, словно собираясь поглотить с головы до ног. Диксон закрыл глаза и полностью расслабился, поддавшись невозмутимой силе.

ОКРУЖАЮЩЕЕ ЕГО золотистое сияние казалось кристально чистым, однако, неподвижно лежа в нем, он мог видеть не дальше, чем на несколько метров, и пустынный пейзаж перед глазами был нереален, как сон. Самое прекрасное ощущение покоя и умиротворения накатывало на Диксона медленными волнами, сменяющими друг друга, как рябь у берега, и все больше успокаивающими и расслабляющими. Жажда, голод и усталость исчезли в одно мгновение. Диксон не испытывал ни страха, ни тревоги. Он лежал, чувствуя, как волны, не прерываясь, текут через него, и глядел на ясный золотой свет без тени замешательства.

Сколько он пролежал в таком состоянии — неизвестно. В состоянии абсолютного покоя Диксон очень смутно понимал, что эти всепроникающие волны пронизывают каждый его атом, как будто пытаясь что-то найти, а также наполняя разум светом и умиротворением.

Пока он находился в тишине, похожей на транс, у него в голове подобно вспышкам молний сверкали воспоминания — абстрактные воспоминания о том, что он узнал в колледже и в дальнейшей жизни. Части художественных произведений, фрагменты научных исследований. С захватывающей скоростью решались математические задачи и тут же сменялись химическими формулами, плавающими в обрывках психологических знаний, полученных еще в

Before his eyes a splendid and stately city was taking shape—out of the ruin of eye-wrenching color.

школе. Диксон лежал, едва замечая эти воспоминания, проносящиеся через залитый светом разум.

А затем скорость наполнявших его волн начала меняться. Его сознание постепенно выходило из приятной комы, хотя тело все еще оставалось расслабленным. Теперь волны бились в разум, вызывая боль. В голове мелькали крошечные обрывки незнакомых мыслей.

Диксон изо всех сил пытался схватить эти исчезающие обрывки, в надежде соединить их в единое целое и понять общий смысл. Со временем ему это удалось. Волны постепенно стали пробуждать разум Диксона. Они передавали ему знания, которые обретали смысл так же медленно, как волны захлестывали его напряженный мозг.

Постепенно Диксон понял, что с ним контакт пытается установить некий разум. Осознание этого приходило к нему не в словах и даже не в словоформах, посланных напрямую в мозг. Оно подступало медленно и неумолимо, нарастая и усиливаясь по мере того, как волны по одной просачивались через него и исчезали, оставляя после себя очередное сообщение.

И это огромное, почти божественное безликое создание поразило Диксона. Оно было настолько абстрактным, что даже в передаваемой ему информации не было и намек на личность или какую-либо сознательную сущность. Не могло быть и никакого «я» в этих волновых сообщениях. Божественно спокойное, божественно абстрактное существо позволяло информационным волнам проходить сквозь мозг человека, зависшего прямо в его сердце. И эти сообщения постепенно накапливались в сознании Диксона.

Существо выбрало его. В течение длительного времени оно заманивало в ловушку людей, подбиравшихся достаточно близко, посылая потоки световых волн в их разумы, чтобы подсветить мысли и способности к познанию, а также исследуя интеллект. Все, кто лежал снаружи, не оправдали надежд. Существо отбрасывало их, покорно ожидая появления подходящего человека.

Все это пронеслось через голову Диксона. Затем наступила пауза, позволившая ему усвоить информацию, понять ее. Через некоторое время волны с уже знакомой размеренной медлительностью снова начали биться у него в разуме. Он узнал о существовании обширных тусклых пустот, неизведанных участков пространства, времени и мириад других измерений. Узнал, что в течение длительных периодов, которые еще не имели никакого отношения к настоящему времени, огромный световой пузырь совершил путешествие из какой-то немыслимо далекой точки всего сущего. Диксон понял, что существо возникло из этих серых бесформенных пустот, по-

пало в межзвездное пространство его Вселенной, преследуя великую, но непонятную для него цель, и затаилось в этой пустыне.

И тут поток мысленных волн в очередной раз прервался, и Диксон понял, что снова неподвижно лежит, впитывая эту ошеломляющую информацию. И все же, по какой-то причине он не особо удивился и не проявил даже малейшего недоверия к полученным сведениям. Он стал ждать.

ВСКОРЕ поток возобновился. Волны сообщили ему, что в другой части космического пространства существовал мир, который желало это существо Или нет, не желало. В нем не было ничего человеческого, в том числе и желаний. Мир, который оно собиралось заполучить, кардинально отличался от всех, что знал Диксон. Это был мир, населенный инопланетными существами и построенный в измерениях, непохожих на те, что образовывали его Вселенную.

Живущий там народ поклонялся могущественному Богу. И именно этим объектом поклонения – этим божеством – собиралось стать существо, просвещающее Диксона. Оно пыталось кое-что объяснить ему, но мысленные волны, проходящие через мозг Диксона, были непостижимыми и далекими, они не имели ничего общего со знанием и казались лишь массой бессвязных понятий, лишенных смысла. После нескольких тщетных попыток рассказать Диксону, что стоит за целью своего появления, существо, по-видимому, отбросило данную мысль и продолжало следовать неизвестному плану.

Бог, которого существо намеревалось лишить власти, был очень могущественным; настолько могущественным, что самостоятельно оно не могло свергнуть его, не могло даже преодолеть границы, воздвигнутые для защиты незнакомого нам мира. Оно явно нуждалось в разумном живом существе из мира с иной структурой, чтобы особые силы божества не сумели оказать на него никакого воздействия.

Размеренные колебания волн постепенно дали понять Диксону, что он – избранный посланник. Он должен был во всеоружии отправиться в новый мир, свергнуть бога и помочь своему покровителю захватить эти владения.

И тут последовала долгая пауза. Диксон лежал неподвижно, потрясенный силой неизвестного существа. Оно, должно быть, почувствовало растущее сопротивление в его сознании, потому что через некоторое время колебания возобновились. Диксон понимал, что мог отказаться от этого предложения. Однако ему также стало ясно, что, хотя он был свободен и даже мог продолжать путеше-

ствии, в случае отказа ему грозила неминуемая смерть, причем очень неприятная.

В пределах досягаемости не было никакой воды, к тому же, группа туарегов в платках прочесывала пустыню в поисках араба, лежащего в куче грязных белых одеяний около яйцообразного пузыря. *Если я не умру от жажды до того, как меня схватят, то умру от их рук гораздо более страшной смертью. Но, конечно, решение только за мной.*

Диксон задумчиво переварил эту информацию и заколебался, хотя понимал, что выбора нет. Еще до того, как он наткнулся на большой пузырь, ему стало ясно, что слепое блуждание по пустыне не кончится ничем, кроме медленной смерти. Даже находясь в успокаивающем трансе, он содрогнулся от мысли о туарегах, поскольку видел жертв туарегских пыток, людей, чудом оставшихся в живых после долгих дней мучений.

Диксон выбросил все это из головы. *Да, у меня нет выбора.*

И постепенно в нем загорелась искорка энтузиазма. *Вот это приключение!* Хотя в конце пути его ждала смерть, надежда на жизнь еще осталась, и он знал, что если откажется, то не получит даже ее. Согласие уже формировалось в сознании Диксона, но существо, должно быть, поняло это ещё раньше, до того, как решение было принято, поскольку яркое сияние внезапно начало затуманиваться и изменяться. На Диксона нахлынуло смирение, проходящее через тело и поступающее в мозг. И затем его поглотило забвение.

ОН ОЧЕНЬ медленно пришел в себя. Забвение постепенно покидало его сознание. Диксон получил смутное представление о преодоленных барьерах и огромных пространствах, а также каким-то образом ощутил необъяснимую разницу в воздухе, окружающем пузырь, хотя было непонятно, откуда он это узнал. Небольшие колебания проходили по нему, рассеивая затуманенное сознание. Затем в нем размеренным потоком опять начали пульсировать новые знания.

Диксон с существом преодолевали пространства, куда большие, чем он мог себе представить. Мир, куда они направлялись, сейчас как раз находился под ними. Диксон должен был мельком взглянуть на него, так как то, что ему предстояло увидеть, было настолько чуждо, что даже сквозь защитную поверхность светового пузыря он не смог бы долго смотреть на это нечто.

Затем свет вокруг Диксона стал прозрачным, и он увидел картину, ошелолившую его своим неистовством. На мгновение ему показалась местность, которая скрежетала и бушевала безумным цветом, отличающимся от всех известных людям цветов. Диксон

повернулся и уставился на картину внизу. И хотя он находился от нее очень далеко, все было видно вполне отчетливо, причем поле зрение стало шире обычного. Как будто одним взглядом получалось охватить весь круг горизонта.

Мир внизу был одним огромным городом, расположенным на неустойчивой террасе и уходящим вдаль до самой линии горизонта, мерцающей ослепительным блеском. Плавающие со всех сторон цвета вызывали тошноту и головокружение. Это были невозможные цвета и оттенки безумия — дикие ошеломляющие линии, дуги и зазубренные пики, сумасшедшие уклоны, зигзагообразные мосты и здания, наклоненные под углами, говорящими о том, что тут не существовало гравитации.

Невероятные террасы сужающимися витками поднимались к верхнему ярусу. Несмотря на то, что он был маленьким и аккуратным, по его покрытию пятнами расползались безумные цвета. В самом же центре возвышалась могучая колонна чернее любой тьмы, которую Диксон когда-либо видел. На ее вершине виднелось тусклое пламя.

А вот населяющие этот город жители!.. Несмотря на такое огромное расстояние, Диксону все же удалось сосредоточиться и разглядеть их получше. У этих созданий не было ничего общего ни с человеком, ни с далекими предками людской расы. Их тела были по-змеиному гибкими, а движения быстрыми, ловкими и бесконечно грациозными. И если на разноцветные здания было просто неприятно смотреть, то от постоянно двигающейся и жуткой переливающейся окраски существ внизу попросту рябило в глазах. Именно поэтому Диксон так и не увидел их истинный облик.

Ему удалось рассмотреть одно из этих неизвестных науке созданий, стоящее прямо под большим черным столбом, на вершине которого горело яркое белое пламя. Бескостное существо, казалось, не имело четких очертаний, и по постоянно движущейся поверхности тела расползались багровые пятна. В середине совершенно бесстрастного, не имеющего рта ало-пурпурного лица располагался большой, ясный и ничего не выражающий глаз. Когда инопланетное чудовище отворачивалось, то сквозь всевозможные оттенки красного и фиолетового на лице проступали зеленые пятна.

Вот и все, что Диксону удалось увидеть перед тем, как к нему стало медленно возвращаться сознание, а прозрачный кристалл снова помутнел. *Больше нельзя туда смотреть, а то я совсем сойду с ума*, подумал он и вдруг понял, что попадет в эту страну безумия уже не в человеческом обличье, потому что его собственное тело не вынесло бы этого дичайшего буйства красок, да и попросту не

смогло бы преодолеть головокружительные повороты и подъемы. Многие улицы и мосты в городе были слишком крутыми для человеческих ног.

И по мере того, как на Диксона накатывали волны знаний, он начал понемногу осознавать всю глубину отличий между этими разноцветными чудовищами и обыкновенными людьми. Разница заключалась не только во внешности: сама материя, из которой состояли создания, даже близко не походила на человеческую плоть и кровь, да и атомы в инопланетном веществе располагались совершенно по-другому. Странные создания питались каким-то совершенно непонятным нормальному человеку образом. Их эмоции, привычки и намерения были чужды всему жизненному опыту Диксона, да и определить пол странных существ на первый взгляд не представлялось возможным.

Привычного людям разделения на мужской пол и женский здесь попросту не было, так как количество полов и их функций превышало все разумные пределы. Принципы размножения также с трудом укладывались в человеческий разум.

Когда поток мысленных волн на мгновение стих, у Диксона закружилась голова от осознания всей странности этого места и дикости населявших его созданий, и он так и не сумел понять, каким же образом ему предстоит туда попасть, после чего провел несколько минут в размышлениях, пока процесс передачи знаний не возобновился с новой силой.

ЗАТЕМ в мозгу Диксона опять стали появляться мысли о предстоящем проникновении во владения странного бога. Решение оказалось простым, но в то же время по-настоящему впечатляющим. От странных существ его будет отделять завеса иллюзии, благодаря которой разноцветные чудовища примут его за своего, а речь преобразуется в неопиcуемый для человека инопланетный способ общения. И наоборот: Диксон будет видеть в этих странных созданиях обычных людей, говорящих на понятном ему английском языке.

Вдобавок, завеса позволит в произвольном порядке поделить бесполой созданий на мужчин и женщин. Хотя эти непонятные существа и не могли приблизиться к странному богу, чье пламя горело на верху колонны, даже со столь большого расстояния можно было почувствовать их огромную силу.

В медленном биении волн Диксон внезапно осознал, что не останется без помощи в таком безумном мире, потому что его действиями будет руководить всевидящий сверхразум. Он понимал, что его столь разительное отличие от инопланетян может сыграть ему на

руку, ведь даже сам бог не сможет ничего заподозрить, пока, наконец, не придет время его свержения.

Затем облачность снова начала рассеиваться. Диксон теперь смотрел на движущийся вниз город как будто сквозь хрустальные стены. Его глаза пронзила острая боль, когда мегаполис превратился в разноцветный вихрь. А потом над всей этой панорамой безумия возникло странное марево. Взору Диксона открылись величественные виды, — он смотрел на блекнущие и сливающиеся воедино совершенно безумные оттенки цветов, начиная понемногу понимать устройство этого находящегося в постоянном движении пестрого мира.

Перед глазами проявлялся великолепный, величественный город. Из руин совершенно кошмарного цвета ярус за ярусом поднимались белые колонны и полупрозрачные купола. Тут и там под переливающимся бело-голубым небом блестели уголки алебастровых крыш жилых домов.

Когда Диксон оторвал взгляд от этой прекрасной панорамы, от увенчанных куполами и острыми шпилями террас, плавно переходящих в другие строения, колонн, окутанных зеленью, и посмотрел на горизонт, то увидел, как меняются странные многолюдные улицы. Из каши всех цветов и оттенков постепенно начало вырисовываться некое подобие человеческих существ. Диксон разглядел рослых людей с величественной осанкой, облаченных в сверкающие на солнце стальные одежды.

За очень малое время город изменился до неузнаваемости и превратился в приятный глазу обычный мегаполис. От кошмарного буйства красок не осталось ни малейшего следа. И все же, глянув вниз, Диксон понял, что, по большому счету, ничего не изменилось. Извивающиеся люди, казалось, ничего не знали о законах гравитации и все также быстро и грациозно перемещались по странным улицам и крутым аппаратам. Диксон моргнул, но иллюзия никуда не исчезла: перед ним находился все тот же огромный город под голубым небом.

Он поймал себя на мысли, что, оказавшись там, внизу, ему предстоит отыскать храм бога, найти уязвимое место и ждать дальнейших приказов от сущности, перенесшей его сюда. Вместе с этим он понял, что нужно действовать как можно быстрее, поскольку существовала крохотная возможность того, что бог раскроет самозванца, да и сама иллюзия представляла некоторую опасность.

Хотя частицы материи Диксона служили надежной защитой от бога, они в то же время настолько отличались от этого чуждого ему мира, что могли значительно осложнить его и без того непростую

задачу. Он чувствовал огромное напряжение светового пузыря, поддерживающего завесу иллюзии, отделяющую его от этого мира, но понимал, что долгое присутствие в городе без волшебной маскировки может попросту свести с ума.

ДИКСОН не шевелился и думал о непостижимой разнице между структурой своего тела и материей, из которой состоял город и населяющие его жители. Затем внезапно потемнело. Несколько мгновений назад Диксона убаюкивало золотое сияние, но сейчас у него зазвенело в ушах, и он провалился в какую-то упругую субстанцию, которая никак не могла быть воздухом. Его жизни ничто не угрожало, но звон продолжал нарастать.

Через какое-то время темнота внезапно рассеялась, звон прекратился, и Диксон ощутил под ногами твердую поверхность. Очтившись на мраморном тротуаре под ясным голубым небом, он посмотрел на уходящие вдаль ряды крыш жилых домов и на захватывающий дух мегаполис, простирающийся до самого горизонта.

Ослепительный свет отражался от блестящих металлом и мельтешащих где-то вдали фигурок размерами с булавоочную головку. От каждой широкой круглой террасы вниз вела мраморная лестница, и по ним туда-сюда деловито сновали толпы людей.

Но Диксон знал, что за всем этим великолепием скрывается все тот же город безумия и странных форм, углов и кошмарных цветов, по улицам которого быстро мечутся отвратительные создания-мутанты, переливающиеся всеми цветами радуги.

Приятный глазу пейзаж был всего лишь наведенной иллюзией. Какие непостижимые человеческому уму действия происходили там в действительности? Какие поручения были даны движущейся толпе? Какой-то тихий звук, источник которого находился совсем рядом, нарушил ход терзавших разум Диксона мыслей, и он, подспудно ожидая подвоха, бросил взгляд в сторону. От увиденного у него перехватило дыхание.

В СВОЕЙ БЛЕСТЯЩЕЙ ОДЕЖДЕ незнакомка походила на тонкий изящный клинок и была прекраснее сна. Ее черные как смоль кудри рассыпались по плечам, а из-под темных прядей на Диксона внимательно смотрели голубые глаза. На первый взгляд все в незнакомке напоминало о блестящем на солнце металле: одежда, напоминающая железные доспехи, резкие изгибы точеного тела, сияние волос и живые глаза.

Несмотря на блеск, исходящий от одежды и фигуры девушки, Диксон отчетливо видел ее красные нежные губы. Никогда раньше

он не испытывал такого чувства, похожего на пьянящий восторг от великолепия жизни, и мгновение ему хотелось спеть какую-нибудь безумную песню. Но эту радость омрачала одна-единственная мысль: все вокруг было лишь красивой иллюзией. Диксон знал, что стоящая перед ним девушка является безликой, бесполой и ползающей по земле тварью, совершенно не напоминающей человека. И все же эта иллюзия была так прекрасна...

Она посмотрела на него испуганными глазами, и Диксон впервые услышал ее чарующий голос:

— О, ты... Ты все-таки прибыл... Как ты сюда попал?

Ему почему-то подумалось, что прекрасная незнакомка изо всех сил старается не верить в то, что всей душой хочет считать правдой.

Диксон оставил ее вопрос без ответа. Он беспомощно оглянулся, посмотрев на голубое безоблачное небо, на возвышающийся позади девушки огромный столб с горящим на его вершине белым пламенем. Он задержал на нем свой взгляд, и незнакомка, должно быть, подумала, что получила ответ на свой вопрос. В ту же секунду у девушки перехватило дыхание, и она, всхлипнув, упала на колени прямо перед Диксоном. Несмотря на сковывающее ее стальное платье, движения незнакомки были чрезвычайно грациозными, а солнечные лучи подсветили очертания ее стройного нежного тела и заиграли бликами на закрывших лицо локонах.

— Я так и знала! Я знала! — ахнула девушка. — Я знала, что мой бог пошлет тебя! О, хвала великому Илю за спустившегося с небес посланника!

Диксон с беспокойством посмотрел на склонившуюся перед ним черноволосую девушку. Если она поверит, что он посланник бога, это значительно упростит его миссию. И все же он не испытывал никаких угрызений совести при мысли о свержении бога этого совершенно безумного, населенного извивающимися чудовищами мира, но появление девушки каким-то образом спутало все карты. Она...

— Я верховная жрица нашего бога, — пробормотала она, словно ответив на немой вопрос. — Я отдала мое сердце Илю уже много лет назад, и только он знает, как горячо я молилась ниспослать нам чудо! Такой чести хватит, чтобы... чтобы...

Внезапно нежный голос превратился в неистовые рыдания, как будто девушка не могла вынести всей силы обрушившейся на нее божественной благодати.

Диксон наклонился, взял незнакомку за подбородок и посмотрел на нее. Голубые глаза блестели от слез, а красные губы подергивались от еле сдерживаемых рыданий. Девушка взглянула на него с

таким благоговением и обожанием, что Диксон внезапно понял, — ему не нужно никакое поклонение, потому как полный уважения и преклонения взгляд лишь рассердил его. Он хотел... Ну, он хотел, чтобы незнакомка увидела в нем обыкновенного мужчину, а не божественного посланника. Он так хотел этого...

Затем Диксоном овладело пьянящее безумие, — и он потерял голову. Диксон наклонился и прижался губами к дрожащим красным губам девушки, и на краткое мгновение весь этот странный мир закружился в танце, уступив место никогда прежде невиданному наслаждению.

Когда он отстранился и выпрямился, девушка с искренним недоумением посмотрела на него, быстро закрыла рот рукой и окинула его растерянным взглядом.

Диксона поразило осознание того факта, что для незнакомки он был таким же извивающимся чудовищем, как и она сама. А вместо полных тревоги прекрасных голубых глаз на него смотрело одно-единственное свободно перемещающееся по телу око. Он даже не был уверен, что для девушки коленопреклонение означает почтение, и задался вопросом, каким же именно способом она выражает свой трепет.

Диксон прекрасно понимал, что все увиденное в этом полном удивительных метаморфоз являлось лишь иллюзией и не имело ничего общего с реальностью, и эта мысль не давала ему покоя. Каким именно был их поцелуй? Разве девушка поняла, что это был поцелуй, или в ее искаженной реальности он совершил какое-то другое действие? Потому что, на самом деле, Диксон поцеловал безликое разноцветное чудовище, лишённое глаз и рта. Вспомнив, как по-настоящему выглядят существа в этом безумном городе, он вздрогнул и снова посмотрел на стоящую на коленях незнакомку, как будто она в любой момент могла сбросить волшебную маскировку.

ДИКСОН почувствовал странную пустоту в душе при одной только мысли о том, что какой бы красивой ни была иллюзия, она, к сожалению, никогда не будет иметь ничего общего с более чем неприглядной реальностью. Теперь он заглянул прямо в небесно-голубые глаза девушки, и в ответ на заплаканном лице расцвела робкая улыбка. Диксон видел, как часто бьется сердце под ослепительно блестящим платьем. И ведь она даже не была настоящей женщиной!

Диксон прищурился и попытался хоть на мгновение поднять завесу магической иллюзии и убедить себя в том, что перед ним стоит извивающееся бесполое создание из ночных кошмаров, но по

какой-то причине не посмел так поступить. Ведь манящая и прелестная незнакомка была человеком, пусть только и в его сознании, а на то чудовище, каким она являлась на самом деле, он не взглянул бы никогда в жизни.

Затем, словно прочитав его мысли, девушка одарила Диксона еще одной неуверенной улыбкой, придавшей ей по-настоящему человеческий вид, и заставила его отбросить все страхи и сомнения.

— Что... что это значит, о, божественный посланник?

— Ты должна звать меня Диксоном, — ответил он и нахмурился. — И это было... ну, просто приветствие.

— То есть так приветствуют друг друга во владениях великого Иля — в раю? Ну, тогда... — она быстро встала.

Прежде чем Диксон сообразил, что происходит, незнакомка поднялась на цыпочки и поцеловала его.

— Тогда я тоже с тобой поздороваюсь, о, Диксон.

Его руки непроизвольно сомкнулись вокруг тонкой талии девушки. Диксон почувствовал тепло ее тела, словно она была живым человеком. Завеса иллюзии казалась реальной всего, что было в этом мире. И снова Диксон задался вопросом, какие действия на самом деле совершала темноволосая девушка, которая на самом деле была странным извивающимся созданием. И оттого, что ей было так хорошо в его объятиях, он вдруг резко отступил назад, почувствовав странную тревогу. Боже правый, да неужели человек способен влюбиться в какую-то галлюцинацию?

Девушка бросила на него полный спокойствия взгляд, видимо, в глубине души радуясь тому, что постигла азы божественного этикета.

— Какое это приятное приветствие! — пробормотала она вполголоса. — А теперь, о, Диксон, приказывай. Куда тебя отвести?

Диксон спорил с самим собой. В конце концов, какой бы очаровательной ни казалась девушка, она являлась — и он должен постоянно помнить об этом, чтобы не случилось ничего плохого — ползающим по земле безликим разноцветным чудовищем и никем другим. И только с ее помощью Диксон мог проникнуть в храм бога, чтобы светящаяся золотистая субстанция нашла уязвимое место Иля.

После этого Диксон должен будет выполнить приказ. Иль будет свергнут, и инопланетная сущность займет божественный трон. А что касается населяющих этот безумный мир странных существ... Ну, без сомнения, убийство Иля никак не пройдет незамеченным, но тут уж ничего не поделаешь. Диксону оставалось только сыграть свою роль и исчезнуть.

— О, Диксон! — прервал чарующий голос девушки его размышления. — О, Диксон, не хочешь ли ты посмотреть на храм, возведенный преданными почитателями Иля? И увидеть, что для моего народа значит истинная вера?

— Да, — с благодарностью ответил Диксон. — Отведи меня в храм Иля.

Девушка снова преклонила перед ним колени, и свет опять скользнул по ее стальному платью, а темные волосы закрыли прелестное личико. Затем она повернулась и пересекла террасу, чтобы добраться до ведущего в город склона. Они вместе спустились вниз, и Диксон даже не посмел предположить, насколько крутые аппарели им пришлось преодолеть в действительности. Затем они вышли на широкую улицу, по обеим сторонам которой высились многочисленные колонны. Толпы людей в стальных одеяниях расступались перед спускающейся по ступеням темноволосой жрицей храма Иля и ее спутником.

Дойдя до площади, девушка остановилась и вскинула руки к небу, и Диксон отчетливо услышал ее звонкий голос, разнесшийся над толпой.

— Великий Иль наконец ответил на наши молитвы! — воскликнула она. — Бог послал нам своего наместника. Вот он!

ПО ТОЛПЕ пробежал ропот благоговения и радости. А потом находящиеся на площади люди ряд за рядом встали на колени, словно по заросшей травой полю пробежал ветер. И с невероятной быстротой шепотки пронеслись по всей толпе, добравшись и до тех, кто стоял дальше всех. Диксон представил, как передаваемая из уст в уста радостная весть разлетается по всей округе, с одной террасы на другую, и так до самых окраин.

Он и его спутница прошли мимо стоящих на коленях жителей дальше по аллее и достигли до конца улицы. Диксон увидел, как по мере распространения новости о спустившемся с небес посланнике вдалеке загорается все больше и больше огней. По улицам с колоннами и зелеными террасами шли толпы мужчин и женщин в отливающих металлическим блеском одеждах, и на их обращенных вверх лицах можно было увидеть искреннее благоговение.

Диксон широким шагом двигался по улице, словно божественный посланник, торжественно обходящий бесконечный город и высыпавших на улицы людей в светящейся на солнце одежде. От такого количества народа захватывало дух, и кружилась голова. Казалось, весь город кишит снующими людьми в стальных доспехах,

спешащих как можно скорее оказаться на улице и воочию увидеть божественного посланника.

Поверх склоненных голов приближающихся жителей города Диксон с любопытством разглядывал стоящие вдоль улиц здания, пытаясь определить, какой жизнью живут все эти люди. Но он так ничего и не понял. Мраморные колонны и стены жилищ как будто были театральным реквизитом, ведь Диксон видел город сквозь плотную завесу иллюзии. Здесь не было ни магазинов, ни рынков, ни настоящих жилых домов, поэтому оставалось довольствоваться лишь стройными рядами одинаковых белых колонн. Очевидно, светящаяся сущность могла только замаскировать безумную архитектуру этого мира, но не более того. Она не была способна вдохнуть в него дух повседневной жизни, так знакомой каждому человеку.

Диксон вместе с черноволосой девушкой шел по безликим улицам и спускался вниз по одинаковым аппаратам, а жители города, заведя их, падали ниц, как сделали бы настоящие люди. *Интересно, а что они делают на самом деле?* – подумал он. Каким странным и невероятным способом они в действительности выражают свою преданность? Но, конечно, лучше этого не знать.

Диксон наблюдал, как девушка, высоко держа голову, с гордым видом идет сквозь охваченную почтением толпу, а стальное одеяние переливается на красивых изгибах ее тела. Затем она наконец остановилась перед огромной аркой дверного проема и улыбнулась Диксону, да так, что у него екнуло сердце, а затем исчезла внутри.

На первый взгляд это строение ничем не отличалось от сотен других: такое же здание с белыми мраморными колоннами и большой черной входной дверью. Но, войдя внутрь, Диксон испытал потрясение, увидев, сколько там места.

Поражающий воображение зал, по-видимому, занимал все пространство, находящееся под куполом, на котором были сделаны террасы. В полумраке Диксон не мог определить точную форму помещения, но понял, что потолок тут точно сводчатый. В святилище царил необъяснимо спокойная и умиротворяющая обстановка. И на мгновение, с интересом рассматривая огромное помещение, Диксон даже забыл о своей спутнице.

В центре зала в широком темном полу был вырезан бассейн, наполненный белой, сияющей, словно готовый вот-вот вскипеть субстанцией, поверхность которой, тем не менее, оставалась гладкой. Потолок над бассейном по форме напоминал светящуюся жаром линзу, вбирающую в себя концентрированные потоки бурлящей внизу субстанции. Ее центр совпадал с верхней точкой потолка, на который Диксон почти не мог смотреть, поскольку его слепило.

Однако он понял, что эта точка, куда стекаются сияющие потоки, как раз находится под возвышающейся на самом верхнем уровне колонной с горящим на вершине божественным пламенем Иля.

Несмотря на мощный столб поднимающегося из бассейна света, Диксону все-таки удалось разглядеть в полумраке храма мерцание стальной мантии. Он с громадным трудом различил арочный проход в дальней стене и стоящую в нем крохотную блестящую фигуру. Пока Диксон всматривался в темноту святилища, раздался оглушительный удар гонга. Воздух задрожал от исходящей от музыкального инструмента вибрации, после чего из темноты вышла фигура и пересекла зал неторопливыми шагами.

С такого расстояния Диксон не смог понять, мужчина перед ним или женщина. Тем временем фигура с каким-то сдержанным рвением направилась к светящемуся бассейну, достигла его края, но не стала останавливаться и скрылась в мареве света, создаваемого бассейном. В огромном зале снова не осталось никого, кроме Диксона и девушки.

НЕДОУМЕВАЮЩИЙ ДИКСОН повернулся к темноволосой спутнице, желая задать ей несколько вопросов, но тут же одернул себя, чуть не забыв, что в этом мире изображает посланника самого Иля.

— Жрица, как это понимать? — в итоге спросил он.

Девушка растерянно посмотрела на него и улыбнулась. У Диксона снова екнуло сердце и, засмотревшись на свою очаровательную спутницу, он даже пропустил мимо ушей часть ее слов.

— ...постоянно, с каждым ударом священного гонга, — ответила она. — И так будет всегда, пока жизненный цикл одной из нас не завершится во всепоглощающем белом пламени. — Пока она говорила, послышался очередной удар гонга. — Слышал? Истек еще один цикл, и пришла пора пожертвовать еще одной жизнью. Таких, как мы, великое множество, поэтому на протяжении всей истории моего народа поток жертв никогда не прерывался. Мы не даем угаснуть пламени великого Иля!

Диксон ничего не ответил. Он, не отрываясь, смотрел на жрицу, но завеса иллюзии внезапно начала расплываться, а в висках застучала кровь, как будто... инопланетный сверхразум снова дает о себе знать.

Диксон не мог точно сказать, как долго всесильное существо вытягивало у него все, что он видел, слышал и чувствовал, а также отправляло обратно беззвучные приказы.

Потоки мысленных волн накатывали все сильнее и сильнее, пока, наконец, Диксон не понял, в чем именно заключается его задача. Он узнал, что бассейн является источником белого пламени, но при этом не дает жизненные силу Илю. Тот питался странными созданиями, приносящими себя в жертву, потому что только так можно было уничтожить этих бессмертных чудовищ. Но вещество в бассейне все же не было Илем, так как он являлся тем самым пламенем на вершине огромного черного столба и питался излучением бассейна. Если на какое-то время вывести из строя источник восходящего света, то управляющая Диксоном сущность могла бы выйти на сцену и сразиться с Илем.

На мгновение мысленный поток прервался, но сквозь вибрирующий воздух можно было расслышать слоги каких-то неизвестных слов. Из этой речи Диксону не удалось вычленить какие-либо фразы, так как в известных человеку языках не было ничего похожего. Но он понял, что, если произнести эти слова вслух, можно вызвать инопланетный разум. После того, как Диксон запомнил их, в его разуме воцарилась тишина.

Затем в ней снова начал медленно вырисовываться огромный купол храма. Диксон, услышав очередной удар гонга, увидел еще одну облаченную в стальную мантию фигуру, идущую к бассейну. Он обернулся и посмотрел на лицо жрицы. Теперь ему осталось только вызвать сверхразум, дожидаться свержения Иля, а затем уйти. Уйти, бросив здесь прекрасную спутницу. Или встретиться с ней еще раз, — но уже только во сне.

Они посмотрели друг на друга, и, когда темноволосая жрица неуверенно улыбнулась, в ее голубых глазах вспыхнул огонь. У нее был нетерпеливый напряженный вид, — ее вера в Иля была непоколебимой. И тогда Диксон понял, что не посмеет предать девушку.

— Нет, — прошептал он. — Нет, моя дорогая, я не могу... я просто не могу так поступить!

— Как? — приподняв бровь, также тихо спросила она. — Как поступить? — Бросив взгляд на Диксона, она тут же переменялась в лице и явно испугалась, не став дожидаться ответа. — Кажется... Кажется, я вижу... — пробормотала девушка. — О, Диксон, я вижу что-то очень странное... в твоих глазах. Какие-то ужасные фигуры и образы... И что-то вроде завесы между нами... Диксон... я ничего не понимаю... и... и... Диксон, я вижу у тебя в глазах свое отражение!

Внезапно у него перехватило дыхание, и он заключил темноволосую жрицу в объятия. Закрыв глаза, она прильнула к груди Диксона. Он почувствовал бешеный стук ее сердца и дрожь закрытого блестящей мантией тела.

— Я боюсь, Диксон... Я боюсь! — тихо запричитала она. — Диксон, почему мне так страшно?

Он не нашелся что ответить, но покрепче обнял жрицу, почувствовав грудью ее приятные округлости и с горечью осознав, что влюбился в прекрасную иллюзию.

ДИКСОН тоже испугался. Испугался чувств, потрясших его до глубины души. Он вспомнил нежный поцелуй, красивые изгибы тела темноволосой жрицы в отливающей металлом мантии, и то, что вся эта неземная красота на самом деле является не более чем видением, маскирующим отвратительное создание, коим в действительности была девушка. Прелестное тело, очаровательное личико, нежные теплые губы... И это все? Неужели возможно полюбить только красивую оболочку? Неужели возможно любить сильнее, чем любил Диксон?

Он высвободил одну руку и аккуратно взял девушку за подбородок. Страх и недоумение в ее светлых глазах постепенно сменились каким-то совершенно непонятым выражением.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Мне все равно... Потому что я люблю тебя.

— Люблю? — переспросила шепотом девушка. — Люблю?

И по ее взгляду стало понятно, что это слово для нее — пустой звук.

На мгновение у Диксона перед глазами все расплывалось. Почему-то такой вариант ни разу не пришел ему в голову, хотя он знал, насколько велика пропасть между ним и этой совершенно чуждой человеку расой. У Диксона не укладывалось в голове, как на просторах бескрайнего космоса могут существовать разумные существа, начисто лишенные какого-либо сочувствия, и для которых слово «любовь» ничего не значит. Неужели они не испытывают никаких эмоций? Боже правый, неужели он обречен любить пустую оболочку, иллюзию, скрывающую бесполое создание, неспособное выражать никакие известные чувства?

Диксон еще раз посмотрел на растерянное лицо девушки и заметил какое-то странное сияние в ее глазах. Он почему-то решил, что скоро узнает нечто совершенно невероятное, но никак не мог догадаться, что именно. Когда он снова взглянул на жрицу, ему показалось, что он... почти понял...

Внезапно мир вокруг задрожал, как будто являлся отражением на поверхности гладкой воды, по которой прошла волна, а затем все стало по-прежнему. Но тут Диксону пришла на ум еще одна мысль:

он находится в этом мире слишком долго. Завеса волшебной иллюзии понемногу истончалась.

Нет... Я не могу уйти! – вздохнув, подумал он и еще крепче сжал девушку в объятиях.

Должно быть, он произнес эту фразу вслух, потому что почувствовал, как жрица сильнее прижалась ему к груди, и услышал ее тревожный голос:

– Уйти? О, Диксон, Диксон, возьми меня с собой! Не бросай меня тут одну, Диксон!

По его груди разлилась теплота, вызванная надеждой.

– А почему мне нельзя тут тебя оставлять? – спросил он. – Почему? Отвечай! – Он схватил жрицу за плечи и слегка встряхнул ее.

– Я не знаю, – пробормотала она. – Я только знаю, что... что... О, Диксон, мне будет так одиноко без тебя. Не оставляй меня тут... Пожалуйста, возьми меня с собой!

– Но зачем? – спросил он еще раз, ибо ему снова показалось, что на него снова нахлынуло то самое великолепное и неизведанное прежде чувство, какое он ощутил до того, как мир содрогнулся.

– Потому что я... Потому что... я не понимаю, Диксон... Я не могу сказать тебе, почему... Я не могу подобрать слова. Но с твоим появлением я... Неужели я всю жизнь ждала только одного тебя? Ведь до нашей встречи я не понимала, насколько одинока в этом мире. Поэтому не бросай меня тут. Я не вынесу, если ты уйдешь без меня. О, Диксон, ты это называешь любовью?

В ее голосе и затуманенных глазах виднелась неприкрытая боль. И он задумался о том, что любовь подобна вредной бактерии, распространяющей боль везде, где только можно. Неужели он заразил темноволосую жрицу безнадежной и бессмысленной страстью? Да, та была именно такой, потому что через несколько мгновений Диксон навсегда покинет это странное место, ибо никакая сила неспособна долго поддерживать завесу иллюзии, благодаря которой эти двое познали любовь.

Выдержат ли чувства Диксона вид ее настоящего «я»? И что будет с неведомыми жрице ощущениями и ее любовью? Сможет ли она принять его человеческую сущность? И все же, спросил он самого себя: *смогу ли я заново полюбить настоящий облик девушки, или я испытываю пылкие чувства всего лишь к красивой галлюцинации?* Но быть может...

И СНОВА у Диксона зарябило в глазах. Он почувствовал, как пол у него под ногами наклонился, а окружающая обстановка на мгновение превратилась в разноцветный хаос. Потом снова стало

тихо, как будто ничего не случилось. Диксон решил не придавать этому значения, повернул жрицу храма лицом к себе, схватив ее за плечи, и заглянул ей в глаза.

— Послушай! — Он старался говорить как можно быстрее, поскольку понимал, что драгоценного времени осталось не так уж много. — Послушай! Ты хоть представляешь, о чем просишь?

— Я только хочу пойти с тобой, — ответила девушка. — Быть рядом с тобой, где бы ты ни находился. И если ты действительно посланник Иля, то должна ли я войти в бассейн и отдать ему свою жизнь, чтобы стать с тобой одним целым?

— Я не небесный посланник, — покачал головой Диксон. — Меня послали сюда уничтожить Иля. Я человек из другого мира, настолько отличающегося от твоего, что тебе будет неприятен мой настоящий облик. Мы смотрим друг на друга сквозь завесу иллюзии. И мне пора вернуться в свой мир. Одному...

От попыток понять происходящее у девушки помутнело в глазах.

— То есть ты... не посланник Иля? Ты не такой, каким кажешься? Другой мир? Все равно, возьми меня с собой! Я должна пойти с тобой... Должна!

— Но, моя дорогая, я не могу, неужели ты не понимаешь? Ты не протянешь и секунды в моем мире... как и я в твоём.

— Тогда я умру, — спокойно ответила она. — Я войду в пламя и буду ждать тебя на том свете. Я буду ждать тебя вечно.

— Моя дорогая, так тоже не выйдет, — мягко ответил Диксон. — Даже после смерти мы все равно не сможем быть вместе. Потому что после смерти ты воссоединишься с Илем, а когда умру я, то... то... возможно, попаду в другое место. Я не знаю. Но я точно не окажусь рядом с Илем.

Жрица поникла, пытаясь поверить в невероятное. Она долго не могла собраться с мыслями.

— Я не понимаю, — медленно проговорила она. — Но знаю, что ты говоришь правду. Если я умру в пламени, поскольку не могу умереть иначе, мы с тобой расстанемся навсегда. Я не смогу! Я не буду так делать! Я не отпущу тебя! Послушай, — прошептала она. — Ты говоришь, что пришел сюда уничтожить Иля. Зачем?

— Я посланник другого бога, который займет трон Иля.

— Я всю свою жизнь посвятила Илю, — пробормотала девушка себе под нос. — Убей его, Диксон! — продолжала она уже более громким голосом. — Другого шанса может и не представится. О, я предательница... Нет, хуже, чем предательница! Потому что в мире нет такого слова, чтобы описать того, кто предает своего бога. Но сейчас я сделаю это... с радостью. Уничтожь его и позволь мне уме-

реть другим способом, позволь умереть, как ты. Может быть, твой бог смилостивится и разрешит мне умереть человеческой смертью, и мы воссоединимся в загробной жизни. О, Диксон, пожалуйста!

Эту просьба показалась Диксону совершенно безумной, но на какую-то долю секунды у него в груди снова затеплилась надежда. Может быть, это вовсе не...

И тут он все понял. Он взглянул на милую спутницу своим невидящим взглядом. После того, как Диксон узнал, что чувства девушки были настолько сильны, что ради воссоединения с ним она готова пойти на самоубийство, он внезапно осознал, что ее красивая внешность ничего для него не значит. Он влюбился отнюдь не в иллюзию.

С его плеч словно свалился камень, когда он понял, что его чувства не имеют ничего общего с мимолетным увлечением внешней красотой жрицы. Нет, это была настоящая любовь, даже несмотря на то, что его избранница являлась бесполом чудовищем. Он полюбил ее душу, скрывающуюся под более чем неприглядным обликом. Хотя этой инопланетной расе были чужды какие-либо проявления чувств и эмоций, девушка действительно полюбила Диксона. Все остальное не имело никакого значения.

Затем, без всякого предупреждения, огромный купол задрожал и невероятным образом исказился, став напоминать отражение в кривом зеркале. И Диксон почувствовал, как изящная фигура спутницы в его объятиях начала странным образом видоизменяться, жутко извиваясь...

Он стоял перед входом в огромный зал, пестреющий жуткими цветами и состоящий из поразительных углов и невероятных плоскостей. А вот в его объятиях... Он посмотрел вниз и увидел, что обнимает существо, по чьим находящимся в постоянном движении конечностям и гибкому телу расплзаются пятна всех цветов и оттенков. Девушка превратилась в скользкую и неприятную на ощупь массу, а из середины не имеющего рта лица на него с таким отчаянием смотрел огромный голубой глаз, как будто это Диксон из обычного человека перевоплотился в страшное чудовище, а не она.

ПОСЛЕ ЭТОГО он закрыл глаза, но по тому, что он увидел в обращенном к нему жуткому глазу, стало ясно, что перед ним все та же жрица, которую он полюбил. И Диксон про себя отметил, что искра понимания, недавно вспыхнувшая в прекрасных голубых глазах, никуда не делась. У него в руках была все та же очаровательная темноволосая девушка, что и несколько минут назад, пу-

скай сейчас на него вместо пары глаз смотрело одно-единственное око, принадлежащее тошнотворному склизкому существу.

Он покрепче сжал ее — или его, — отдавая себе отчет в том, что ей настолько же неприятны его прикосновения, как и ему, — и поверх плоской разноцветной головы оглядел огромный зал. От обилия цветов и оттенков, совершенно не предназначенных для примитивных человеческих глаз, у Диксона застучала кровь в висках. И, хотя странное создание затихло, повиснув у него на руках, он мог лишь догадываться, как тяжело было жрице сохранять спокойствие.

К его горлу подступил комок, когда стало ясно, что таким образом чудовище выражает абсолютное доверие, хотя, очевидно, боится его. Но Диксон знал, что сойдет с ума, если пробудет тут слишком долго. Он уже перестал различать цвета, пол продолжал вздыматься под ногами, и было понятно, что пришла пора действовать. Поэтому он покрепче сжал дорогое сердцу существо, и чуждые человеческому языку слова, переданные ему сверхразумом, сами вырвались у него изо рта.

Эти слова было невозможно записать никакими письменными знаками, как и проговорить еще раз, потому как на слух они казались едва различимым шепотом. Но в тот момент, как заветные слоги сорвались с губ Диксона, он почувствовал какое-то изменение в самой материи храма. Затем внезапно потемнело. Он с облегчением вздохнул, когда головокружительные цвета покинули его поле зрения, вместе с тем почувствовав, как странное создание у него в объятиях застыло, а время остановилось.

Потом в окружающей тьме начал нарастать какой-то звук, становящийся все громче и громче, пока у Диксона, в конце концов, не заложило уши. Вдобавок к этому, он ощутил исходящую откуда-то вибрацию. Пульсация и шум быстро усиливались, превращаясь в неконтролируемую какофонию звуков. В крошечной тьме происходила настоящая битва богов, невидимая из-за всепоглощающей пустоты, попросту недоступная взору простых смертных.

Ошеломляющий рев все нарастал и нарастал, пока Диксону не показалось, что голова вот-вот расколется от невыносимого грохота побоища, непостижимого для человеческого ума. Пол, казалось, провалился в небытие, а окружающий мир превратился в черный вихрь, и уже невозможно было понять, где низ, а где верх. В воздухе бушевал настоящий ураган скрежета и дребезжания. Ничего не видящий, оглушенный и не понимающий, что происходит, Диксон покрепче прижал свою любовь к груди и замер в ожидании неизвестно чего.

Он потерял счет времени. Стараясь не обращать внимания на суматоху и кромешный мрак, он пытался предугадать, что случится дальше: победит ли золотистая сущность и сможет ли она сделать так, чтобы Диксон с жрицей были вместе, пускай даже и в загробном мире. Теперь он совершенно спокойно думал о жизни и смерти, так как знал, что жизнь без второй половинки подобна мучительной и долгой смерти. Без прекрасной девушки жизнь Диксона уже ничего не значила, и если она умрет, то и он с радостью расстанется с жизнью, чтобы только быть с ней. Его голова кружилась от безумных размышлений и шума великой битвы, бушевавшей неподалеку.

Казалось, сама вселенная превратилась в оглушающий водоворот криков, сражения и безумия, бурлящий целую вечность. Тем не менее, появилось впечатление, что скрежет и грохот стали постепенно сходить на нет. Звон в ушах постепенно ослабевал, и, судя по постепенно стихающим звукам, битва подходила к концу. Вскоре тьму заполнило безжизненное спокойствие.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ ТИШИНА действовала на нервы и терзала уши. В конце концов из темноты донесся громкий и невозмутимый голос. И он точно не принадлежал инопланетному сверхразуму. Речь неизвестной сущности состояла не из слогов, составляющих слова, а из понятных Диксону мыслеформ, передающихся прямо в мозг.

— Моя избранная жрица, — произнес бесстрастный голос. — Неужели ты хотела меня уничтожить?

Диксон почувствовал, как вздрогнуло существо у него в руках, и понял, что оно расслышало вопрос. Он с трудом осознал, что голос, должно быть, принадлежит Илю, — а значит, светящаяся сущность, перенесшая его сюда, пала в бою.

— А тебя, Диксон, — продолжал говорить монотонный голос, — послал мой враг. Ты кажешься мне очень странным созданием, Диксон. Я могу общаться с тобой и видеть тебя только благодаря силам, отнятым у напавшей на меня враждебной сущности. Твой разум для меня сродни хаосу. Какое заклинание ты наложил на мою избранную жрицу? Она больше не повинуется мне!

— Неужели ты никогда не слышал о любви? — громко спросил Диксон.

Вопрос растворился в кромешной темноте, и в воздухе повисла тишина. Диксон ждал ответа, крепко прижав к груди любимую девушку.

— О любви?.. — наконец раздался задумчивый шепот бога. — Нет, я никогда не слышал такого слова. В моей Вселенной нет ничего подобного. Что это такое?

Растерянный Диксон молча попытался сформулировать достойный ответ. Ибо кто на всем свете может дать определение любви? Он мысленно попытался дать понятное объяснение, понимая, что делает это не столько ради бога, сколько ради своей избранницы, пусть она и не могла знать, что такое любовь, и что она значит для него. Когда он умолк, на него снова начала давить гнетущая тишина.

— Итак... — наконец, ответил Иль. — Я понял, что любовь — главенствующий принцип человеческого мира и измерения. Но здесь ее не существует. Какое тебе до этого дело? Любовь возникает между двумя полами вашей расы. А моя жрица бесполоя. Между вами не может возникнуть чувство любви.

— И все же я видел ее в облике женщины, — сказал Диксон. — И я люблю ее.

— Ты влюбился лишь в красивый образ, — проговорил Иль.

— Поначалу, может, так оно и было. Но теперь... нет, сейчас все гораздо серьезнее. Возможно, мы чужды друг другу вплоть до структуры материи, разума, мыслей и даже души. Но, в конце концов, это лишь поверхностное сравнение. Объединяет нас только одно — жизнь. Мы живые, одушевленные и свободные существа. Где-то в глубине души находится та самая искра жизни, благодаря которой мы способны по-настоящему любить друг друга.

Когда Диксон закончил говорить, наступила зловещая тишина.

— А ты, моя жрица? — наконец прервал молчание Иль. — Что ты на это скажешь? Ты его любишь?

Диксон почувствовал, как существо, до сих пор пребывающее у него в объятиях, непроизвольно содрогнулось. Она, — он не мог думать о ней как о бесполом существе, — находилась в присутствии ее бога и слышала, как тот напрямую обращается к ней, из-за чего благоговейный ужас затуманил ее разум. Но через мгновение она ответила тихим прерывистым шепотом, очень похожим на обычные слова, но вместе с тем не являющимися полноценной речью или последовательностью мыслеформ:

— О, великий и могучий Иль, я... я не знаю такого слова. Я лишь знаю, что без Диксона моя жизнь потеряет всякий смысл. Я даже предала свою веру, чтобы освободиться от твоей власти и умереть простой человеческой смертью, воссоединившись со своим возлюбленным в загробной жизни, если, конечно, такая жизнь существует. Будь у меня выбор, я, ни секунды не раздумывая, оставила бы все как есть. Если это любовь — то да, я люблю Диксона.

– Он, – возразил Иль, – существо другой расы, мира и измерения. Ты же видела его настоящий облик.

– Мне все равно, – ответила жрица более уверенным голосом. – Я только знаю, что не могу... не хочу жить без него. Я люблю... не его тело, и не знаю, почему так случилось. Мне лишь известно, что люблю его.

– А я люблю ее, – ответил Диксон.

Все-таки обмен мыслями являлся довольно странным способом общения, привыкнуть к которому было не так-то легко.

– Я не знаю, каким меня видишь ты, но меня немного пугает твоя настоящая внешность, – продолжал он. – Но знаешь, наша встреча меня кое-чему научила. Твой нынешний отталкивающий облик и красивая внешность девушки из моего мира – и то и другое не более чем пустая оболочка твоей настоящей сущности. Мне все равно, как ты выглядишь, потому что это всего лишь иллюзия.

– Да, – пробормотала жрица. – Да, я понимаю. Ты прав. Наши тела, каким бы они ни были, не имеют никакого значения. Все гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд.

– И как же, – прервал ее Иль, – вы будете решать данную проблему?

– **МЫ НЕ МОЖЕМ** быть вместе ни здесь, ни в моем мире, – нарушил молчание Диксон, не дождавшись ответа на мучающий его вопрос. – Быть может, мы обретем счастье только в загробной жизни, но я точно не знаю. А ты?

– Нет, – удивленно ответил Иль.

– Ты... то есть как не знаешь? Ты же бог!

– Вот так не знаю. Я питаюсь существами, зашедшими в священный белый огонь. Но вместе с тем мне все равно чего-то не хватает, но я не знаю и даже не догадываюсь, чего именно. Да... я бог, но не знаю, что будет после смерти.

Диксон долго размышлял над ответом Иля, в словах которого был какой-то смысл, дающий надежду, но он никак не мог его уловить. Вдруг Диксона озарила догадка.

– Ну, тогда!.. – радостно воскликнул он. – Тогда ты не сумеешь разлучить нас! Мы можем умереть и стать свободными.

– Да. У меня нет над тобой власти. Даже если бы я и хотел отомстить тебе за попытку моего свержения, то все равно не смог бы этого сделать. Ибо не знаю, что будет после... смерти. Но смерть, так или иначе, дарует вам свободу.

Диксон сглотнул внезапно застрявший в горле комок. Сомнения и подозрения терзали его душу.

— Ты сделаешь это ради нас? — почти что против своей воли спросил он. — Освободи нас!

В гробовой тишине, дожидаясь ответа, он попытался осознать, что стоит на пороге смерти, думая о том, что его ждет в загробном мире. Но в одном Диксон был уверен точно: после смерти жизнь не кончается, и ничто не сможет разлучить его с возлюбленной. Это было только начало, и оно требовало продолжения, способного дать ответы.

Нет, любовь, связавшая два таких разных существа, просто не могла погаснуть с их смертью. Для этого их чувства были слишком прекрасными... и сильными. Диксон уже не испытывал ни малейшего страха и даже смотрел в будущее с теплившейся в груди надеждой. Что же будет дальше? Как изменится их жизнь? Какие межгалактические приключения им предстоит пережить? Он почти что с нетерпением ждал скорой кончины.

— Тогда умри, — совершенно спокойно велел Иль.

На мгновение воцарилась непроглядная тьма. Затем ее прорезала искорка света, а все вокруг затряслось.

И Иль остался один.

The Bright Illusion, (Astounding, 1934 № 10), пер. Игорь Фудим, при участии Александры Заушиниковой

ASTOUNDING STORIES

SEPT. 1935

20¢

CONTENTS COPYRIGHTED 1935

THE BLUE INFINITY

By John Russell Fearn

Stories by

C. L. Moore

Donald Wandrei

Frank B. Long, Jr.

Jack Williamson

John Taine

The Largest Circulation of any Science Fiction Magazine

ВЕЛИКОЕ ЧУДО

I

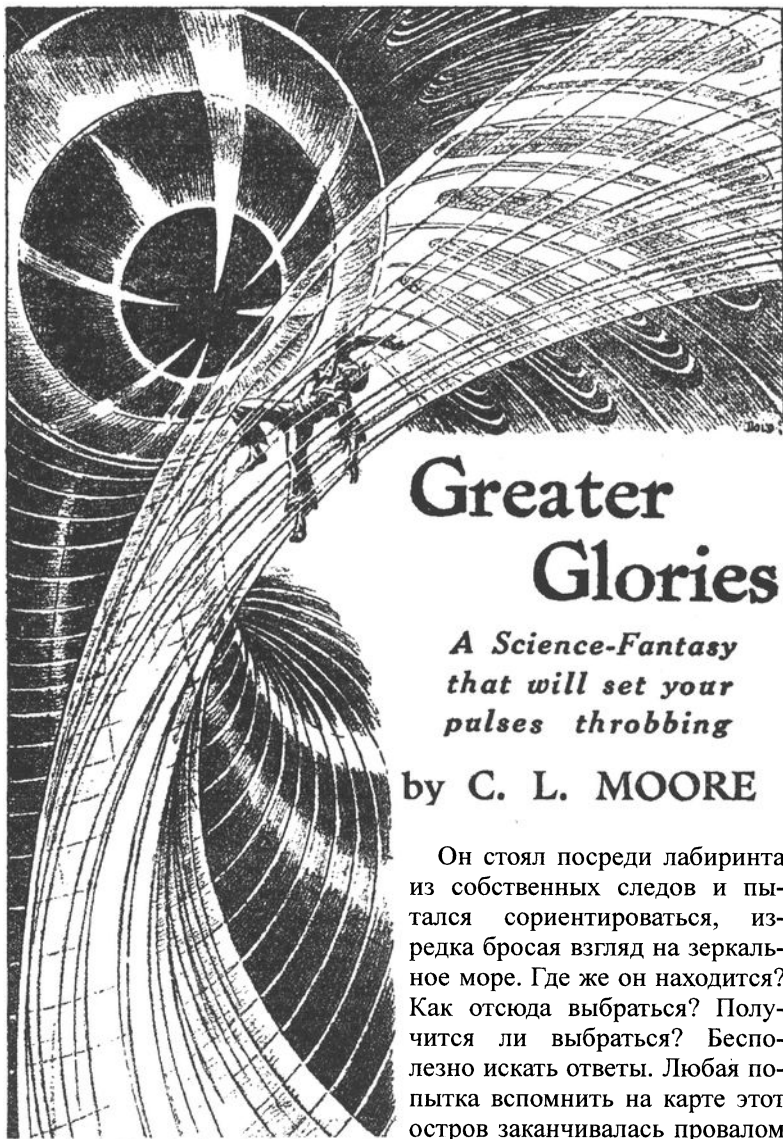
СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ, бьющий по закрытым глазам, вывел его из небытия. Он с трудом распахнул веки и увидел нагретое лучами солнца лазурное небо, а через некоторое время уже смог выбраться из отмели на песок, прежде чем снова отключиться.

Когда очнулся снова, солнце уже зашло, оставив на пустынном пляже сумеречную тень. Он чувствовал себя относительно хорошо, хотя тело сковывала какая-то легкая усталость. Взору открылось темно-синее небо, лазурное море и блики солнца на блестящей воде. За рифом виднелся разбитый вдребезги остов корабля – грубый кусок скалы стал его погибелью.

Кроме него, на пляже никого не было. Никаких других следов выживших после вчерашней катастрофы на пустынном гладком пляже. К сожалению, ничего уже не поделаешь. Его удача оказалась сильнее удачи остальных. Он поднялся на ноги и взглянул куда-то вглубь острова. Впереди был лишь спутанный лабиринт цветущих джунглей, ровными рядами толпящихся у пляжа.

Первой мыслью было, что, возможно, они слишком сильно отклонились от курса. Судя по картам, суши в этих морях быть не должно. Какой бы шторм вчера не бушевал, они вряд ли смогли бы дойти до суши, даже до маленького островка. Судя по всему, этого места не существовало. Риф, рваный и бугристый, возник здесь буквально в считанные минуты прошлой ночью.

Он поплелся вдоль берега по гладкому белому песку, постоянно оглядываясь вокруг на предмет других выживших, в отчаянии желая найти хоть какой-то факт, доказывающий, что он здесь не один. Но ничего не было. После продолжительных поисков он присел отдохнуть и совершенно внезапно для себя погрузился в глубокий полуобморочный сон. Проснувшись, снова принялся рыскать по пляжу в поисках следов других людей. Спустя долгое время его замысленному взору предстали, вроде бы, чьи-то следы, и он, отчаянно вопя во все горло, побежал по ним, спотыкаясь и падая. Однако вскоре он понял, что это были его собственные следы, которые он, сделав несколько кругов по пустынному пляжу, принял за следы другого человека. Он обошел все вокруг и теперь окончательно убедился, что лишь ему удалось пережить вчерашнюю ночь.

He was whirled with dizzying suddenness into a maelstrom of violence. It swept him irresistibly along paths of whirlpool madness.

Greater Glories

*A Science-Fantasy
that will set your
pulses throbbing*

by C. L. MOORE

Он стоял посреди лабиринта из собственных следов и пытался сориентироваться, изредка бросая взгляд на зеркальное море. Где же он находится? Как отсюда выбраться? Получится ли выбраться? Бесполезно искать ответы. Любая попытка вспомнить на карте этот остров заканчивалась провалом из-за того факта, что этого места вообще не должно быть здесь — оно появилось в результате шторма.

With sudden terror he realized the girl was fading, she was melting into the colored fog from which she had sprung.

Он устало пожал плечами и прекратил думать. Тем более, что мыслям мешали подступающие голод и жажда. Кривая усмешка приклеилась к его губам. Необходимо исследовать джунгли, но он плохо подготовлен для этого — нет ни нормальной обуви, ни даже

мало-мальски пригодного ножа. И вот, босиком, в рваных засоленных лохмотьях, с легким головокружением от шока, голода и пронзительной боли после вчерашней схватки с волнами, он побрел в джунгли, надеясь найти хотя бы пару упавших фруктов.

Подлесок был не густой. Огромные, увитые лозой деревья стояли достаточно далеко друг от друга, практически не мешая идти мимо них. И нигде не было слышно ни звука – полная тишина. Он понял это, когда достаточно отдалился от берега, продолжая погружаться в этот омут безмолвного затишья. Инстинкт заставил его двигаться так, чтобы не нарушать эту тишину.

Стараясь ступать как можно мягче и прислушиваться к любым звукам в подлеске, он не раз и не два ловил ощущение, что слышит какого-то мелкого грызуна, снующего в траве, впрочем, удостовериться в источнике звука не мог, что только усиливало чувство нарастающей тревоги. Над головой изредка раздавалось тихое хлопанье крыльев, однако и птиц ему не удавалось разглядеть. Он уходил все глубже и глубже в тишину, а незримые обитатели леса, казалось, продолжали его преследовать даже в чаще.

Голод и жажда все сильнее овладевали им, из-за чего иногда джунгли перед затуманенными глазами раздвигались в стороны, а почва буквально вздымалась под ногами. Он по-прежнему не видел ни одного живого существа, хотя шорохи грызунов и хлопанье крыльев птиц преследовали его повсюду, словно насмехаясь. Чувство тревоги нарастало. Как и накатывающаяся волнами усталость, и если бы он ей поддался, то уже не смог бы идти дальше.

Через некоторое время он споткнулся о змеевидный корень дерева и рухнул на замшелый мох, даже не пытаясь после этого подняться. Цветочный полумрак успокаивал его больное тело, заглушал яростный грызущий голод. В какой-то момент ему показалось, что он плывет по воздуху, освободившись от физического тела. Он больше не чувствовал под собой опоры, ему казалось, что он качается на морских волнах.

Тишина сомкнулась вокруг него, заливаясь в голову, словно вода. Он позволил ей наполнить тело, пока не возникло ощущение, будто мягкое течение уносит его все глубже и глубже, в какую-то бесконечную глубину сквозь плотные слои зеленого безмолвия. Внезапно течение всколыхнулось, точно от пульсирующего прилива, напоминавшего холодную дрожь.

Он лежал в полубессознательном состоянии от голода и усталости, медленно погружаясь в царство Морфея... все глубже... и глубже... и глубже...

Тонуший мозг смутно осознавал, что ждет его на глубине, пытается тщетно ухватиться за самую малейшую грань рассудка.

Мучительный голод не давал покоя. Он очень неохотно приоткрыл глаза, вглядываясь в гущу зеленого сумрака. Возникло чувство чьего-то незримого присутствия, которое было очень близко, но исчезло, когда разум снова всплыл на поверхность реальности из глубин бессознательности.

Поднялся легкий ветерок, отчего лианы на деревьях методично закачались, передавая листьям легкую дрожь. Вместе с ветерком пришел и странный шепот. Ночной лес озарился шепчущей тайной, которая буквально зашуршала в его голове с присущей безумной бессвязностью, хотя и была очень похожа на обычную человеческую речь.

Он сел, изредка моргая. Окружающая природа приобрела какие-то новые, доселе невиданные черты, но столь сильно напоминающие человеческие, дрожащие под гнетом ветра. Или не человеческие, но...

Внезапно, на одно короткое мгновение, он смог разглядеть чье-то могучее лицо. То был не человек и не зверь, лишь только размытый, неясный и сложенный из листьев лик. Он застыл на несколько мгновений, после чего ветер разорвал его, рассыпая вокруг ворохи шепчущих листьев.

ВНЕЗАПНО ДЖУНГЛИ озарились жизнью, чужой и враждебной, повергающей его в ошеломляющий ужас. Он вскочил на ноги и побежал, спотыкаясь, падая, прорываясь сквозь подлесок и хлещущие по лицу лианы. Присутствие незримого лика преследовало его, казалось, он видит его в каждом дереве, в каждой кроне, в каждом скоплении ветвей. Деревья склонялись, пытались помешать ему. Листья шептали, смеясь над ним. Он бежал, не разбирая дороги, как добыча, которая яростно цеплялась за свою жизнь в этих мертвых призрачных лесах.

Когда к нему вернулся рассудок, он замедлил шаг, но по-прежнему продолжал продираться сквозь лианы, которые свисали с ветвей могучего леса, как гирлянды. В нос ударял опьяняющий запах сумеречных цветов. Он уже не помнил, как оказался здесь, кроме того, что от кого-то убежал. Но теперь кошмар, дышащий ему в затылок, утих. Покой снизошел на него так же, как сумрак накрыл джунгли своим темным телом. Он поднял глаза и посмотрел вперед, сквозь переплетение лиан.

Впереди маячило что-то темное и огромное. Стена за деревьями – более четкого определения у него не возникло. Он смотрел за-

туманенными глазами, пытаясь получше рассмотреть непонятную стену, пока мозг придумывал более разумные объяснения, что же это такое. Волны слабости накатывали и вновь отступали, как набегаящий прилив подкрадывается к скале, когда каждая волна кажется чуть выше предыдущей. Он стиснул зубы и, спотыкаясь, двинулся к стене.

Вскоре он уже забыл, как вступил в темноту. Он двигался вперед, как заколдованный, устремив загипнотизированный взгляд на странное сооружение. Пройдя под последними гирляндами-лианами, он оказался прямо перед ней. Ему показалось, что он краем глаза распознал в материале стены камень. Все это говорило о том, что стена могла быть искусственным сооружением, если бы не странно размытые ее очертания, что даже на близком расстоянии мешали глазам сфокусироваться непосредственно на огромных каменных блоках.

Внезапно его с мягкой, но неумолимой силой притянуло к стене, как муху прижимают к стеклу. Стена не была ни теплой, ни холодной, но он ощущал огромную силу этого, казалось, живого и размытого строения. Некая сила пронеслась сквозь него, неизвестно как передавшись через прикосновение.

На какое-то мгновение все расплылось. Казалось, стена будто бы поглощает его.

Он буквально чувствовал всем телом, как атомы организма сливаются в единое целое с атомами сооружения. На какое-то мгновение все вокруг, как и он сам, рассыпалось на мельчайшие частицы. Он не мог понять, что именно происходит, потому что разум также, казалось, расслоился на отдельные куски. В памяти образовывались целые массивные провалы, будто в земле кратеры после метеоритного точечного дождя.

II

Вокруг стояла темнота. Он слился со стеной.

Оставалось только замереть и ждать, пытаясь собрать воедино все части своего измененного и неуправляемого сознания. Темнота вокруг начала постепенно проясняться по мере того, как глаза привыкали к ней. Ему показалось, что он стоит в каком-то сводчатом коридоре, сквозь стены которого проклеивается странный, слабый багровый свет.

Спустя какое-то время гробовая тишина нарушилась глубоким пульсирующим биением, накатывающим волнами на окружающее

пространство и становившемся все тяжелее по мере того, как чувства потихоньку приспособлялись к этому мистическому месту.

Наконец, он достиг середины этого коридора. Голова опухала от наплывших ощущений. Он потерял равновесие, делая следующий шаг, но сумел не упасть. Зал явно не предназначался для человека. Огромная труба, пол и стены изгибались вверх. Минуту поколебавшись, он двинулся туда. Пульсация, казалось, исходила откуда-то сверху.

Из-за наплывающего головокружения ему все тяжелее и тяжелее становилось трезво оценивать происходящее вокруг, пока ноги сами несли его по трубчатому коридору. Он все брел и брел вперед, не думая ни о чем, даже о еде и отдыхе.

Таким образом, медленно пробираясь сквозь краснеющий полумрак, он чувствовал жизнь этого места каждой клеточкой своего тела. Сам воздух, казалось, гудел от невидимой деятельности, существующей ради какой-то таинственной цели, слишком далекой от понимания. И эта пульсация все усиливалась и усиливалась, продолжая струиться вокруг и уноситься куда-то вдаль.

Он долго поднимался по довольно пологому полу сквозь невидимую гудящую силу, с трудом преодолевая ее тяжело протекающий через его затуманенное сознание поток.

Прошло много времени, прежде чем в голове не раздался странный неземной звон, а поток пульсирующей силы вокруг не увеличился до сильного вихря.

Этот вихрь подхватил его с ошеломляющей внезапностью и закружил, сбивая с ног. Сами стены закрутились, и вся незримая сила этого мистического места обрушилась сверху, прямо на голову, пока чувства окончательно его не покинули, и все вокруг не заполнила безумная багровая тьма.

Вакханалия закончилась так же внезапно, как и началась. Его буквально выбросило из центра головокружительного вихря куда-то в темноту, оставив в теле лишь пульсирующую боль. Должно быть, здесь находился источник пульсации, потому что ее сила оказалась настолько велика, что буквально ударила его с каждым разом прямо по голове.

Однако эти мощные пронизывающие удары силы постепенно возвращали ему утраченное ранее сознание. Он больше не чувствовал себя ошеломленным и сокрушенным силой этих невидимых пульсаций. И больше он не боролся с ними. Теперь они проходили сквозь его тело мощными неподатливыми импульсами, похожими на удары сердца, пронизывающими каждую клеточку. Он стал одним целым с силой, которая пронеслась через это место.

Он открыл глаза, поморгал и сделал глубокий, но словно неуверенный вдох, изумляясь происходящему. Сила стремительно текла сквозь него. Разум был кристально чист: он больше не чувствовал голода, жажды или усталости. В новой ясности своего сознания он интуитивно понял, что эти мощные импульсы, бьющие через него, подпитывали тело и служили отдыхом и исцелением от всех недугов.

После исцеления от физических недугов он впервые осознал свое затруднительное положение и устался в темноту с пробуждающимся изумлением.

Куда? Что? Почему?

В мозгу пронесся шквал вопросов. Сквозь темно-красный сумрак он смутно разглядел что-то, лежащее в конце комнаты под самым странным углом.

Пол тоже был изогнут, как и потолок. Красные сумерки дрожали с пульсирующей силой, так что стены, казалось, сжимались и расширялись. Он чувствовал, как его же тело сжимается и расширяется в ритме этого мощного удара. Мир сузился до красной тьмы, сквозь которую пульсировали невидимые раскаты грома, и все в багровом полумраке билось в унисон.

Под его руками пол был твердым и гладким, и при этом не излучал ни тепла, ни холода. Он ощутил какое-то движение и поднял голову... Далеко вверху он скорее почувствовал, чем увидел огромную багровую крышу, наклоняющуюся к изгибающимся стенам. Он прислушался. Тишина тяжело отдавалась в его ушах, хотя удары силы все еще бились в нем с интенсивностью куда более мощной, чем звук.

ВНЕЗАПНО ЕГО осенило. Здешние залы представляли собой артерии, которые вели к сердцу. Трубчатый коридор, по которому он шел, имел форму кровеносного сосуда. Даже та сила, которая забросила его в это место, была лишь сердечным ритмом.

Он нахмурился и припал обеими руками к полу. Нет, то не было прикосновением к чему-то живому — в конце концов, он же видел стену, состоящую из каменных блоков, значит, и здесь так. Однако это место определенно было большим, чем просто неодушевленное сооружение. Его пронизывала живительная сила, текущая по коридорам-артериям и проистекающая прямо из огромного сердца.

Чья рука возвела это строение на этом богом забытом острове? Что это за неизведанная форма жизни? Раз у нее есть сердце и соуды, то должен быть и мозг, не так ли? Эти мысли ошеломляли.

Что это вообще такое? Для каких целей построено? Может, это какой-нибудь древний храм давно забытого бога, в котором все еще сохраняется присутствие бывшего божественного величия? В таком случае, что это за бог? Звериная ли у него форма или же он подобен человеку? Коридоры-артерии, зал-желудочек, клапан — все отличалось точностью форм. Почему же тогда снаружи все выглядело размыто? Могли ли здесь обитать живые существа? Или же эта странная сила была дарована этому месту для сдерживания любого, кто попытается проникнуть внутрь? Кроме тех, кого впустили специально...

Если бы только он мог выйти сейчас из этого сооружения и взглянуть на него еще раз снаружи, оценить его внешнюю форму. Но он ничего не помнил, кроме расплывающихся очертаний. Являлось ли это результатом слабости его взора или же обычным свойством стен сооружения? Свойством, граничащим с магией.

Ему вспомнился могучий лик, который на мгновение явился в джунглях. Незримое присутствие, которое он ощущал, когда лежал в полубоморочном состоянии посреди зелени. Теперь он был уверен в том, что стоит на пороге какого-то настолько грандиозного открытия, что мозг едва мог его осознать.

Все его искания, вопросы — почти все, что было в сознании, мгновенно улетучилось, когда нечто с головокружительной внезапностью подхватило его в новый водоворот энергии. Оно неудержимо несло его куда-то по путям водоворотного безумия из желудочка, сквозь клапаны, по артерии, дальше и дальше через красную полутьму вниз по коридору.

Он слился в единое целое с этим ожившим храмом неистового и неизвестного божества. Сила, текущая по этому месту, пронеслась сквозь него, не встретив сопротивления. Он несся вслед за ней, кружась по сосудам и артериям.

В его голове промелькнула смутная мысль о том, что этот храм, возможно, не был построен по принципам человеческого организма. Его собственные знания о строении человеческого тела изнутри были весьма ничтожны, но ему, тем не менее, удалось осознать, что мрак и темнота впереди не имеют ничего общего с анатомией тела.

Сила, несущая его по темным безмолвным коридорам струящейся энергии, перенесла в место, озаренное светом и звуками, с трудом уложила на пол огромной комнаты и растворилась в рассеянном шепоте и вздохах. Он болезненно заморгал и сел.

Комната, в которой он находился, не имела ничего общего с тем, в чем он мог бы признать живой орган. Арочный высокий потолок

неправильной формы, пол плавно изгибался к стенам с розовыми прожилками, что, впрочем, он видел и до этого. Внезапно ему снова пришла мысль о том, что это место не предназначено для человека. Оно могло быть создано рукой живого существа, но не для таких же живых существ.

Сущность, обитавшая в этих сумеречных коридорах-сосудах, наполненных энергией и пульсацией, не была живой. Она лишь наполняла собой стены этого храма и защищала его от вторжения извне. А он оказался здесь только потому, что она позволила ему войти, в этом нельзя было сомневаться. От этих мыслей его сердце затрепетало.

В пульсирующей атмосфере вокруг разносились тихое бормотание, чье-то дыхание, едва уловимые запахи и звуки, не имеющие никакого происхождения или значения. Свет, озаряющий усеянными розовыми прожилками помещение, просачивался через напоминающее окно отверстие, которое расположилось где-то высоко на одной из стен. В его полупрозрачном стекле неспешно плыли молочно-белые облака. Сам же свет затуманивался какими-то рассеянными цветами, и все это сочетание создавало ощущение беспорядочности.

Вокруг окна он увидел ряды больших, круглых, симметричных отверстий, значение которых он никак не мог понять. Были и другие, такие же странные, но уже не симметричные. Они никак не откладывались в его блуждающем сонном разуме. Из них доносились тихие, ласкающие слух, бессмысленные звуки. Из других же, расположенных выше, излучалось что-то, что нельзя было увидеть, услышать или почуять.

Через одно из отверстий непрерывно тянулись тонкие струйки дымчатого вещества с восхитительным запахом, сопровождаемые едва уловимым приятнейшим звуком, создавая ощущение необъяснимого счастья и радости. Он чувствовал что-то еще, что проходило мимо глаз и ушей, и что он не мог ощутить ими. У него не было подходящего органа чувств, чтобы ощутить это, но он точно знал, что оно существует.

Если, как ему показалось через некоторое время, окно отдаленно соответствовало глазу, а те отверстия, из которых исходил звук, были внутренним ухом, то существо, по образу которого был построен храм, должно было обладать куда более обширным спектром чувств и органов, нежели человек. В его памяти всплыл отрывок из стихотворения:

*...Средь леса, вдали от обычного люда,
Местные духи пряят предо мной.*

*Боюсь, что на грани Великого Чуда,
Буду бродить я, как жалкий слепой...**

Возможно, спектр чувств этого существа был настолько велик, что оно могло воспринимать по-настоящему грандиозные чудеса, о которых человек не мог даже мечтать.

III

ОН ЛЕГ на пол, упиваясь рассеянным светом, звуками и ароматами этого места, отдаленно ощущая удары могучего сердца божественного сооружения. Вскоре он снова начал ощущать чье-то присутствие в большом зале. Что-то живое, незримое и безмятежное. Хотя нет, не совсем безмятежное. Даже немного тревожное. Он лежал неподвижно, чувствуя, как беспокойство заполняет комнату. Оно словно не могло понять, кто он такой.

И вдруг в голове возникла мысль, пришедшая извне, короткая и емкая:

— Здесь есть кто-то, кроме нас?

— Да, — ответил он вслух.

По комнате пробежала дрожь. Стены расплылись. Свет на мгновение потускнел, а звуки смешались в еще более бессмысленные сигналы.

— Никогда не говори вслух, — прогремел приказ в его голове. — Никогда в нашем присутствии. Кто ты вообще такой? Откуда взялся? Но не смей говорить вслух! Отвечай только мыслями. Ты... живое существо, которое явилось извне? Объясни свое происхождение. Ты... человекоподобный?

— Да. Я... я человек. Потерпел кораблекрушение, очутился на этом острове и...

Пока он запинался, пытаясь описать то, что произошло с ним, безмолвный голос словно бы понял его сразу же, словно залез в голову и прочитал все мысли, которые человеческий мозг не смог сформулировать словами.

— Да, — голос в голове стал задумчивым. — Да, мы почти забыли, что ваш род еще существует. Прошло много веков с тех пор, как мы последний раз говорили с таким, как ты.

— Но где же я? Что...

Как и прежде, ответ опередил вопрос, так что еще до того, как слова-мысли покинули мозговой центр, внутри него словно вспыхнул огонь, освещающий память. Ответом были не слова, произнесенные

* Генри Кемп. «Слепой». Поэма. Пер. Александр Штрамм

голосом, а словно поток чистого знания. Как будто он вспомнил что-то давно забытое.

Картины заплесали в голове яркими воспоминаниями. Он видел хаос и свершения: расу, мало чем отличающуюся от его собственной, но вся она была поглощена лишь одной задачей. Они что-то строили, но что именно и для чего, он понял не сразу. Оставалось лишь наблюдать за их работой, пока время неслось вперед со скоростью света. Смертность и рождаемость колебались в зависимости от числа трудящихся, пока сменялись засуха и полноводие, голод и плодородие. Невзирая ни на что, этот народ посвятил свою жизнь завершению чего-то, что сам не мог осознать.

Для него же это были не собственные воспоминания, а будто увиденные на экране картинки из прошлого. Много было ему непонятно: смысл имело только то, что он мог осознать через призму своего личного опыта. Таким образом, он наблюдал, как под руками множества поколений формировалось сооружение, поднимавшееся с течением времени все выше и выше.

Постепенно до него дошло, что это и было то самое здание, в котором он сейчас находится – оживший храм. Они строили его с такой кропотливой точностью, что целые поколения могли трудиться над углом стены или изгибом коридора-артерии. Все это было создано по подобию неизвестного ему живого существа. В храме не было никаких дверей – только голые, размытые стены. Даже когда храм, наконец, был достроен, он не мог разглядеть его очертаний и понять, в виде чего он сделан. Пустая размытая оболочка без единой капли жизни внутри.

Теперь воспоминания сменились с картинок на стремительные приливы силы, разрастающиеся до такой степени, что вся энергия этого места теперь несла знания о себе и о том, что происходит. Раса, построившая храм, всем своим коллективным разумом пыталась создать жизнь внутри сооружения. Каждый отдельный разум сконцентрировался на общей цели, отбросив любые другие, отгородившись от всего остального, замкнувшись во времени, пространстве и материи, чтобы собрать всю свою волю и пробудить жизнь.

Вот так родился Хранитель. Из слияния бесчисленных умов и чистой цели, захватившей всю расу, рождался новый единый разум. Неопишуемая смесь, обладающая парадоксальным слиянием индивидуальности, но не знающая единства. *Я*, мыслящее, как *Мы*.

Поток воспоминаний прекратился. Из пустоты, которую голос оставил после, в сознании возник вопрос.

– Ты понимаешь?

Он увидел огромную безличную отчужденность, далеко превосходящую все, что было похоже на презрение. То был голос миллионов, обращенных к одному. Он не чувствовал обиды. Только ошеломление от их величия:

— Я понимаю, — робко ответил он. — Но зачем? С какой целью все это было сделано? Когда? Кто?

— Их имена тебе ни о чем не скажут, как и для народа, давно всеми забытого. Но цель их состояла в том, чтобы творить. В мире никогда не было ничего совершенного. Мы же хотим создать такое, в котором значение имело лишь одно — простое счастье. Но ни один ныне существующий мир не подходит для этого, ни одна ныне существующая раса не способна жить счастливо в условиях совершенства. Однако наша так сильно его желала, что взялась за создание такого мира и такого народа. Потому мы и приняли эту форму. Свершение настолько масштабно, что мы до сих пор лишь закладываем в него фундамент. Но мы добьемся успеха. Мы обязательно добьемся. Смотри!

Внезапно его охватила сила, превосходящая все, с чем он сталкивался прежде. Его так быстро подбросило, что казалось, будто время остановилось, после чего понесло к окну.

Сквозь полупрозрачное стекло он увидел серую плоскость пустоты. Повсюду сновали туда-сюда смутные тени, которые то исчезали, то становились такими четкими, что можно было разглядеть какие-то очертания. И что-то вроде благоговения охватило его, когда он впервые четко осознал способность к включению, которая жила в этом сложном уме. Частью своего сознания он говорил мысленно, вызывая воспоминания из своей расовой памяти. И все же была бесконечно большая часть, которая пробиралась сквозь пустоты в поисках совершенства, отбрасывая тени на эту серость, которую он наблюдал. Разве не ощущал он за ними могучего третьего, безмятежно и одиноко размышляющего над безмятежными, вечными проблемами?

В этих размышлениях было космическое головокружение, вызывающее смятение всех чувств. Он снова повернулся к пустоте снаружи, и, пока смотрел, она начала приобретать глубину и движение, беспокойно шевелясь. Вскоре он понял — что-то готовится. Туманная масса катилась в одну сторону, все выше и выше, сгущаясь в туманную тьму, которая постепенно превратилась в окутанную туманом гору, горную грядку, длинную рваную панораму покрытых вуалью вершин, поднимающихся на фоне небытия.

Высоко в облаках что-то блеснуло белым. Башни, стены, обретающий очертания нереальный город. Он медленно поднимался, его

очертания менялись и снова формировались, пока он не стал высоким и сияющим, как корона на горных вершинах. Над ним клубились тучи. Два-три раза в темноте блеснул ослепительный свет.

Когда туман рассеялся, по всем фиолетовым склонам раскинулся город. Горы сливались, бледнели, редели. Туман вздымался большими мягкими волнами, чтобы снова затмить их, и серая пустота снова сомкнулась над исчезнувшим творением.

И все же туман беспокойно вздымался, взбаламученный блуждающим разумом присутствия в туманные формы, которые постепенно тускнели. Он видел скалистые берега, над которыми вздымались волны клубящегося тумана; он видел широкие равнины, которые выгибались дугой, переходили в горы и снова таяли в ничто. Огромные расплывчатые очертания пробивались сквозь туман, чудовища из самого отдаленного рассвета эволюции и один-два человеческих силуэта мелькали в полумраке. Большие города обретали форму и снова исчезали. Реки беззвучно неслись вниз по окутанному туманом ущельям к туманному морю. Но серая мгла поглотила все и беспокойно зашевелилась в рождении других вещей.

ОДНАКО НЕ ВСЕ фрагментарные творения были чисто материальными. Он уловил странные смутные волны эмоций, пробивающиеся сквозь туман, каким-то образом воспринимаемые внутренним зрением, которое пробудило в нем это присутствие. Этот огромный разум притягивал волны насилия и мира через плазму миров, в которых он экспериментировал, объединяя эмоции в странные паттерны, чтобы произвести реакции на разум наблюдателя, которым он не мог дать названия и никогда не мечтал о существовании.

Он понял, что нечто строило сложные структуры из этих узоров точно так же, как оно строило горы и города, и, подобно им, отображало все в беспокойном поиске своей, пока еще скрытой цели.

Внезапная вспышка света в постоянно меняющемся полумраке внезапно оторвала его от тщетных попыток следить за работой сложного разума. В одном недоуменном взгляде он увидел сквозь туман просвечивающую фигуру девушки. У него перехватило дыхание, он нетерпеливо подался вперед. Ее реальность была ошеломляющей, как удар, острая, живая, она была живой посреди измеченного ничто.

В момент ее появления показалось, что он почувствовал внезапное напряжение в огромном сложном нечто, которое наполняло его. Что-то вроде пробужденного интереса, удивленного и внимательного, сосредоточенного на нем самом. Это было не более чем

мимолетное впечатление, потому что все его внимание сосредоточилось на яркой фигуре этой девушки. Было в ней что-то такое, что вызывало любопытство в его чувствах, даже в том мимолетном взгляде, который был единственным, что он видел в ней. В это мгновение он понял только, что она прелестна, стройна, легконога и до странности знакома. Но как только его глаза нашли ее, она исчезла, как дым исчезает на ветру, расплылась и растаяла, пока не превратилась в яркое пятно плывущего пара, вокруг которого снова сомкнулась тьма.

Ярость внезапно вспыхнула в нем, когда веселый туман исчез. Горькая утрата и боль тоски. Внезапное желание каким-то образом последовать за ним, острая необходимость взглянуть поближе в живое лицо, которое он едва видел. Желание быстро вспыхнуло в нем. Его настойчивость, должно быть, затронула великое присутствие, столь странно сосредоточенное на происходящем, потому что голос произнес в голове: «Иди сюда». И вдруг все расплылось.

Он не понимал ничего, кроме этого. И снова нечто двинулось по тем путям, которые лежат вне времени, так что без всякого движения он в одно мгновение был поглощен туманом, за которым наблюдал издалека.

Вместо стен Большого зала вокруг него клубился туман. Ноги давили на какую-то невидимую губку, и в ноздри ударил странный, пустой запах тумана. Лишь много времени спустя ему пришлось в голову задуматься, не в своей ли материальной форме он пробирался сквозь туман.

Так или иначе, ощущения его сознания были такими же, как и у тела, и он каким-то отстраненным незаинтересованным образом осознавал присутствие и других ощущений, безымянных и новых. Он не обращал на них внимания. Он был ослеплен, потерял и немного ошеломлен внезапностью перехода, но яркое воспоминание о девушке все еще пылало в его глазах. Он побрел вперед сквозь серость в безнадежной надежде, что еще сможет найти ее.

Земля смущенно прогнулась под ногами. Он барахтался в темноте, как человек в глубоком снегу. И вдруг он уловил легкий аромат и увидел впереди в клубящемся тумане слабое цветное пятно. Он рванулся вперед, затаив дыхание в безумной надежде, что вот-вот снова увидит эту исчезнувшую прелесть.

Краски ступились и побежали изменчивыми узорами по туманным венкам вокруг него, пока он не встал, утопая в радугах. А потом они начали сближаться. Затаив дыхание, он наблюдал. Цвета прояснились и сконцентрировались. Плавающие узоры побледнели. Медленно из розового тумана снова появилась девушка.

Тонкие изгибы ее тела становились все отчетливее и отчетливее сквозь завесу тумана. Она постепенно воплощалась в реальность, пока не оказалась живой, веселой и очаровательной перед его жадным взором.

IV

ОНА КАЗАЛАСЬ знакомой. Не было ни одной черты лица, которую он не знал бы раньше. На мгновение он пристально вгляделся в голубые, завораживающие глаза на столь знакомом лице, прежде чем она закружилась в облаке из своих же светлых волос и исчезла в тумане, как в воде.

– Подожди! – звал он. – Стой! Вернись!

В ответ послышалось лишь тусклое эхо его крика. Он бросился за ней в туман, судорожно протягивая руки в пустоту и еле передвигая ноги по мягкой земле. Вскоре заметил впереди в серой мгле вспышку белого и снова крикнул:

– Стой!

На этот раз она, должно быть, услышала его и, к его удивлению, остановилась в нерешительности, оглянувшись через плечо. Он снова позвал ее. Она медленно повернулась и пошла обратно сквозь туман, наклонив голову и рассыпав длинные волосы по плечам. Он увидел, что к этому времени ее лицо потемнело и приобрело более теплый оттенок, и глаза тоже потемнели. Она была нестабильна, как изменчивая местность вокруг нее. Блуждая в тумане, точно белый призрак, она приблизилась к нему.

Когда она подошла, туман вокруг рассеялся. Тусклый лес поднимался во мраке, как столбы дыма; призрачные деревья склонялись над ее румяной головой. Она, казалось, не замечала их присутствия. Долгая дрожь того странного, неописуемого чувства, которое он ощутил, наблюдая за жутким окружением, вдруг пробежала по туманному лесу. Вся сцена зарябила, как отражение на воде, и его собственный разум задрожал и затуманился от мимолетного напора. Но девушка спокойно подошла к нему, не тронутая.

Когда она наконец остановилась перед ним, ее волосы потемнели до блестящей черноты, а теплый коричневый цвет скрывал бледность ее тела. Ее глаза, ярко-темные за резными ресницами, смотрели сквозь него с невидящим спокойствием.

– Посмотри на меня, – приказал он.

Темный взгляд не дрогнул. Безмятежно пустая, она проплыла мимо него, устремляясь в пустоту. Ее прекрасные знакомые черты

не были омрачены ни малейшим следом эмоций, ни малейшим намеком на разум в черных блестящих глазах...

Он порывисто схватил ее за плечи и наклонился к ней лицом. Под его руками ее плоть была теплой, упругой и гладкой, но в ней чувствовалось непередаваемое ощущение непостоянства, как будто в любой момент это округлое тело могло раствориться в тумане, из которого оно возникло.

— Посмотри на меня, — повторил он и сосредоточил всю свою волю на том, что она должна увидеть его, что ее разум должен пробудиться и ум появиться за пустым блеском глаз.

Ничего не видя, она смотрела мимо сквозь него в небытие.

Он стиснул зубы и крепче сжал ее плечи, направив всю свою волю в сильнейший мысленный послыл, что она должна увидеть его. От напряжения кровь неистово шумела в висках, и все вокруг растворилось, кроме одного — больших черных глаз.

Концентрация очень скоро принесла свои плоды. В безмятежных глазах, наконец, пробудилось слабое мерцание жизни. Заметив это, он почувствовал триумфальный прилив сил, который вложил без остатка в новый мысленный послыл разума.

В пустых глазах постепенно пробивалось возбужденное мерцание, а по лицу пробегало легкое волнение. Время практически остановилось, уступая место мучительному и, казалось, бесконечному напряжению в голове, пока он пытался своим разумом пробудить в ней жизнь. И она пробуждалась.

Она смотрела на него с зачарованным изумлением. В ее глазах постепенно расцветало осознание жизни, губы тихонько задрожали. Он чувствовал, как под его руками дрожь передается всему ее телу. Внезапно она коротко, приглушенно вскрикнула, а затем поспешно закрыла руками лицо.

Он отступил назад, предварительно опуская ослабевшие от напряжения руки. Ему удалось. Девушка стояла на месте, глядя на него широко раскрытыми глазами, прижав руки к вспыхнувшим огнем щекам, на лице было написано тревожное удивление. И теперь, когда ее лицо засветилось яркими красками, узнавание усилилось вдвойне, сбивая его с толку еще сильнее.

Сосредоточенность в ее зоре пробудила что-то теплое и приятное в его измученном сознании. Он мягко улыбнулся. Ее губы дернулись и изогнулись под невиданным доселе углом. Она улыбнулась в ответ, как смогла. Будто впервые поняла, как это нужно делать. Его захлестнуло чувство гордости. Он создал жизнь. Новый разум пробудился в подражании, первым усилием которого стала простая неловкая улыбка.

Ее взгляд ускользнул от его глаз и забегал по туманным клубам вокруг них. Туман обволакивал все, что она видела – тусклые деревья, тающий лес, расплывчатые поля. Облака на небе неслись вперед со скоростью вихря. Она повернулась к нему. Яркие глаза и едва заметная морщинка между бровями выдавала в ней тревогу. Через мгновение ее губы приоткрылись, и она произнесла, неуверенно, нерешительно, свои первые слова.

– В мире ведь есть что-то еще. Что-то большее, чем просто туман, – сказала она уверенным мягким голосом. – Я знаю. Но где же оно?

Он в ответ лишь покачал головой, потому что не мог дать ей того, чего она хотела увидеть. Когда он открыл, наконец, рот, чтобы заговорить, на них беззвучной волной хлынул туман. Студенистая земля под ногами сильно затряслась.

– Не бойся, – быстро сказал он. – Сейчас все изменится. Смотри.

ПОДАТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ резко накренилась. Сквозь туман он услышал, как девушка со страхом ахнула. Сделав два неуверенных шага, он подхватил ее одной рукой за талию и прижал к плечу, пытаясь успокоить нахлынувший страх. Земля тем временем стала под таким углом, что он с трудом мог удерживать равновесие.

Серый туман клубился вокруг них, пока над головами раздавался шум грома, а под ногами дрожала студенистая земля. Постепенно все успокоилось, и туман начал рассеиваться. Теперь они стояли на вершине пика неровного хребта, тянувшегося куда-то вверх, прямо за пелену серости.

Далеко у подножия отвесных скал расстился зеленый ковер, изрезанный тонкими ручьями. Деревья мягко колыхались на ветру, словно колосся, и все вокруг озарял теплый свет.

Здесь располагались спящие и дикие, но вместе с тем прекрасные и безмятежные, как райский сад, земли, обрамленные отступающими остатками тумана. Он поймал себя на мысли, что немного завидует тем, кто когда-нибудь заселит этот великолепный край, а она, нежась в его объятиях, одухотворенно и с интересом разглядывала уходящую вдаль панораму.

– Я вспоминаю... почти, – пробормотала она. – Да, кажется, я знаю это место.

Слова оборвались, когда стены тумана вдруг хлынули вперед, как набегающий прилив, в котором тотчас утонула вся долина, а следом опустилась густая тьма, земля зашаталась под ногами. Перепуганная девушка уткнулась лицом в его плечо.

Наконец, когда туманный занавес раздвинулся, они увидели город с белоснежными домами и стенами, посреди прекрасной зеленой долины. Редкие тени едва заметно пробегали по его далеким улочкам, создавая иллюзию жизни, хотя ни одно живое существо не обитало в этом городе. Она подалась вперед, чтобы получше увидеть. Он услышал, как у нее перехватило дыхание.

— Ах, вот же! — вскрикнула она. — Вот... этот город! Я помню!

Туман снова стремительно опустился на белые стены города и зеленую долину, заставляя ее замолчать в изумлении. Она подняла ошарашенное личико и вопросительно посмотрела в его глаза.

— Но что же я помню?— спросила она. — Сейчас он исчез, но на мгновение я... я поняла...

Она замолчала. Наверное, заметила, что он не слушает, а лишь всматривается в ее прекрасное, залитое солнцем лицо с таким глубоким изумлением и недоумением, словно ее слова сейчас не имели ровным счетом никакого значения. И это личико казалось ему до того знакомым, что он вдруг осознал: он знал заранее, как приподнимаются ее брови, когда она хочет что-то спросить, и как кривятся губы, когда с них срывается вопрос.

— Почему ты мне так хорошо знакома? Кто ты?

Она молча уставилась на него с глубоким удивлением. Что-то постепенно зарождалось в ее глазах. Что-то, чего он не мог понять. Осознание. Она оглянулась на клубящийся туман, бросив на него краткий взгляд с ноткой страха. То, что она заметила, кажется, ошеломило ее, потому что совершенно внезапно она вырвалась из его объятий и закрыла лицо руками.

— Я не настоящая! Теперь я поняла — я никто! Я ничто! Я не должна была появиться на свет так рано! Позволь же мне уйти обратно!

Он положил руки на ее трясущиеся плечи в бессильном молчании, но она лишь яростно отмахнулась. Она яростно отмахнулась от них, и ее голос зазвучал громче, когда она закрыла лицо ладонями.

— Нет, нет! Я не готова к рождению! — закричала она еще сильнее, прижимая дрожащие руки к лицу. — Я не хочу быть живой! Зачем ты меня оживил? Я хочу вернуться! Я не настоящая!

— Дорогая... моя дорогая! — воскликнул он. — Пожалуйста, не надо! Ты моя! Я давно тебя знаю — твои глаза, изгиб носа, как ты двигаешь губами при разговоре. Я знал тебя всю жизнь. Ты настоящая! Ты моя!

Ее руки опустились. Она смотрела на него полными слез глазами.

— Нет, — сказала она немного спокойнее. — Я никому не принадлежу. Я не должна существовать. Я еще не готова к жизни. Я лишь

часть того, что мы видели: лес, долина и город, который я вспомнила на мгновение перед тем, как он исчез. Когда-то в будущем я стану жить. Но не сейчас. Еще нет. Раса, к которой я принадлежу, еще не возникла. Мир, в котором я должна жить, еще даже не создан. Но вот я здесь, потерявшаяся во времени, пространстве и собственной жизни. Я жива, но не должна жить. Я не настоящая. Я хочу вернуться!

— Но...

Он смотрел на нее в безмолвном замешательстве. Сама мысль о том, что она растворится, вернется в туман серым призраком, вызывала тошноту и пустоту в душе, которым он не мог дать объяснение. Она была так ему знакома. Только когда он заговорил с ней, то смог осознать, что действительно всегда знал ее — каждую черту лица, каждый изгиб золотистого тела. Она принадлежала ему по праву знания и понимания. С первого же взгляда на нее он почувствовал, что, уступая без сопротивления странному ее притяжению, он испытывает острую потребность всегда быть рядом с ней. Ответ обрушился на его сознание с ослепительной простотой.

— Я люблю тебя. И не могу отпустить.

Ее глаза расширились, и в них проснулся едва уловимый ужас.

— Нет, нет! — ахнула она. — Я не готова к любви. Я не могу! Я не смею! Я не готова к жизни, говорю тебе! Не настоящая! Все, чего я хочу, это вернуться, дожидаться своего часа. Я не смею любить!

Выпаливая последние слова, она начала всхлипывать, а потом крепко зажмурилась, пытаясь отгородиться от самого факта ее существования вместе с ним.

Он лишь беспомощно посмотрел на нее. Сейчас он уже никак не мог исправить то, что произошло. Сама мысль о гибели была для него невыносима. Как и тревога в ее голосе. И через мгновение он понял, что должен сделать.

Она заплакала, отвернув лицо и закрыв глаза. Ему показалось, что ее горе было более сильным, чем простое желание снова погрузиться в туман. Она плакала так, как плачет потерявший что-то ценное. Приняв решение, он обнял ее за плечи и потянул вперед.

— Пойдем, — сказал он. — Возвращаемся. Посмотрим, что можно сделать.

Она громко всхлипнула, когда он заговорил, а затем вдруг крепко схватила его за руку, не показывая при этом лицо. Безмолвно, сопровождаемые тихим плачем и страхом потери друг друга, они спустились с туманной горы, склон которой мягко проваливался под их нетвердыми шагами.

Он не имел ни малейшего понятия, в каком направлении следует двигаться, чтобы вернуться в тот огромный зал. В глубине души он понимал, что, скорее всего, вернуться уже не получится. И лишь девушка, так сильно вцепившаяся ему в руку, пробудила в нем фантастическую надежду, благодаря которой все остальное казалось таким неважным. Только неимоверным усилием воли он заставил свой разум отвлечься от мыслей о ней и направиться к великому сложному разуму, чтобы воззвать сквозь сумрак о помощи.

V

ОНИ ШЛИ вперед, спотыкаясь, пока туман вокруг них сжимал свои холодные объятия. Окружающий мир растворился в пустоте. Они шли по улицам города, а вокруг возвышались покрытые серостью тусклые дома. Затем они перешли вброд мелкое море, омывающее берега исчезающего города. Трижды длинные потоки бесвязных эмоций пробивались сквозь мрак в душу до самых глубин жестокими волнами.

Потом перед ними возникла огромная лестница. Они поднялись к гигантскому portalу, зияющая пустота которого заставила девушку задохнуться первобытным страхом вперемешку с благоговением. Однако, прежде чем они добрались до портала, туман скрыл все вокруг, заставляя их передвигаться наощупь. Вокруг смутно плыли отголоски мыслей, превращая туман в неясное мирское течение.

Но эти призрачные потоки не проникали в его мозг. Безуспешно он пытался установить контакт с разумом. Окутанный и затерянный в этих обширных изменчивых мыслях, но все же не затронутый ими, он продолжал, все еще изо всех сил стараясь установить контакт.

И тут совершенно неожиданно у него получилось. Его страждущий разум на мгновение соприкоснулся с божественным, словно рука Бога протянулась к нему для того, чтобы помочь.

И тут, словно бы эта рука схватила его, он поднялся. Серый туман расплылся и растаял. Последним сознательным усилием он крепче обнял ее. Перед глазами все растеклось, и незримая рука понесла их по тропинкам времени.

Огромная, испещренная розовыми прожилками комната окружала их обоих. Все еще крепко сжимая девушку, он очутился на пульсирующем полу, вокруг изогнулись огромные стены, а где-то в душе слышались отголоски могучего сердцебиения.

Незримое присутствие стало практически осязаемым в огромной комнате. Он чувствовал, как нечто рыщет в его сознании, буквально вырывая воспоминания о произошедшем. Благодарный за то, что не нужно вдаваться в какие бы то ни было подробности, он замер в ожидании, чувствуя, как знание утекает из него прямо внутрь огромного объединенного разума. Девушка с отчаянной силой прижалась лицом к его плечу.

Вскоре в его мозгу плавно потекла мысль.

— Ты говоришь, что любишь эту девушку. Ложь. Это твоя любовь создала ее. Твое внедрение в наш разум было достаточно сильным, когда мы размышляли о сотворении мира, и благодаря этому ты спроецировал собственные мысли на наши действия. Когда в нашем сознании мелькнула фигура девушки, ты ухватился за нее и придал ей форму собственной интерпретации совершенства. Бессознательно, но методично ты создал собственный идеал, который разжег в тебе огонь любви. И ты чувствовал именно любовь, когда смотрел в ее глаза. А поскольку нам было любопытно посмотреть, что будет дальше, мы велели вам следовать за нами.

— Да, — возмущенно подумал он. — И посмотрите, что случилось. Как теперь это можно исправить? Ибо, как бы я ни полюбил ее, даже вы не можете отрицать, что я люблю ее и сейчас.

На некоторое время воцарилась тишина, пока разум пребывал в прострации. Девушка нервно дышала, ее пальцы впились в его руку.

— Она принадлежит своему миру и времени, — пришла, наконец, безмолвная мысль. — А вне этого у нее не может быть никакого существования. Ее тело, хотя и наполовину реально, ты мог бы сохранить, но ты не пожелал бы этого, потому что разум, живущий в нем, всегда будет принадлежать другой жизни в еще не наступившем будущем.

— Но что касается меня, — вмешался он, — то мой разум всегда будет с ней, где бы она ни находилась. Разве ты не видишь этого? То же самое и со мной, ибо хотя мое тело существует в моей лишь жизни и моем времени, все же само мое существование всегда будет сосредоточено на ней. Я не могу ее бросить.

ДЕВУШКА В ЕГО объятиях дернулась от внезапной тревоги. По поверхности его сознания поплыл жалобный вопль из ее угасающего сознания.

— Я хочу вернуться, — воскликнул он с недоумением, — но не оставляй меня! Я не вынесу, если ты бросишь меня!

Молчание, которое вскоре было нарушено безмятежным голосом разума:

– Да, ты сообщил нам больше, чем думаешь. В каком-то смысле твой разум всегда будет с этой женщиной, потому что своей энергией ты пробудил ее из состояния неосознанного и непостоянного существования и претворил в сознательную и эфемерную жизнь. Этим поступком ты вложил в нее достаточно своей индивидуальности, чтобы вместе вы стали единым целым. Отныне каждый из вас не может существовать без другого. Мы позволили элементам этого странного союза сосуществовать, и теперь у нас нет иного выбора, кроме как принять его, ибо любовь – слишком могущественная сила, даже для нас. Мы не можем вас разлучить.

– Но и мы не можем быть вместе, – в отчаянии сказал он. – Что же нам делать?

Он крепче обнял ее, слушая, как она снова начала всхлипывать. Коротко и безутешно.

– Спокойствие, только спокойствие! – Великий голос безмолвно пульсировал в зале. – Нет никакого сомнения в ответе. Принятие вашего союза вы должны осознать в собственных умах, однако, ответ уже ясен. Девушка часть нашего внедрения, продукт нашего объединенного разума. Она должна вернуться в ту часть, которая и есть *мы*. Но вместе с этим она несет в себе жизненно важную часть твоей человечности. У тебя есть выбор – слиться с ней и с самим собой, оставив свое физическое тело и реальную жизнь, чтобы соединиться с той единственной бессмертной искрой, которая по существу является тобой в единстве с нашим присутствием. Только так вы двое сможете познать единение.

Его пробрало сомнение, когда голос, наконец, затих. Он не чувствовал никакого единения с этим разумом, и уж тем более не испытывал желания покинуть свою сознательную жизнь, чтобы присоединиться к ядру коллективного разума с его собственными целями. И как он мог позволить той, что утопала в его объятиях, покинуть их? Как он мог это сделать?..

– У нас нет выбора, – сказал он со спокойной решимостью. – Девушка должна вернуться.

Внезапно он ощутил странное уменьшение плотности теплого тела, которое прижимал к груди. Инстинктивно его руки напряглись и без сопротивления прошли сквозь нее. В ужасе он посмотрел вниз. Девушка постепенно таяла. Медленно, но верно. Наплывающий туман размывал ее черты.

В отчаянии он вцепился в исчезающую фигуру, но схватил только пустой воздух. Подобно сну, которым и была, она растаяла

в его объятиях, пока вся жизнь не покинула ее без остатка, оставив лишь пестрое пятно тумана, которое тут же растворилось в пульсирующем воздухе комнаты. В сердце разгорелось возмущение. На поверхность сознания выплывал бурлящий гнев, но прежде чем он достиг горла и мозга для того, чтобы сформировать мысли, произошло нечто удивительное и неопишное. Совершенно неожиданно глубочайшее чувство близости охватило его целиком, и он остановился посреди своего гнева и протеста, чтобы задохнуться от неожиданного удивления.

С этим вздохом весь протест внутри него умер. В этот затаивший дыхание миг так близко возникло ощущение единства со всем, что его окружало. Его мозг замер от этого великолепия. Это было изысканно теплое и интимное чувство, нечто, что обычно испытывает человек. Он больше не был сам по себе, одиноким и разобщенным, борющимся против сил, которые не превозмочь. Все вокруг него состояло из непостижимого единения, которое сливалось с его сущностью. И никакими словами нельзя было описать тот покой и умиротворение от всего, что его мучило. В самом центре его сознания раздался уже знакомый голос.

— Вот что значит сдаться, глупый человек, — сказал он. — Девушка, которую ты любишь, снова слилась с тем, что наполняет нас, унося с собой ту часть твоей жизненной силы, которая называется любовью. Часть тебя осталась с тобой, и, благодаря ее внедрению, вы вместе обрели единство с нами. Не сопротивляйся, не борись с этим. Это больше, чем индивидуальность. Это и есть истинное счастье — погружение себя в единство целого. Стань с нами одним целым.

ЭТИ СЛОВА разлились по его сознанию, словно легкая рябь в резервуаре с водой, которая постепенно растворилась в безмятежном ритме слияния.

Он едва обратил внимание на то, что голос замолчал.

Совершенно расслабившись, он отдался потоку разума, выйдя за пределы физического тела. Отныне его ничто не волновало. Ответы на все вопросы, сомнения и колебания тихо поглотились величайшим спокойствием сложного разума.

Неожиданно для себя он начал воспринимать то, что не мог ранее — тонкую рябь света, волны безымянных цветов, звуков. Все это складывалось в причудливые калейдоскопические узоры, формирующиеся по мере того, как волны невиданного восторга переклестывались друг с другом. Узоры, сливающиеся в одно целое,

простирались далеко за пределы привычных измерений через пространство и время.

Он все меньше понимал этот узор, его цвета и ощущения каким-то образом становились его собственными, он был огромным узорчатым существом, которое простиралось через измерения и заполняло пространство от края до края – пространство, которое не имело границ, и теперь само сознание таяло.

Что-то коснувшееся лба вернуло его из небытия. Он открыл пустые глаза и увидел зеленый лесной мир. Виноградная лоза, тянувшаяся по большому разбитому камню рядом с ним, коснулась его лица своими листьями, когда подул ветер. Он сел и огляделся.

Он сидел на краю огромной серой развалины, разбитые блоки которой громоздились на земле, насколько хватало глаз, чтобы проникнуть в джунгли. Это были старые развалины, потому что над ними росли виноградные лозы, а серые камни покрывал густой мох. Было что-то неприятное в роскоши этого мха, зеленых сладострастных лиан.

Слабый запах, похожий на запах давно разложившейся плоти, висел над разбитыми блоками, и зеленые твари вонзали жадные корни в свои трещины и щели, расцветая из серости, как из самой богатой почвы.

Глаза мужчины безучастно скользнули по развалинам. Что-то дразнило его в глубине сознания, и он нахмурил брови в глупой попытке вспомнить. Казалось, он каким-то образом, с отдаленной частью самого себя, плавает в морях славы, где бушует прибой, чьи гребни разбиваются в музыку, легкую, как сон, плывущий через глубины безымянной красоты. Он мог вспомнить и цвета, и самые прекрасные волны звуков, и покой, такой глубокий, что даже сам мозг погрузился в тишину. А потом... потом...

Воспоминание исчезло. Он чувствовал себя тяжелым, очень скучным и немного испуганным. Другой разум уходил все дальше и дальше, растворяясь в великолепии, теряя всякий контакт с телом, которое его приютило. Ему почему-то захотелось плакать, и слезы медленно потекли по его лицу. Но он забыл, почему.

Через некоторое время в его глазах зажегся свет, и он пустым взглядом посмотрел на запад, где сквозь деревья пробивались лучи заходящего солнца. Он счастливо улыбнулся и, спотыкаясь, поднялся на ноги, направляясь к нему неуклюжей походкой. На ходу он наткался на деревья, продирался сквозь лианы, висевшие поперек дороги. Ветви хлестали по лицу, но он не сделал ни малейшего движения, чтобы отбиться от них. Забытые руки болтались по бокам.

Он вышел на берег как раз вовремя, чтобы увидеть, как последние красные отблески уходят за горизонт. Он пошел бы прямо на закат, но вода, плескавшаяся вокруг лодыжек, отвлекла его, и он опустился на край прибоя, удовлетворенно играя с раковинами, выброшенными на берег. А позади него с неба падал яркий свет.

Greater Glories, (Astounding, 1935 № 9), пер. Андрей Бурцев, при участии Ивана Штрамма

20¢

DECEMBER 1936

ASTOUNDING STORIES

WORLD of PURPLE LIGHT

A Sequel to "Strange City"

by **WARNER VAN LORNE**

СВИДАНИЕ ВНЕ ВРЕМЕНИ

I

В СВОИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ Эрик Рознер успел побывать везде, где только можно. Он объехал весь мир на баржах для перевозки скота, впервые убил человека в уличной драке в Шанхае, был на волоске от расстрела и тайком пробрался на исследовательский корабль, направлявшийся в экспедицию на Южный полюс.

В двадцать пять лет он заблудился в сибирской глуши, возглавил отряд татарских бандитов, взял на себя командование китайским полком и прошел сотню сражений, воюя за обе стороны.

К тридцати годам уже не осталось континента или столичного города, которого он бы не посетил, и не было джунглей, пустынь или горных хребтов, не оставивших шрамов на его могучем, как у викинга, теле. Раны и царапины от тигриных когтей и русского кнута, китайских пуль и ножей диких темнокожих воинов из африканских лесов могли рассказать о полной опасностей жизни. В тридцать лет у него за плечами была такая захватывающая, скандальная и бурная деятельность, какой могли похвастаться лишь немногие шестидесятилетние мужчины. Но в тридцать он понял, что не намерен останавливаться на достигнутом.

Хоть жизнь и была ключом, тем не менее, время шло, и Эрик Рознер все больше ощущал потребность в чем-то, чего был лишен все эти годы, но не мог понять, чего именно. Поначалу он даже не осознавал, что ему чего-то не хватает, но с каждым разом все больше и больше разочаровывался в новом опыте... Возможно, таким образом его подсознание пыталось слепо заполнить зияющую пустоту в душе.

Эрик Рознер так много успел повидать за свои тридцать буйных лет, что лихорадочные поиски новизны уже не приносили должных результатов. Он успел пожить в богатстве и бедности, испытать всевозможные удовольствия и пережить боль. Весь накопленный человечеством опыт казался просто детским лепетом. Жажда острых ощущений, сопровождавшая его все эти годы, сменилась серой скукой. А для такого человека, как Эрик Рознер, скука была подобна смерти.

Возможно, так случилось из-за острой нехватки любви в его жизни. Ни одна из целовавших и обожавших его, а также скупаю-

TRYST in TIME

*Science opens the portals
to the only real adventures!*

by C. L. MOORE

щих по нему девушек не значила для него равным счетом ничего. Ему ничего не оставалось, кроме как продолжать поиски.

Во время этой беспорядочной охоты за новизной он познакомился с ученым Уолтером Доу. Это была совершенно случайная встреча, и они, возможно, никогда не встретились бы еще раз, если бы не мимолетно брошенная фраза Эрика про нехватку приключений в жизни.

— Да что ты можешь знать о приключениях? — с вызовом спросил ученый и рассмеялся.

Это был маленький человечек с копной преждевременно поседевших волос. От улыбки его лицо покрылось сеткой морщин.

— Конечно, твоя жизнь была полна опасностей и перестрелок! Но все это не имеет ничего общего с настоящими приключениями. Наука — вот единственная область, где можно столкнуться с ними. И я говорю на полном серьезе! Представь себе волнение, которое ты испытываешь, совершив научное открытие! А ведь нас ждет бесконечное множество тайн природы! Человек никогда в жизни не сможет переплыть океан неизведанного! Говорю тебе, я...

— О, да, конечно, — лениво перебил его Эрик. — Я понимаю, о чем ты. Но все это точно не для меня. Я человек действия. Многочасовое нависание над микроскопом совершенно точно не входит в мое понятие о веселье.

ВОЗНИКШИЙ после этого спор в последующие недели перерос в странную дружбу, полную разногласий, которая очень сблизила Эрика и Доу. Но все же им предстояло узнать друг друга гораздо ближе, чтобы добиться настоящего взаимопонимания.

Для Уолтера Доу существовал только один Бог — инерция.

— Это краеугольный камень всего сущего, — с благоговением любил говорить он, — благодаря которому происходят временные приливы и отливы, и все то материальное и нематериальное, что видит человек, изменяется, исчезает и перерождается. Но основа все равно есть и будет. И это та самая абсолютная инерция! Ка-

Choked with terror, Eric swung up his gun hand. The report sent the strange people to their knees in terror.

ких высот достигло бы человечество, если бы научилось управлять инерцией!

— А что такое инерция? — спросил Эрик и тут же поймал на себе полный отчаяния взгляд Доу.

— Все знают, что такое инерция. Это первый закон Ньютона, гласящий, что каждое тело находится в состоянии покоя или движется по прямой только при отсутствии воздействия на него других сил. Это та самая сила, из-за которой людей откидывает в сторону, когда машина входит в поворот. Из-за нее лошади трудно сдвинуть с места тяжелый груз, но тащить его дальше гораздо легче. На этом свете нет ничего, что не подчинялось бы закону инерции... абсолютно ничего! Но Ньютону и в голову не приходило, какие бездонные пропасти силы скрываются за его, казалось бы, простым утверждением. Значение его открытия чрезвычайно недооценено! Описать инерцию — все равно что описать море, просто сказав, что на море есть волны с белыми гребнями. Сила инерции присуща всему, точно так же, как всему живому нужна вода. Но за этой инерцией, столь слабо проявляющейся в материи, скрывается необъятная сила, превосходящая мощь всех морей и океанов вместе взятых! Любой океан по сравнению с инерцией является лишь крошечной флягой. Ты совершенно не обязан понимать все мои рассуждения, потому что слеплен из другого теста. И иногда я задаюсь вопросом, получится ли у меня объяснить даже другому физику все открытия, совершенные мной за последние десять лет. Тем не менее, я твердо верю в одно: можно попробовать зацепиться за краеугольный камень инерции, который является основой всего сущего и на котором зиждется материя, и... и попробовать подчинить себе время!

— Ага, и затем обнаружить, что вылетел в бездну космоса, как в трубу, — усмехнулся Эрик. — Даже я знаю, что Вселенная постоянно движется сквозь пространство. Не знаю, как насчет времени, но я почти уверен, что пространство не одобрит твой эксперимент.

— Я не имел в виду, что тебе придется... скажем, бросить якорь прямо в скалу. — В голосе Доу слышались горделивые нотки. — Это была бы своего рода замедляющая тяга, а не рывок, который выхватил бы тебя прямо с Земли. Но даже ее будет вполне достаточно! Так что такой план вполне имеет право на существование. Я это сделаю. Клянусь небесами, я это сделаю!

— Неужели ты не шутишь? — Загорелое лицо Эрика мгновенно стало серьезным. — То есть человек мог бы... мог бы вытащить «якорь» из своего времени и просто «перебросить» в другое? Ответе-

чай! Сделай мне такой якорь, и я с радостью стану твоим подопытным кроликом!

— К сожалению, с этим будет трудно. — Доу не увидел тут ничего смешного и даже не улыбнулся. — Несмотря на все мое хвостовство, это все чистой воды теория, и до практики еще очень далеко. Нам пришлось бы работать практически вслепую, а сама природа такого рода эксперимента не позволяет получить доказательства успеха» или неудачи. Скажу тебе по секрету: мне удалось... отправить кое-какие предметы в другое измерение...

— Да ты что! — Эрик резко наклонился вперед и положил руку на плечо Доу. — Правда?

— Ну, я заставил их исчезнуть. Кажется, у меня все получилось, но я не способен доказать обратное. Шанс один на миллион, что подопытный окажется именно в нашем ближайшем будущем, а не в иной точке неизмеримых просторов времени. И, я, конечно, никак не могу управлять перемещением.

— А если подопытный окажется в собственном прошлом? — спросил Эрик.

— О, это вечный вопрос, — ответил Доу и улыбнулся. — Он противоречит самой идее путешествий во времени. Ну, ты никогда не бывал в своем прошлом, не так ли? И точно знаешь, что такого не было! Мне кажется, должен существовать некий закон, не дающий материальному объекту появиться в той точке пространства-времени, где он уже существует. Представь себе, что любая область пространства-времени является конструкцией, в которой атомы могут располагаться в любом порядке, но только не занимать все те же места. Видишь ли, человечество накопило достаточно знаний о времени, чтобы утверждать, что то все-таки находится за гранью нашего понимания. И, как мне кажется, хоть и можно попасть в будущее или посетить прошлое, что предполагает неизменность и того и другого, но я все же не верю, что все предопределено. Существует великое множество вариантов будущего, и тот, в который ты попадешь, будет далеко не единственным. Ты когда-нибудь слышал про эту теорию? Она не так уж и нова... Суть в том, что жизнь состоит из огромного количества так называемых перекрестков, и на всех можно сделать выбор, определяющий наше будущее. Я могу переместить тебя в прошлое, и ты запустишь цепочку событий, которые прежде никогда не происходили, но, увы, они не станут какими-то особенными. Все было предопределено с самого начала, просто в этот раз ты выбрал другой путь. Всякий раз делая выбор, ты вступаешь в уже расписанное будущее, но оно все равно будет ка-

заться тебе новым. Таким образом, у тебя есть бесконечная свобода выбора и действий, но, по сути, ты не можешь ничего изменить.

— Ну, тогда... тогда представляешь, какие эмоции может испытать человек, совершивший путешествие во времени! — почти что с благоговением ответил Эрик, а потом в его голосе вдруг появилась настойчивость: — Доу, ты должен провести этот эксперимент! Мне как раз нужно нечто подобное!

— Парень, ты что, совсем с ума сошел? Такие эксперименты небезопасны, и их нельзя повернуть вспять. Ты ведь понимаешь это, правда? Если брать в расчет мои слепые эксперименты, можно сказать, что время не просто какой-то поток, а самый настоящий океан со многими подводными течениями, которые невозможно как-то измерить или посчитать. Все это так трудно объяснить! В общем, ты уже не сможешь вернуться назад. Поэтому, надеюсь, не отважишься на такое!

— Я уже сыт по горло уверенностью и безопасностью! А что касается возвращения, то зачем мне сюда возвращаться? Нет, у тебя не вышло меня напугать. Я обязательно должен переместиться во времени!

— Это абсолютно исключено, — твердо сказал Доу.

НО ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ он стоял под большим мансардным окном в своей лаборатории, наблюдая, как Эрик надевает плоский металлический рюкзак на широкую мускулистую спину. И, хотя на лице ученого все еще читалась недовольство, он, как и его друг, загорался диким энтузиазмом от одной только мысли о предстоящем приключении. На споры и уговоры ушла примерно неделя, и он еще не совсем успокоился насчет безопасности, но все это не могло потушить огонь в груди Эрика Рознера.

Теперь, когда все уже почти было готово, Эрику вдруг показалось, что он жил ради этого момента. Потребность в спуске по широкой реке времени заставила его беспокоиться и лихорадочно переосмыслить все прошлые события, уже не представляющие никакой ценности. Впервые за много месяцев он наконец-то обрел покой. В его душе поселилось чувство, похожее на благоговейный трепет.

— Послушай, — спросил Уолтер Доу, почувствовав не совсем уместный восторг друга, — ты хоть понимаешь, во что ввязался?

— Я ничего не смыслю в твоих подсчетах, поэтому мне все равно, — ответил Эрик. — Я только знаю, что должен щелкнуть вот этими переключателями... — Большими загорелыми руками он коснулся креплений на поясе, — ...чтобы выбросить якорь, когда мне захочется отправиться дальше. Все верно?

– Да, суть примерно такая. Твоя инерция увеличится так сильно, что время, пространство и материя будут не властны над тобой. Ты также будешь инертен умственно и физически. Ты опустишься, так сказать, к центру мироздания, а время просто будет течь мимо тебя. В твоём рюкзаке находится устройство, соединенное с переключателем на поясе. Оно позволяет увеличивать инерцию так, что на нее перестают действовать все внешние воздействия. И благодаря ему переключатели будут оставаться включенными до тех пор, пока свободная от инерции частичка в крошечном временном пространстве не выключит их и не поднимет якорь. Если мои расчеты верны, – а я *думаю*, так оно и есть, – скоро ты окажешься в другом времени. У тебя будет возможность выбраться из него, просто нажав на переключатели. Ты снова станешь инертен, и через некоторое время опять сможешь попасть в другое время с помощью механизма в твоём рюкзаке. Все запомнил?

– Так точно! – Широкая улыбка озарила красиво загорелое лицо Эрика. – Теперь все готово?

– Да... да, кроме одного ... Ты точно уверен, что готов пойти на такой риск? Дружище, я ведь сейчас почти что посылаю тебя на верную смерть! И понятия не имею, что тебя ждет дальше!

– Меньше знаешь – крепче спишь. Да не волнуйся ты так, Уолтер! Чтобы тебе стало легче, думай об этом как о самоубийстве, а не убийстве. А теперь мне пора. Ну, прощай!

Доу даже поперхнулся, когда крепко пожал руку Эрику, но, глянув на светящееся от предвкушения лицо друга, через пару секунд почти смирился с его странным желанием. Когда переключатели шелкнули, ученый, наконец, понял, в чем заключается его цель. Ему удалось соединить плоды своего труда и радость ликующего молодого человека в единое целое, и оно стало чем-то большим, чем могло показаться на первый взгляд.

Затем Эрик потянулся к поясу. Последние секунды он стоял в свете падающих из окна мансарды лучей света, белокурый и загорелый, с многочисленными шрамами на лице, говорящими о его бурной жизни. Но вдобавок к этому оно также выражало восторг и нетерпение, и это заронило в душу ученого семя надежды. Не было никаких сомнений в том, что эксперимент окажется удачным! Конечно, вся пульсирующая живость, сила и огромная выносливость этого стоящего перед ним мускулистого парня не могли просто кануть в небытие по щелчку переключателей. Впереди Эрика поджидала опасность – да, именно опасность, и даже заткнутый за пояс пистолет уже не казался надежным спутником. Но впереди ма-

ячило величие. Величие... Когда шелкнули переключатели, зависть на мгновение затуманила рассудок Доу.

II

ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ЭРИКА с молниеносной быстротой пронеслась вечность. Наплывающая пустота сомкнула вокруг него объятия. Но одновременно с этим он чувствовал бесконечное движение и бесконечные изменения, пролетающие над ним, рядом с ним, через него, пока не поддающиеся логике события мчались мимо якоря, держащегося за вечную основу всего — инерцию. Этот миг, казалось, длился неосызаемо долго. А потом... а потом...

В ушах зазвенела странная мешанина звуков, доносящихся откуда-то издалека. Красочный вихрь, наконец, замедлил движение и постепенно принял более-менее четкие очертания. С высоты метров тридцать Эрик наблюдал за плотным уличным движением. Судя по одежде движущихся людей, он очутился в Елизаветинской эпохе*.

Но что-то было не так. По какой-то неведомой причине механизм в рюкзаке не работал должным образом, поэтому Эрик не чувствовал полного присутствия. Открывающиеся ему виды казались нечетким фильмом, показанным испорченным проектором. Было очевидно, что где-то в этом временном промежутке возникло непреодолимое препятствие, хотя он так и не понял, какое именно.

Эрик на несколько минут наклонился вперед, с жадностью смотря вниз сквозь туманную неизвестность, окутывающую все окружающее. Он словно висел в воздухе, и все же, бросив взгляд вниз, почувствовал, что его тело наклонилось. Это было совершенно необъяснимо.

Шум мелькающего внизу движения то становился громче, то так же резко стихал. Лавочники с обеих сторон улицы громкими криками зазывали покупателей. Воришки сновали туда-сюда сквозь толпу, подкарауливая прохожих.

Девушка в алом плаще распахнула окно и высунулась, чтобы помахать кому-то вниз. Пряди светлых волос упали ей на лицо. Позади нее смутно виднелась комната, где находилась другая девушка, которая сейчас шагнула вперед, схватила свою подругу за

* Елизаветинская эпоха (вторая половина XVI — начало XVII века) — «золотой век» в истории Англии; время правления королевы Елизаветы I. (прим. перев.)

талию и со смехом затащила ее обратно в комнату. Эрик отчетливо слышал их радостные возгласы.

Но все это было не по-настоящему. Странная дымка снова и снова затуманивала его взор, пока от многочисленных попыток разглядеть что-либо внизу у него не заболели глаза. С громадным сожалением он дотронулся до переключателей на поясе, и в тот же миг вокруг него все замерцало и потом исчезло без следа. Беспмятство хлынуло на него тяжелым потоком, пока столетия с шумом проносились мимо точки инерции, к которой он был привязан.

В рюкзаке за плечами автоматически включилась машина времени. Затем переключатели щелкнули сами собой, и пустота снова покинула сознание Эрика. Он обнаружил, что сквозь лиственный занавес смотрит на зеленый луг, по которому бежал маленький ручеек. На этот раз все вокруг было настоящим и осязаемым. Он стоял на мягкой траве и чувствовал, как ветер играет листьями на деревьях.

По склону луга медленно бродили грязные белые овцы. Маленький кудрявый мальчик в короткой кожаной куртке полулежал на склоне и, перебарывая дремоту, сонно наблюдал за ними. Все было залито желтыми солнечными лучами. Мирный и сказочный пейзаж казался полной идиллией, но по какой-то непонятной причине руки Эрика сами потянулись к поясу. На него накатила волна разочарования. Он искал нечто другое. Но что? Искал ли он именно это место? *Возможно, что и так*, подумал он.

Эта мысль занимала его, пока он щелкал переключателями на поясе. Что же было в этом прекрасном пейзаже такого, что заставило его одним махом отбросить мысль о том, чтобы здесь остаться? Путешествуя по времени, он целенаправленно искал... что-то совершенно другое... Затем приливная волна столетий, обрушившаяся на его временную стоянку, поглотила изумление, после чего все остальное тоже растворилось в забвении.

СИЛУ, с которой столп солнечного света ударил в лицо Эрику, можно было сравнить только с мощным хуком боксера. Горячее пылающее солнце отражалось от мраморной плитки на тротуаре и слепило глаза. Несколько секунд он ничего не видел. Но постепенно в толще палящего зноя стали вырисовываться очертания мраморных стен. Эрик находился в ослепительно-белой мраморной яме площадью около пяти квадратных метров. У противоположной стены прямо под палящими лучами солнца лежал человек, обнаженный и покрытый пятнами крови. Эрик не смог определить, жив он или нет.

Он успел это увидеть, прежде чем нарастающий гул возбужденных голосов над ним перерос в оглушающий рев, что лишь подтвердило его догадку. Он поднял голову. Над краем ямы склонились люди. Тут и там мелькали края бархатных мантий и бахромы ярких шарфов. Эрик увидел прекрасные, бесстрастные и жестокие лица аристократов. При первом взгляде на них он подумал, что перед ним, должно быть, римляне, и сделал такое предположение, мельком глянув на их прически и одежду. Подняв голову, он увидел молодую женщину со странными, дымчато-голубыми глазами, которая, опершись на мраморные перила, стояла прямо перед ним на некотором отдалении от других людей, находящихся по обе стороны от нее. Эрик сразу же понял, что она занимает более высокое положение в обществе, чем все остальные. В ее взгляде читалось самодовольство и какая-то ускользающая гордость. Но это лицо было ему знакомо. Он был готов поклясться, что совсем недавно видел эту женщину, только не мог вспомнить, где именно.

Затем незнакомка подняла белоснежную обнаженную руку, поднесенную солнцем, и опустила большой палец. Из-за ее спины донесся звук удара камня о металл, и в ослепительном свете Эрик увидел, как мужчина резко дернул рукой. Солнце отразилось от длинного стального стержня. Копье полетело Эрику в грудь, и он рванулся к поясу. Переключатели щелкнули, и огромное размытое пятно происходящего исчезло.

После этого невероятная инертность снова вступила в свои права. Мимо начали проноситься столетия. Затем по щелчку переключателей он снова провалился в реальность и сразу начал задыхаться, когда почувствовал, что в его легкие проник плотный влажный воздух тропических болот. На то, чтобы отдышаться, у Эрика ушло около минуты, пока он в глубокой растерянности осматривал окружающую местность.

Он стоял в квадрате из полуразрушенных стен, которые когда-то были полноценным домом, но сейчас крыши уже не было, а от стен остались лишь рассыпающиеся камни. В западной части разрушенного дома лежала высокая груда обломков, — по-видимому, ближайшей стены, — частично закрывающая огромную мощеную площадь, сплошь и рядом усеянную такими же разрушенными зданиями. А за ними, под небом, густо затянутым тучами, сквозь которые пробивались сероватые лучи солнца, возвышались странные здания. Они были выкрашены в совершенно дикие цвета и имели чуждую человеческому глазу архитектуру. Чрезвычайно массивные

здания больше всего напоминали храмы Карнака*, но все же были слишком странными, чтобы не сомневаться на этот счет.

Даже с такого расстояния Эрик понял, что темные пятна на огромных стенах означают только одно – грядущее увядание этого города под низким серым небом, который однозначно был самым впечатляющим из всех поселений, какие он когда-либо видел в мечтах. Однако былая слава города уже давным-давно канула в небытие. То тут, то там зияющие прорехи в гигантских стенах указывали на полную разруху. По спертому воздуху болот и незнакомой архитектуре Эрик понял, что имеет дело с бессмертной древностью. Его дыхание участилось, и он задался вопросом, куда делись люди, воздвигнувшие эти величественные постройки, как они называются, и знает ли история об их существовании.

ИЗ ГИПНОТИЧЕСКОГО ТРАНСА Эрика выдернул нарастающий грохот странных звуков, становившийся все громче и громче. Он различил звук шагов ног, бредущих по мостовой, скрежет металла, хриплое дыхание и какое-то необъяснимое прерывистое шипение. Все это доносилось из той части огромной площади, которую скрывала осыпающаяся стена рядом с ним.

Странное шипение стало еще громче. Кто-то издал гортанный вопль, и Эрик услышал быстро приближающийся к нему топот неуверенно бегущего человека, явно спотыкающегося. Затем в проеме осыпавшейся стены, где когда-то, судя по всему, была дверь, промелькнуло бело-красное пятно. Это была девушка. Ее прерывистое дыхание эхом отдавалось в тесном пространстве. Растекающееся алое пятно создала кровь, зловещими струями хлещущая из глубокой раны в боку. В этот пасмурный день девушка казалась белее облака. Потом Эрик уже не мог вспомнить ничего, кроме ослепительной белизны ее тела, брызг крови из разорванных артерий и дымчатой голубизны глаз.

Он не определил, что на ней было надето, и не заметил каких-либо еще подробностей, потому что увидел дымчатый мрак ее глаз, после чего они, казалось, целую вечность смотрели друг другу в глаза. Он узнал ее. Она была той самой римлянкой, приговорив-

* Карнак – египетский городок в Верхнем Египте. Известен крупнейшим храмом древности – Карнакским храмом в честь Амона-Ипет-сут, который начал строиться в XX веке до н. э. и служил основным государственным святилищем на протяжении всей истории Нового царства. Этот храм соединялся с Луксорским храмом на берегу Нила мощной аллеей сфинксов. (прим. перев.)

шей его к смерти в раскаленной солнцем яме, и она же являлась той смеющейся средневековой девушкой в красном плаще. Было почти невозможно поверить, что все это была одна и та же голубоглазая девушка.

Приближающийся грохот и крики заставили ее отвести взгляд. Эрику даже показалось, что в ее потускневших глазах сверкнули огоньки, говорящие о том, что она узнала его, прежде чем, пошатываясь, направилась к двери. Когда девушка обернулась, он понял, что она умирает, но что-то удержало его от попытки спасти ее, и поэтому он просто стоял и молча смотрел на нее. В конце концов, сейчас ей уже ничем нельзя было помочь. Из дымчато-голубых глаз постепенно уходил блеск, а жизнь алым потоком вытекала из разодранного бока.

Эрик увидел, как девушка прислонилась спиной к разрушенной стене, и снова услышал странное шипение, когда она подняла правую руку, и из зажатого в ней сверкающего цилиндра вырвался длинный голубой луч света. Снаружи донесся крик. Гробовая тишина нарушалась лишь стуком падающих на камни капель крови. А потом случилось нечто очень странное.

Девушка оглянулась через плечо и встретила взглядом с Эриком. Тут его как будто ударило током, и к горлу подступил комок. Он понял много всего важного, пока девушка смотрела на него своими бледно-голубыми глазами... понял, почему всю свою жизнь так остро ощущал потребность в чем-то, к чему никогда не приближался... Он уже готов был что-то сказать, но не смог выдать из себя ни звука.

В этот момент озарения девушка, должно быть, осознала то, что пока не мог осознать Эрик, потому что ее губы задрожали, а в остеклевших глазах появилась бесконечная нежность. И в тот же миг она снова подняла руку, и он в последний раз услышал обжигающее шипение. Она обратила неизвестное оружие против самой себя.

Во вспышке голубого блеска он увидел, как девушка буквально растворилась прямо у него на глазах. Камни раскались, и все окружающее пространство заполнилось запахом горелой плоти. Эрику стало физически плохо от ужасной потери. Девушка умерла... исчезла... оказалась вне пределов досягаемости, и Вселенная опустела после ее гибели. Однако он не мог тратить драгоценное время на анализ своих чувств, потому что через пролом в стене уже проникали неуклюжие существа, пока еще мало похожие на людей.

Большие, волосатые обезьяноподобные твари пробирались через камни, размахивая дубинами и тяжелыми камнями. Один или

двое держали в руках ржавые мечи странной формы. И тут Эрик все понял.

Девушка специально наложила на себя руки и не отдала им свое тело на растерзание. Ее действиями руководила настоящая гордость, передававшаяся из поколения в поколение. Это был аристократический и полный изящества жест, как и убившее ее оружие. По одному этому ее поступку Эрик понял, насколько выше преследовавших ее чудищ она находилась на лестнице эволюции.

Пока застывшие у разрушенной стены зверолоуды в ужасе переводили взгляд с кучки пепла на высокого золотоволосого человека, руки Эрика сами собой потянулись к переключателям на поясе. Тем временем, он погрузился в глубокие размышления.

Должно быть, давным-давно забытая ныне цивилизация воздвигла этот огромный таинственный город. Было очевидно, — населявшие его люди знали, что такое культура и искусство, вполне возможно, прибыв сюда из далекого космоса. И, скорее всего, у чудищ, которые когда-нибудь эволюционируют в людей, по какой-то неведомой причине началась война с инопланетной расой. Затем время постепенно разрушило гигантский город, а численность населения резко сократилась.

Эта незнакомка, эта невообразимо далекая девушка и, возможно, рожденная звездой... умерла, как и весь ее народ, волею судеб обреченный на вымирание. Была уничтожена последняя представительница этой цивилизации, и вскоре земля забыла о существовании изящной, длинноногой человеческой расы, которая когда-то обитала на ее поверхности, пока далекий предок современного человека был еще только неразумным животным.

Но... в некотором смысле она не умерла, ведь Эрик не первый раз встретился с ней. Именно ее дымчатые глаза смотрели на него в яму в древнем Риме, он слышал ее веселый хохот в средневековье. Он не сомневался, что это одна и та же девушка. И странное, ошеломляющее чувство потери, охватившее его после ее гибели, внезапно утихло. Она просто умерла, а не исчезла. Ее дочери прожили бесчисленные жизни. Так или иначе, Эрик обязательно найдет ее снова, в каком-нибудь другом времени или стране. Он будет прочесывать век за веком, пока вновь не отыщет ее. И тогда обязательно спросит, что означал брошенный на него перед смертью от голубого луча трогательно-нежный знакомый взгляд. Он бы...

Глубокий гортанный рев, донесшийся из пролома в стене, прервал размышления Эрика, и он внезапно осознал, насколько абсурдны и нелепы его мысли. Стоявшее ближе всех к нему человекоподобное чудовище первое из сородичей справилось со страхом.

Оно подняло ржавый меч, выкованный руками инопланетной расы для какой-то неизвестной и навсегда забытой цели, и бросилось вперед.

Едва руки Эрика сомкнулись на переключателях, как огромный, затерянный в веках город превратился в вихрь и навсегда растворился в безднах прошлого.

Эрик лежал в захлестывавшей его ментальной и физической инертности, пока мимо него снова проносилось время. Беспощадный механизм в рюкзаке опять щелкнул. Через бесконечный промежуток времени впереди вспыхнул свет. Эрику стало плохо не только от тропической духоты, но и от вони грязи, мускуса и доисторических болот. Здесь не было ничего, кроме огромных плещущихся чудовищ и бесконечных горячих морей. Он щелкнул переключателями еще раз.

III.

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ он оказался на бескрайней широкой равнине, а потом материализовался на вершине каменистого холма, на который забиралась орда волосатых вопящих людей. После этого Эрик как можно скорее покинул разрушенный храм посреди джунглей, лагерь потрепанных жизнью узкоглазых кривоногих кочевников, и загадочное туманное место, где слышались выстрелы из неизвестного Эрику оружия. Но девушка с дымчато-голубыми глазами так больше нигде и не появилась.

Он уже начал отчаиваться, потеряв счет мелькающим вокруг мирам, превратившимся в шумную цепочку хаоса. Сейчас Эрик стоял на раскаленном солнцем постоялом дворе.

Он слышал слова незнакомой ему речи, топот лошадиных копыт, нетерпеливое позвякивание сбруи и скрип колес. Сквозь облака пыли, поднятой толпой, суевающейся у ограды, он сумел разглядеть вереницу тяжелых фургонов, вокруг которых топтались странные низкорослые бородатые люди, грузящие в повозки ящики и тюки. Они издавали странные гортанные звуки, из которых, по всей видимости, состоял их родной язык. Всадники неосмотрительно скакали прямо через толпу спящих туда-сюда людей, а каждая повозка была запряжена двумя волами с огромными рогами.

Эрик очутился в углу низкой стены, опоясывающей двор, и в обшей суматохе его до сих пор никто не заметил. Он спокойно стоял, положив руку на рукоятку револьвера, и просто наблюдал за происходящим, будучи не в состоянии понять, в какой стране находится, какой сейчас год, и к какой расе принадлежат окружающие его

There was something rather awe-inspiring about this launching upon time's broad river. In it the old scientist saw some purpose vaster than his own—

люди. Все они были маленького роста, смуглые и покрытые жесткой шерстью, а своими сгорбленными спинами напоминали гномов. Никогда прежде Эрик не слышал странного языка, на каком эти создания общались между собой.

Затем в дальнем конце двора толпа неохотно расступилась, и сквозь нее прошла колонна горбатых смуглых людей с острыми пиками на плечах. За собой они вели пленницу.

Это была высокая, стройная, грациозная девушка. Она шла, гордо подняв подбородок. Эрик нетерпеливо подался вперед. Да, это была она. Он тотчас узнал ее по осанке и походке. Когда она подошла ближе, он сумел разглядеть черты ее лица, но все же для полной уверенности ему надо было увидеть те самые дымчато-голубые глаза.

Руки девушки были скованы наручниками, а между лодыжками звенели цепи. Порванная с одного края кожаная туника была подпоясана крученым ремнем, с которого свисали пустые ножны. Гордой походкой девушка шла мимо сгорбленных солдат, глядя на них с нарочитым презрением. С первого взгляда было ясно, что она

принадлежит к благородному аристократическому роду. И снова не могло быть никаких сомнений в том, что народ девушки в развитии намного опередил темнокожих карликов, взявших ее в плен.

Шум во дворе уже стих. Пыль оседала на длинном обозе, волах и всадниках, выстроившихся шеренгой через одинаковые промежутки. Толпа молча расступилась, дав проход медленно идущим солдатам и их равнодушной пленнице. Воздух был пропитан напряжением.

ЭРИКА терзало смутное предчувствие надвигающейся беды. Он как будто знал, что вот-вот произойдет, и это навязчивое ощущение щекотало его нервы. Наблюдая за процессией, движущейся по огромному двору, он попытался понять, что именно должно случиться. В центре площади находился камень, испещренный царапинами и покрытый пятнами засохшей крови. Эрик вспомнил об этом только тогда, когда высокая девушка, наконец, дошла до камня, и солдаты заставили ее встать на колени. Жертвоприношения всегда проводились перед всем народом. В те времена ненасытным богам приносили в жертву человеческие жизни.

Не отдавая отчета в своих действиях, Эрик вынул пистолет и стал продираться сквозь толпу. Изумленные и ничего не понимающие люди расступались перед ним и таращили глаза. Они никак не могли взять в толк, откуда среди них мог появиться высокий светловолосый гигант, который вдобавок к этому орал как сумасшедший.

Он не встречал никакого сопротивления, пока не добрался до шеренги солдат. С яростными гортанными криками они бросились на него, но он не растерялся и несколько раз выстрелил в нападавших. С такого расстояния он никак не мог промахнуться, и шестеро карликов ничком рухнули на землю. Их тела окутал голубой пороховой дым.

Должно быть, жители этого города приняли Эрика за несущее смерть божество, появившееся на площади, словно гром среди ясного неба. Они завопили что есть мочи и бросились врассыпную, и двор опустел, как по мановению волшебной палочки. Испуганная толпа оставила после себя лишь медленно оседающую пыль. Лошади с громким ржанием встали на дыбы. Сквозь завесу частиц пыли и поверх груды лежащих тел Эрику, наконец, удалось встретиться взглядом с девушкой. В последний раз они виделись в гигантском разрушенном здании забытого в веках города. И в который раз ему показалось, что у нее сверкнули глаза, как будто она узнала его. Несмотря на сковывавшие девушку цепи, она реши-

тельно поднялась, гордо выпрямилась и с вызовом посмотрела на него, словно не желая показывать страх.

— Меня не нужно бояться, — перезаряжая пистолет, как можно мягче сказал Эрик, понимая, что сейчас все зависит от его тона. — Нам лучше убраться отсюда, пока они не поняли, что к чему.

Девушка по-прежнему лишь смотрела на него широко раскрытыми глазами, застыв от страха. Но сейчас было некогда давать ей прийти в себя. Эрик уже видел выглядывающие из-за угла темные бородатые лица, поэтому немедленно перемахнул через тела убитых солдат и сбил девушку с ног. Он лишь ахнула, когда он схватил и перекинул ее через плечо, и больше не издала ни единого звука. Придерживая колени девушки одной рукой и крепко сжимая пистолет в другой, он в несколько шагов пересек двор и перебрался через стену.

Двор был окружен небольшими глиняными домиками. Эрик спокойно шел по пыльной улице, настороженно всматриваясь в каждое здание и держа пистолет наготове. Закованная в кандалы девушка висела у него на широком плече. Из окон домов жители наблюдали за проходящим мимо высоким золотоволосым, неизвестно откуда взявшимся богом. О событиях этого дня явно сложат легенды, ведь какой-то бог соизволил спуститься на землю, чтобы лично забрать свою жертву.

На окраине деревни он остановился, снял с плеча девушку и позволил ей встать на ноги. Затем обратил внимание на кандалы. Цепи, очевидно, служили просто церемониальным украшением, поэтому не составило большого труда их снять. Но руки и ноги девушки все равно были скованы железными браслетами. Эрик так и не смог снять их, но, к счастью, они были не такими уж тяжелыми. После того, как последняя цепь с ног девушки со звоном упала на землю, он встал на ноги и осмотрелся. Они находились в широком кольце однообразных холмов.

— Ну, и как теперь нам быть? — спросил он, глядя на нее сверху вниз.

Сквозившая в его действиях и словах неуверенность убедила девушку, что, по крайней мере, ее похитил человек, а не божество. Страх исчез из ее взгляда. Она обернулась, посмотрела на оставшуюся позади деревню и только потом заговорила. Эрик впервые услышал ее низкий бархатный голос. Язык, на котором она говорила, оказался певучим, приятным на слух и насыщенным знаковыми интонациями. Эрик бегло говорил на нескольких языках и был уверен, что уже когда-то слышал похожие фразы, но пока не мог определить на слух, какой именно язык использовала девушка.

Так и не дождавшись ответа, она схватила его за руку и потянула было за собой, но вдруг замерла и вопросительно посмотрела на него. По ее взгляду он понял, что ей явно не терпится покинуть деревню, но лишь пожал плечами и махнул рукой. Девушка понимающе кивнула и быстрым шагом направилась к холмам. Эрик последовал за ней.

НЕСМОТРЯ на железные браслеты на руках и ногах, на которые девушка не обращала ни малейшего внимания, она даже не думала сбавить темп. Стремительными шагами она шла по склонам холмов, пробиралась через густые лесные заросли и пересекала болота. Они не останавливались несколько часов. Солнце медленно клонилось к закату, и тени стали длиннее. Но Эрик с девушкой решили сделать привал только после окончательного наступления темноты. Они дошли до небольшой лощины, со всех сторон окруженной деревьями. Выдававшийся вперед скалистый выступ мог послужить отличным укрытием от ветра и дождя, а между камнями тонкой звонкой струйкой бежал ручеек. Это было идеальное место для лагеря.

Девушка повернулась к Эрику, и он во второй раз услышал ее чарующий голос. И тут же понял, почему слышал знакомые слова в ее репликах. Можно было с почти полной уверенностью сказать, что она говорила на баскском языке. Когда-то давно ему выдалась возможность выучить несколько слов из этого странного древнего языка, который некоторые специалисты считали древнейшим на планете. Они полагали, что это последний из доарийских языков, связанный с исчезнувшими с лица земли расами и канувшими в Лету эпохами. И это предположение, скорее всего, было верным, потому что в речи девушки постоянно проскакивали знакомые фразы и слова. *Кстати...* остановившись, задумался Эрик, *в будущем я или в прошлом?* Впрочем, все это сейчас не имело никакого значения. Девушка постоянно упоминала слово «огонь» в неизвестном контексте и все время поглядывала на кусты, растущие рядом с их стоянкой. Поэтому Эрику не оставалось ничего другого, кроме как отбросить лингвистические размышления и помочь ей собрать хворост.

Она пришла в благоговейный ужас при виде спичечного коробка, с помощью которого он зажег костер под нависшей скалой. Однако через некоторое время девушка успокоилась, оставила его одного греться у костра и исчезла в темноте. Эрик с беспокойством ждал ее возвращения. Его спутница не заставила себя долго ждать и уже вскоре появилась в мягком свете костра, держа в руках пытавшегося

вырваться на свободу кролика. Он так и не понял, как ей удалось его поймать. Ему не верилось, что она могла поймать такое быстрое существо, да и еще и без каких-либо ловушек. Но эта тайна, как и многие другие, так и осталась неразгаданной.

С помощью охотничьего ножа они освежали маленького зверька и убрали внутренности, а затем поджарили тушку на тлеющих углях. Этот был крупнее и сильнее своих собратьев из времени Эрика, а его мясо оказалось жестким с резким вкусом.

После они просто сидели у аккуратного обложенного камнями костра, пытаясь общаться. Девушку звали Майя. Ее народ жил в белокаменном городе к востоку отсюда, добраться до которого можно было за день-два. К сожалению, Эрику так и не удалось узнать, в каком веке он очутился. Но из непонятного потока слов Майи он все-таки сумел вычленить кое-что очень важное. Она рассказала о своем древнем роде, произошедшем от расы богов, на заре эпох живших в небесном царстве, но он не мог ручаться за точность этих сведений, поскольку понимал ее с огромным трудом.

Во время разговора она часто бросала на него серьезный взгляд, и ее необыкновенные глаза опять светились так, будто Эрик был ей знаком. Впоследствии он чаще всего вспоминал именно то, как Майя смотрела на него, и регулярно ловил на себе ее растерянный задумчивый взгляд, каким она внимательно изучала его лицо, словно пытаясь что-то вспомнить.

Он сидел молча, едва вслушиваясь в переливы ее низкого бархатного голоса. Он любовался серьезными, но в то же время нежными чертами ее юного лица. Любовался чуть раскосыми глазами, округлыми щеками и изящно изогнутыми полными губами. На Эрика периодически накатывало волнение, ведь они встретились, несмотря на разделявшие их века! Он затаил дыхание и осознал, что не может описать словами волшебные чувства, переполнявшие его душу. Почти с благоговением глядя на милое, уже ставшее знакомым лицо Майи, он понял, что эта судьбоносная встреча значила для него гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд. Всматриваясь в него, он думал о серьезных дымчато-голубых глазах девушек из других миров, так похожих на Майю. Эрик готов был поклясться, что за этими мелькающими лицами стояла великая цель, которую он пока не мог постичь.

Он наблюдал, как отблески огня окрашивают румянцем ставшее таким знакомым лицо Майи, как пламя отражается в ее глазах, где читалась тревога, и внезапно ощутил внезапный прилив нежности. Чувствуя, как комок подступил к горлу, Эрик наклонился вперед,

установился в затуманенные воспоминаниями глаза девушки и накрыл ее руки своими.

Он не сказал ни слова, но ему показалось, что в ее глазах блеснула искорка понимания, которая одним махом вытеснила из них растерянное напряжение, и ее прекрасное лицо прояснилось. Это было чарующее мгновение, еще сильнее захватившее и сблизившее их обоих. Недопонимание и недоумение были отброшены, и, казалось, Эрик с Майей почти нашли ответ на вопрос, были ли их встречи действительно предначертаны судьбой.

ЗАТЕМ, когда, казалось, ничто не предвещало беды, девушка неожиданно заплакала. Она выдернула руки из-под ладоней Эрика, и, как испуганная лань, вздрогнула, быстро вскочила на ноги и сжала кулаки, уставившись на него влажными глазами. Она явно не была против того, что он дотронулся до нее, — она, конечно, понимала, что за этим стоял всего лишь эмоциональный порыв, — но скрывавшаяся за полными слез голубыми глазами внутренняя сила заставила ее так поступить. Какое-то время она в нерешительности стояла, затем беспомощно махнула рукой, в полном молчании снова опустилась на землю, поникла и продолжала смотреть на тлеющие угли.

Вскоре тишину нарушил ее мягкий вкрадчивый голос. Майя произносила казавшиеся бессвязными куцые фразы, мерно растворяющиеся в окружающем их ночном мраке. Они с Эриком провели вместе уже достаточно времени, чтобы он понял, насколько оскорбительным для нее был его жест, пускай и вызвавший у них обоих прилив взаимопонимания. Она была помолвлена и попыталась объяснить ему, что за этим стояло нечто большее, чем простой обмен клятвами между влюбленными. Из ее речей Эрик понял, что она говорила о религиозной церемонии, браке первосвященника и избранной Девы, храмовых обрядах и гнев ревнивого Бога.

Далее Майя пояснила, что она, как невеста жреца, должна блюсти строгие правила приличия. Ни один мужчина не имел права касаться ее, пока она не войдет в священные объятия церкви. Также ей запрещалось испытывать любовные чувства к другому мужчине. И, возможно, именно из-за этого она отстранилась от Эрика и стала бороться с самой собой, вдруг почувствовав волшебное чувство единения в прикосновении золотоволосого незнакомца.

Но по поведению Майи было прекрасно видно, насколько она преданна своим клятвам и убеждениям. С того самого момента, когда Эрик впервые заглянул в ее дымчато-голубые глаза, он понял, что она ни при каких обстоятельствах не посмеет нарушить обет.

Эта верная девушка даже пошла на самоубийство, чтобы ее тело не осквернили варвары. Эта властная и жестокая девушка мрачно наблюдала за пытками в раскаленной солнцем яме, искренне веря в божественное право императоров распоряжаться жизнью своих подданных. О, эта девушка была очень упряма. Она искренне верила в свои убеждения, невзирая на то, к чему они ведут: к добру или ко злу. И таких, как она, было принято возводить в ранг мучениц.

Ночью им пришлось по очереди дежурить у костра, причем Майя сама настояла на этом, и Эрик не посмел возразить. Он понятия не имел, какие опасности мешали им спать одновременно. Последним, что он видел, перед тем как провалиться в сон, была фигурка Майи, одетой в рваную кожаную тунику. Несмотря на кажущуюся хрупкость, она была прекрасна в своей решимости следовать клятвам и расписанной по часам жизни. Ничто на свете не могло сбить ее с праведного пути. Она была так прекрасна...

Он закрыл глаза, и к горлу подступил комок боли.

Утром она принесла связку толстых птиц с короткими крыльями, больше всего напоминавших перепелов, и стала готовить их на краю родника. Майя мрачно улыбнулась Эрику, когда он сел, но не сказала ему ни слова и не смотрела на него, если на то не возникало необходимости, явно не собираясь подчиняться предательскому чувству, вызвавшему в ней вчера бурю противоречивых эмоций.

В полном молчании они съели приготовленную на углях птицу. Потом Эрик попытался объяснить Майе, что собирался довести ее до ворот города. Поначалу она возражала, поскольку хорошо знала окружающую местность и не нуждалась ни в каком сопровождении. Но, несмотря на сложившиеся обстоятельства, Эрик не мог заставить себя покинуть девушку. Мгновение кристально чистого единения и понимания создали между ними нерушимую связь.

И, наконец, после долгих уговоров она согласилась. После этого они, почти не разговаривая, потушили костер и продолжали свое движение по холмам в сторону восходящего солнца, сверкающего яркой точкой на небосводе. Путешествие заняло весь день. Когда они остановились пообедать, Майя снова одной ей известным способом поймала одного кролика. После полудня рюкзак на спине, в котором находилась машина времени, начал высасывать силу Эрика. Когда он немного нагнулся вперед, чтобы облегчить ношу, Майя с любопытством посмотрела на него, но так ничего и не сказала.

Над холмами уже сгустились сумерки, как она вдруг остановилась на вершине небольшого возвышения и указала вперед. На вер-

шине высокого холма Эрик увидел несколько белых домов, окруженных разрушенной стеной. И тут девушка ясно дала ему понять, что пришло время прощаться. Никто в городе не должен был видеть его.

Он стоял на вершине холма и смотрел ей вслед. Она, не оглядываясь, шла вперед легкой, уверенной походкой, ногами раздвигая высокую зеленую траву и высоко держа голову. Эрик не отворачивался, пока Майя не превратилась в крохотную фигурку и не скрылась за городскими воротами. И тут же его сердце кольнула боль утраты, но вместе с тем он ощутил радостное предвкушение. Ибо с каждым разом он все больше убеждался в том, что за этими короткими и, казалось бы, бесполезными встречами с живущей во всех временах голубоглазой девушкой кроется нечто большее, чем простая случайность.

Когда ее фигурка исчезла из поля зрения, он решительно потянулся к закрепленным на поясе переключателям. Он снова потерял ее... но не навсегда. Она уже ждала его где-то в туманном далеком будущем, или в неисследованном прошлом. Он в который раз щелкнул переключателями.

МРАЧНЫЙ ПОТОК СТОЛЕТИЙ проносился над Эриком, стирая холмы и зеленые луга между ними, а также постепенно приходящий в упадок безымянный белокаменный город. Пусть он никогда больше и не увидит эту Майю, но его уже ждали другие Майи. Эрика поглотило забвение. Поглотило оно и его нетерпение, и зародившуюся веру в великую цель, стоящую за всеми его действиями.

По щелчку машины времени он попал из серой пустоты в яркий солнечный день, очутившись на холме рядом с зубчатыми стенами замка, окруженного рвом. Примерно в четверти километра он увидел толпу закованных в доспехи людей. Они стояли под каменной стеной, и ветерок доносил до него крики и скрежет металла. И тут он подумал о том, что в своих путешествиях ему слишком часто приходится сталкиваться с войной и смертью. Поэтому задался вопросом, а не влияло ли его бурное прошлое на миры, в которых он появлялся, и был ли у него хоть какой-нибудь шанс попасть в мир без войн и насилия?

Но сейчас это мало что значило. Эрик внимательно огляделся, гадая, живет ли в этом средневековом мире еще одна голубоглазая Майя. Но можно было с уверенностью сказать, что рядом ее точно нет. Зеленый лес сомкнулся у подножия холма. Вокруг не было никаких признаков цивилизации, кроме замка и осаждающих его

кричащих воинов. Возможно, она и жила где-то здесь, в этом ярком примитивном мире, но он не мог так рисковать, ведь ее можно было найти и в других мирах.

Внезапно Эрика охватил благоговейный трепет при одной мысли об ее повсеместном присутствии. Она была повсюду и во всех временах. Ее знали все эры, а давление ее ног ощущали на себе все участки суши. Хотя Майа находилась в бесконечном будущем и бесконечном прошлом, а также в самых далеких уголках Земли, в реальности все ее воплощения, ее бесчисленные дочери, были доступны в любой момент времени, вне зависимости от того, куда заходила машина времени. Майа была вездесущей, вечной. Он чувствовал ее присутствие даже во всепоглощающем забвении. А затем он в очередной раз коснулся переключателей, и посаженный замок навсегда остался в далеком прошлом.

IV.

ДВОЕ ДЕТЕЙ играли у мелкой речки. Эрик медленно шел к ним по теплему песку. Девочка и мальчик были одеты в короткие рубашки грязно-белого цвета. На вид им обоим было лет по десять, и все их внимание было сосредоточено на игре у воды. Они оторвались от своего занятия только тогда, когда тень Эрика упала на их замок из камней и песка. На загорелом личике девочки весело поблескивали знакомые дымчато-голубые глаза.

Эти глаза долго и внимательно осматривали его. Затем она мило и неуверенно улыбнулась, поднялась на ноги и стряхнула песок с босых ног и рубашки. Судя по нерешительной улыбке, озарившей ее милое личико, она явно собиралась что-то сказать.

— Ou e'voof, — наконец, раздался ее нежный голосок.

Язык, на котором она говорила, отдаленно напоминал французский. Судя по всему, девочка хотела спросить: «Кто вы?»

— Je suis Eric,* — с серьезным видом ответил он.

— Zhn'compren, — она с сомнением покачала головой, но недоверие в ее знакомых дымчато-голубых глазах быстро сменилось узнаванием. — Zh voo z'ai vu?

— Правда? — очень мягко спросил Эрик, стараясь коверкать свой французский на манер девочки. — Ты что, действительно, видела меня раньше?

— Кажется, да, — застенчиво пробормотала она и, покраснев, заговорила еще тише, практически перейдя на шепот. — Я уже где-то

* Меня зовут Эрик (прим. перев.)

видела ваше лицо... где-то, когда-то... давным-давно. Ведь правда? Неужели я... Эрик? Я не знала, как вас зовут. Я только сейчас услышала ваше имя. Но ваше лицо... Ты... О, Эрик, дорогой, я так люблю тебя! – Прямо посреди фразы она сменила официальное «вы» на интимное «ты».

– Эрик, *cher...zh l'aime!** – воскликнула она в порыве детской нежности.

Вдруг из ивовой рощи, через которую тек ручеек, донесся резкий женский голос. Послышалось тихое шуршание: кто-то быстро приближался, шагая по опавшим листьям. Мальчик сразу вскочил на ноги, но девочка, казалось, ничего не заметила. Она все также смотрела на Эрика широко раскрытыми голубыми глазами, и на ее личике читалось искреннее восхищение. Будь она на десять лет старше, то, скорее всего, с подозрением отнеслась бы к Эрику, но сейчас ее действиями руководила детская непосредственность, и поэтому ее ничего не смущало.

Женщина была уже совсем близко. Эрик понимал, что не нужно заставлять ее понапрасну волноваться. Он наклонился и нежно поцеловал девочку в щеку. Затем взял ее за плечи и легонько повернул к рощице, в которой минуту назад скрылся мальчик.

– Ну, беги скорей к своей маме, – тихо сказал он.

Затем снова положил руки на переключатели. Пока берег речки растворялся в небытие, он подумал о том, что Майя (или ее дальние родственницы) с каждым разом узнавала его все быстрее и быстрее. И пускай их встречи не были запланированными, и он просто перепрыгивал из одного времени в другое, эта маленькая девочка вполне могла быть далеким потомком или прародительницей той самой решительной Майи. Но, несмотря на это, она все-таки помнила его. И тут забвение прервало его размышления.

ИЗ ВИХРЯ ТЬМЫ Эрика выдернула внезапная вспышка света и перенесла его в какой-то мрачный город. Металлические стены уходили высоко в небо. Он стоял на вершине одной из многочисленных высоток, откуда открывались поразительные, волнующие виды на лежащий внизу город. Яркое солнце отражалось от гладкой поверхности стали. Эрик на мгновение замер, прикрыл глаза ладонью и вгляделся вдаль. В этот раз он хотел сделать все как можно скорее. Внутренний голос подсказал ему, что его цель находится в ином временном промежутке, а значит, клубок удивительных приключений все еще продолжал разматываться. Решив больше не тра-

* Я люблю тебя! (прим. перев.)

тить драгоценное время на бездушный металлический город, Эрик снова щелкнул переключателями, и сияющая громада мегаполиса растворилась в пустоте.

Не успев разобраться, что к чему, он чуть не оглох от вырвавшихся из человеческих глоток диких звериных воплей, больше всего напоминающих волчий лай. Затем под ногами оказался дощатый настил, и он увидел, как размахивающая кулаками и оружием взъерошенная толпа смотрит на высокий каменный помост. Треск быстро разгорающегося пламени даже заглушал людской рев. На другой платформе, гордо задрав подбородок, стояла привязанная к высокому обугленному столбу голубоглазая девушка. Ее ноги утопали в хворосте, и огонь вот-вот должен был перекинуться на нее. Однако она не обращала на это ни малейшего внимания, и просто стояла, прислонившись к столбу и с глубоким презрением глядя на суматоху внизу.

Эрик быстро осмотрелся, надеясь найти хоть какой-нибудь способ спасти девушку. Позади него на платформе в изумлении застыла небольшая группа мужчин и женщин в яркой одежде шестнадцатого века. Судя по всему, это была знать, наблюдающая за казнью со своих излюбленных мест. Эрик решил не тратить время на ошеломленных людей и отвернулся от них, чтобы с отчаянием обвести взглядом орущую пеструю толпу. Но нет, рядом не оказалось ничего подходящего, и надежда на спасение гасла с каждой секундой. Громкими выкриками, похожими на звериный рев, бесновавшийся народ требовал смерти высокой девушки.

— Ведьма! Смерть ведьме! — громко скандировала толпа на древнеанглийском, который Эрик без труда понимал.

До сих пор никто из толпы так его и не заметил, но девушка на костре явно не входила в их число.

Когда обжигающие языки пламени начали превращаться в огненные волны, взгляды Эрика и девушки, наконец, встретились, создав волшебное чувство, обычно вызываемое теплыми объятиями или крепким рукопожатием. И снова приговоренная к сожжению ведьма из старой Англии и высокий молодой авантюрист из Америки нашли друг друга. Сердце Эрика забилося чаще, когда он увидел уверенность в прекрасных дымчато-голубых глазах, в которые так любил смотреть. Не было никаких сомнений в том, что девушка узнала его.

— Ты вернулся! Я знала, что ты обязательно вернешься! — донесся до Эрика ее надрывный крик, на мгновение заглушивший громкое улюлюканье толпы.

Разъяренные люди услышали ее слова и замолкли. Затем они все практически одновременно оглянулись, чтобы проследить за ее восторженным взглядом. И в то самое мгновение, когда они остолбенели при виде высокого золотоволосого человека, величественной фигуры, стоящей на фоне голубого неба, в воздухе зазвенел голос ведьмы:

— Ты вернулся! Я не сомневалась, что в конце концов ты обязательно вернешься. Они всегда так говорили. Они все знали! И сейчас я должна умереть за переданные мне великие знания... Но они также дали понять, что это еще не конец! Где-нибудь, когда-нибудь, мы обязательно встретимся вновь! До свидания, мой дорогой, прощай!

Хоть языки пламени и начали лизать кожу девушки, ее голос не дрогнул, и скоро алый огонь поглотил хворост и превратился в бушующий ад. Задыхаясь от ужаса, Эрик достал пистолет и выстрелил. От оглушительного хлопка половина толпы в ужасе упала на колени, и сквозь зарево пламени Эрику удалось разглядеть статную фигуру девушки, повисшую на веревках. Он больше ничем не мог ей помочь.

Затем наступила полная тишина. Скрип досок под ногами был сравним с раскатами грома. Эрик сунул пистолет за пояс и дотронулся до переключателей. Когда павшая ниц толпа и окутанная пламенем ведьма обратились в ничто, в его груди снова вспыхнуло пламя нетерпения.

Теперь он еще на шаг приблизился к своей цели. С каждым разом девушка узнавала его все быстрее и быстрее. Эрик почувствовал, что его история близится к завершению. Они все равно должны были прийти к единству любви и понимания, несмотря на многочисленные препятствия, и с каждой последующей встречей он все сильнее ощущал, что итог будет именно такой. Все их действия были не напрасными.

В нахлынувшем на него забвении Эрик кристально четко осознавал вездесущее присутствие Майи. Она была в пролетавших мимо веках и континентах, во времени, пространстве и самой жизни, ее вездесущая красота была частью всего, и он радовался темноте забвения так, словно обнимал саму девушку. Он был полон ею и чувствовал, что в мире ничего нет, кроме них. Он не мог потерять ее, отдалиться от нее или скучать по ней, потому что она была везде и всегда. И скоро все закончится. Очень скоро... И все станет ясно....

ЭРИК ОЧНУЛСЯ от забытья и попытался что-то разглядеть в окружавшей его темноте. Но она укрыла его огромными крыльями

и никак не хотела отпускать. Если он и стоял на твердой поверхности, то не знал этого. Он изо всех сил напрягся, чтобы побороть эту тьму, но не сумел ничего сделать. Чернота была живой, пульсирующей от предвкушения субстанцией. Он молча ждал.

— Я так долго тебя ждала, — наконец, нарушила девушка молчание своим нежным, чистым и таким знакомым голосом.

Эрику не требовались глаза, чтобы понять, кто с ним разговаривает.

— Неужели это конец? — спросил он и затаил дыхание. — Та цель, к которой мы оба так долго шли?

— Конец? — удивленно переспросила она. — Или, может быть, начало, кто знает. Разве у круга есть начало или конец? Достаточно того, что мы теперь вместе.

— Но что?.. Почему?

— Где-то что-то пошло не по плану, — тихо ответила она. — Однако сейчас это уже не имеет никакого значения. Мы искупили давно забытые грехи, когда-то разлучившие нас. Мы все время искали друг друга в беспокойных реках времени, но встречались только наши нечеткие отражения. И мы с тобой должны были стать настоящими повелителями времени и пространства, но вместо этого нам приходилось бороться с изменчивым ходом времени. Ты же сразу понял, что мы не такие, как все остальные. Но теперь всему этому пришел конец. Наши старые жизни прожиты, и мы можем, наконец, вырваться из времени и пространства и занять новое место во Вселенной. Наша любовь всегда была так велика, и, пускай мы так и не признались друг другу в своих чувствах, но она до краев наполняла собой пустоту, и ты так долго искал меня повсюду, страдая из-за моих мучений... И я напрасно ждала тебя тут. Пришло время забыть об этом. Все кончено. Наконец-то мы нашли друг друга.

— Было бы замечательно, если бы я хоть что-нибудь мог разглядеть, — с тревогой ответил Эрик, протягивая руку в темноту. — Здесь так темно, хоть глаз выколи... Тут. А где мы?

— Темно? — звонко засмеялась девушка. — Темно? Мой дорогой, это не тьма! Подожди минутку...

В темноте кто-то сжал руку Эрика.

— Вот так! А теперь пойдем со мной.

И они вместе начали свое новое путешествие.

Tryst in time, (Astounding, (1936 № 12), пер. Игорь Фудим, при участии Александры Заушиковой

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР

ЧЕСТНАЯ СДЕЛКА (под псевд. Уилл Гарт).....	5
Men of honor, (Capitan Future, 1940, Spring), пер. Андрей Бурцев и Александр Штрамм	
ВРЕМЯ УБИВАТЬ	11
Time to kill, (Strange Stories, 1940 № 6), пер. Андрей Бурцев	
БЛОК ПАМЯТИ (под псевд. Уилл Гарт)	25
Memory bloks, (Capitan Future, 1941, Spring), пер. Андрей Бурцев и Александр Штрамм	
ДРЕВО ПОЗНАНИЯ (под псевд. П. Эдмондс)	31
The tree of life, (Astonishing, 1941 № 9), пер. Игорь Фудим, при участии Александры Заушниковой	
ОПУСТОШЕНИЕ	49
Thunder in the void, (Astonishing, 1942 № 10), пер. Андрей Бурцев и Александр Штрамм	
НОЧЬ БОГОВ (под псевд. П. Эдмондс).....	81
Night of gods, (Astonishing Stories. 1942 № 12), пер. Андрей Бурцев и Светлана Белоусова	
ВОПРОС ЭТИКИ.....	117
Problem is ethics, (Science Fiction Stories, 1943 № 7), пер. Игорь Фудим, при участии Александры Заушниковой	

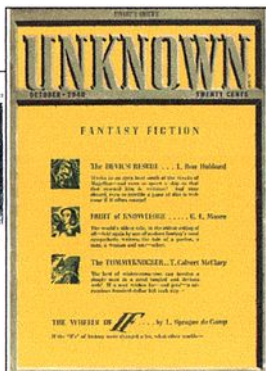
КЭТРИН МУР

ЯРКАЯ ИЛЛЮЗИЯ	139
The Bright Illusion, (Astounding, 1934 № 10), пер. Игорь Фу- дим, при участии Александры Заушниковой	
ВЕЛИКОЕ ЧУДО	167
Greater Glories, (Astounding, 1935 № 9), пер. Андрей Бурцев, при участии Ивана Штрамма	
СВИДАНИЕ ВНЕ ВРЕМЕНИ	195
Tryst in time, (Astounding, (1936 № 12), пер. Игорь Фудим, при участии Александры Заушниковой	

Генри Каттнер

M. E. S. MOORE

It was the first Salsbuck. Down the open glades of Eden a breeze stirred softly. Nothing else in sight moved except a small winged bird that flitted, yawning, across the glade and vanished among leaves that drew back to receive it. The

"You won't like this," the clerk warned.

light. She smiled to herself and whispered to her sister, "I hope I shall be able to do it." The thought, however it might be, would keep Aden's attention distracted a while longer than what went on in Karen, and she was deeply grateful for that. She needed this respite.

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР

Древо познания